ISSN № 0130-7045

НАУКА И РЕЛИГИЯ

3 • 1980

Этот музейный стенд рассказывает о героическом женском авиаполке, в рядах которого сражалась Герой Советского Союза Марина Павловна Чечнева. На фото слева — Марина Павловна сегодня.

Фото А. Годунова.

Л. В. Ванина (в центре) и ее сотрудники исследуют физиологическое состояние больной с пороком сердца и ее будущего ребенка.

Фото В. Опалина.

В музее Самаркандского фарфорового завода собираются образцы продукции и уникальные изделия мастеров.

Рано Ибрагимова расписывает набор «Подарочный».

Фото Н. Добрикова.

НАША ОБЛОЖКА

В мартовском номере мы по традиции обращаемся к женской теме. Международный женский день — повод для нынешнего разговора — определил и его содержание. Три очерка в этом номере рассказывают о советских женщинах разных поколений, несхожей судьбы, но жизнь каждой из трех — пример активного участия в делах страны, осмысленной и благородной работы на благо людей, освобождения от всякого духовного гнета.

Участие женщин в жизни общества — проблема общечеловеческая. «Общественный прогресс, — писал К. Маркс, — может быть точно измерен по общественному положению прекрасного пола». Наша действительность подтверждает истинность этих слов. Жизнь женщины в Советской стране — вдохновляющий пример для тех ее сестер во всем мире, которые еще отстранены от общества, угнетены в семье, не допущены к образованию, которые сегодня становятся на путь борьбы за свои права. Нередко на этом пути сильной преградой стоит религия, многие века проповедовавшая греховность женщины, ее неполноценность и, стало быть, невозможность ее активной деятельности. Можно уверенно сказать, что в освобождении женщины в нашей стране огромную роль сыграла победа массового атеизма — в этом проявилось его гуманистическое содержание. Религия обрекала женщину на терпение и покорность, освящая именем бога то угнетенное положение, в котором она находилась. Атеизм ведет женщину к осмысленной деятельности, пробуждает ее самосознание.

Вопреки установлениям религии, по законам истины и добра живут и активно действуют героини наших очерков: и прославленная летчица Марина Павловна Чечнева, совершившая 810 боевых вылетов в дни Великой Отечественной войны; и профессор медицины Лидия Васильевна Ванина, которая своими руками творит чудо — помогает больным женщинам обрести счастье материнства; и молодая художница-узбечка Рано Ибрагимова — одна из многих женщин Востока, отбросивших требования мусульманской религии и нашедших счастье в любимом труде и духовной свободе. Этим женщинам посвящена **в т о р а я** страница нашей обложки.

На **т р е т ь е й** странице обложки — детские рисунки. Это работы ребят, которые живут в Узбекистане. В Международный год ребенка в Ташкенте действовала выставка детского творчества, и эти рисунки были среди ее экспонатов. О ней читайте корреспонденцию В. Харазова (на стр. 6). Эпиграфом к этой выставке могли бы послужить слова поэта:

Откроются двери,
и сразу
Врываешься в град
мастеров,
Врываешься в царствие
глаза,
Глядящего из-под
вихров.
Глаз видит
и пишет, как видит.
И если не выйдет —
порвет,
А если удастся и
выйдет —
На выставку тут же
пошлет.
(Б. С л у ц к и й.)

Серый волк.
А. и З. Муратовы, 9 лет.
Фото Н. Ш а р и п о в а.

НАУКА И РЕЛИГИЯ 3·80

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОРДЕНА ЛЕНИНА ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Год издания двадцать первый

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Рукописи и фото не возвращаются.

ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ

ПРАКТИКА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ

ЧЕЛОВЕКУ О ЧЕЛОВЕКЕ

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ, ВЕРУЮЩИЙ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

«БОЖЕСТВЕННЫЕ» КАМНИ: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

В СТРАНАХ СОЦИАЛИЗМА

ЗА РУБЕЖОМ

БЫТ И НРАВЫ НАРОДОВ

ОНИ ВЫБРАЛИ

Константин Симонов, говоря о книгах Марины Чечневой, отметил их очень важную особенность: умение, вспоминая прошлое, да еще такое прошлое, как война, лучше помнить, что сделали твои товарищи, чем то, что сделал сам; больше говорить о них, чем о себе. Это свойство памяти, которым наделены только поистине хорошие и самоотверженные люди. Писатель, не раз встречавшийся с Чечневой и ее товарищами по полку в разгар Великой Отечественной войны, вспоминал, что именно эти, одетые в шлемы и летное обмундирование девушки, почти девочки, воевали упорно и бесстрашно, делали сотни вылетов на ночные бомбежки, снова и снова рискуя жизнью.

Герой Советского Союза Марина Павловна ЧЕЧНЕВА, автор таких талантливых книг о войне, как «Самолеты уходят в ночь», «Боевые подруги мои», «Небо остается нашим», «Летали девчата в гвардейском...», «Повесть о Жене Рудневой», любезно согласилась дать интервью корреспонденту нашего журнала А. Р о м а н о в у.

ЭТА КАРТИНА у меня перед глазами, как будто все произошло вчера. Мы с ребятами стоим на поле у Хорошевского шоссе. Зимний ветер несет по сугробам струйки поземки. Мальчишка в большой шапке и варежках рассказывает подробности:

— Вначале он сделал круг над аэродромом. Спустился. Повел самолет на посадку. Не знаю, что случилось, только вдруг стало тихо: мотор умолк. Машина начала падать на дома. Вот примерно на этот,— мальчишка показал на здание, стоявшее неподалеку... — Точно, на этот... Дом бы, конечно, разнесло. Ужас, что было бы! И тогда он свалил самолет на крыло. Ударил взрыв. Прямо вот тут, где мы стоим.

Так декабрьским днем 1938 года вошел в мое сознание подвиг Валерия Павловича Чкалова. Снова и снова вспоминаются нахмуренные лица, газеты с портретом великого летчика, обведенным траурной каймой. У скоростного истребителя, совершавшего испытательный полет, отказал двигатель. Летчик мог выпрыгнуть с парашютом, но тогда неуправляемая машина врезалась бы в дома. Пилот феерическим мастерством «дотянул» до поля.

В годы моей юности мнение, что авиация — дело не женское, разделяли многие. И тем не менее меня, 15-летнюю, в виде исключения приняли курсантом в аэроклуб. Поиски, сомнения, разочарования — это знакомо каждому. Но все отступает перед тревогой и радостью первого самостоятельного полета.

Незабываемое августовское утро 1939 года... Я встала с рассветом, прошлась по берегу речки Клязьмы. Со стороны деревни тянуло горьковатым дымом. На траве под солнцем искрилась роса. До самого старта я не могла поверить, что окажусь один на один с самолетом. И вот под крылом — деревенские крыши, блестящая лента реки. Тихоходный учебный «У-2» нес меня над зелеными лугами Подмосковья, над озерами и речками, над желтеющими полями пшеницы.

В те удивительные, неповторимые минуты первого в своей жизни полета я не могла и предполагать, что на таком полуфанерном «У-2» проведу в военном небе более тысячи часов, сброшу на врага свыше 115 бомб, стану командиром эскадрильи 46-го гвардейского Таманского краснознаменного женского авиаполка.

Я много писала о войне, о товарищах, об авиации, которой отдала 18 лет жизни, лучших, неповторимых лет.

«Мадам Чечнева, почему вы выбрали небо?» «Действительно ли вы совершили в войну 810 боевых вылетов и имеете 25 орденов и медалей? Как вам удалось спустя четыре года после войны установить мировой рекорд среди женщин-летчиц?»

Эти и другие вопросы мне задавали на официальных приемах и церемониях, во время пресс-конференций и поездок. Я отвечала на них журналистам и профессиональным военным, французским рыбакам и бельгийским шахтерам, режиссерам, снимающим фильмы о войне, и актрисам, играющим летчиц.

Блицы корреспондентов выхватывали моих друзей, французских летчиков, из числа тех, кто возлагал венки у могилы Неизвестного солдата на площади Конгресса в Брюсселе и у монумента Движения Сопротивления в Льеже, на митингах во Франции и в моменты, когда при наших встречах, вспоминая войну, украдкой смахивали слезы прославленные французские асы. Французский летчик Франсуа де Жоффр писал в своей книге «Нормандия — Неман», что русские летчицы, или «ночные колдуньи», как называли нас немцы, вылетают на задание каждый вечер и постоянно напоминают о себе. В Севастополе, Минске, Варшаве, Гданьске — повсюду, где бы они ни появлялись, их отвага вызывала восхищение летчиков-мужчин.

Разве я могу забыть те ночи и дни на израненной земле Белоруссии, когда мы долгое время базировались невдалеке от прославленного полка «Нормандия — Неман». Сколько уже рассказано, написано, снято о мужестве летчиков Франции! Но я уверена — каждое новое поколение будет открывать для себя глубочайший смысл боевого братства в эту величайшую из войн.

Как-то мне попалась на глаза книга одного зарубежного автора. Видный богослов, он довольно умело рассуждал о разных проблемах, подкрепляя свои мысли цитатами писателей и философов.

«Человек,— писал он,— сам по себе существо жалкое, может быть, самое жалкое из всех сотворенных существ. Предоставленный своим собственным средствам, он не располагает как бы ничем... Человек выходит из своей нищеты тем, что все насущно ему необходимое он испрашивает вокруг себя, в обоих мирах, к которым он принадлежит одно-

М. П. Чечнева

ный сплав подвига, взаимовыручки, гуманизма в нашей совместной борьбе.

Много писалось о призвании и мужестве авиаторов. Никто не станет спорить, что эта профессия немыслима без подвижничества и риска. Но нужно быть бесконечно влюбленным в небо, чтобы, пройдя через неудачи и потери, искренне сказать, как Сент-Экзюпери: «Ни о чем не жалею. Я играл — и проиграл. Такое у меня ремесло. А все же я дышал вольным ветром, ветром безбрежных просторов».

Женский авиаполк... С фотографий глядят на меня грустные, серьезные, смеющиеся девушки, которым чуть меньше и чуть больше двадцати. Вчерашние студентки и школьницы, они попали в объектив фотоаппарата в разные мгновения войны: кто во время занятий, на аэродроме, кто на отдыхе, кто после боя. Коротко остриженные, в гимнастерках и комбинезонах, на груди у всех — высшие боевые награды, у 23 — золотые звезды Героев Советского Союза.

Каждый праздник мне кажется, что вот-вот зазвонит телефон, и я обязательно услышу родной голос Жени Рудневой или Глаши Кашириной.

Как, казалось бы, недавно и как давно это было! В дождь и снег, мороз и туман уходили с маленьких аэродромов в воздух наши «У-2». Под плоскостями и фюзеляжем находилось шесть — восемь бомбодержателей. Скорость небольшая, летали низко, брони никакой. Поэтому вылеты совершались в темноте, ночью.

Нужно было, минуя сполохи прожекторов, дойти в любую погоду до цели, обнаружить вражеские эшелоны, танковые колонны, железнодорожные станции, сбросить бомбы, уйти от сплошного огня зениток, от истребителей...

Умом я понимаю — они не позвонят. Женя Руднева, Евдокия Носаль, Татьяна Макарова, Ольга Сандирова, Вера Белик, Глаша Каширина погибли, а мертвые не возвращаются к живым.

Но я знаю и другое. Стартуют в Космос ракеты, горят огни Братска, застыли над микроско-

небо...

временно, как дерево, укорененное в почве и простирающее в воздух свои ветви, все получает из земли и с неба».

Чтобы придать своим рассуждениям хоть какую-то убедительность, богослов опирался на выдернутые из контекста слова Антуана де Сент-Экзюпери из книги «Военный пилот»: «В дереве есть порядок, хотя его корни отличаются от ветвей».

Но мог ли замечательный французский писатель и летчик, так любивший жизнь, так веривший в торжество правого дела, в человеческий разум и справедливость, согласиться с этими сентенциями церковника? Конечно, нет.

Я снова и снова вспоминаю войну. Все свободное от полетов время мы посвящали боевой подготовке: учились стрелять из пистолета, совершенствовали знания по аэронавигации, теории полета и, хотя нам очень не хотелось, ежедневно два часа занимались строевой подготовкой. В связи с этим Герой Советского Союза Наталья Мехлина сочинила шуточное стихотворение, которое у нас назвали «Молитвой летчика». В нем, обращаясь к богу, мы просили избавить нас от занятий и зачетов, молили, чтобы быстрее возобновилась боевая работа. Были там и такие строки:

Выведи из ада в рай.
Дай бомбить передний край.
Дай нам вместо строевой
Цели на передовой.

Под адом подразумевалась учеба. Рай, естественно, был символом полетов.

Будущие писатели, художники, поэты найдут какие-то свои, новые штрихи, чтобы отразить, раскрыть неповторимый, удивитель-

пами учeные — продолжается жизнь. Та самая жизнь, частицей которой являются безвременно ушедшие от нас подруги и которая не могла бы быть прекрасной, не встань тысячи и тысячи таких, как они, на смертный бой с фашизмом.

Отвечая богослову, которого я цитировала, могу сказать, что любой человек, преодолевающий за свою жизнь нередко неимоверные трудности, не жалок, а велик и прекрасен.

Нелегкий, в общем-то, путь выпал и на мою долю. Но все же, должна признать, в жизни мне повезло. Повезло на верных друзей и высокое солдатское братство. Повезло в том, что встречалась и работала рядом с людьми удивительного мужества, редкого таланта, великой внутренней чистоты.

Сложно рассказывать о тех, кто был для тебя одновременно другом, легендой, неподдельной живой любовью и чей образ воплотился на твоих глазах в бронзу памятников. Мы не всегда до конца понимаем емкость и значимость слова «история».

Настоящие люди меньше всего думают о рубежах, которые пройдены. Мысль их занята будущим и сегодняшними делами. Человек вроде бы растворяется в них. Я сказала «вроде бы» потому, что настоящая, большая личность остается сама собою и в большом и в малом. Истинная натура не делится, не дробится на взаимоисключающие друг друга состояния. Поэтому бронзовая Марина Раскова никогда не вытеснит из моего сердца и памяти живую — то смеющуюся, то строгую, то волнующуюся, то спокойную, которую я знала.

Совсем недавно, кажется, я разговаривала с Юрием Гагариным, мы что-то рассказывали друг другу. В те минуты и часы я меньше всего думала о том, что он — частица истории. И не только России, а всего человечества.

На подаренной мне фотографии Юрий Гагарин написал: «Без ваших полетов не было бы и наших полетов». Да, такая эстафета поколений — это путь всего нашего народа, путь державы, устремленной в будущее.

ГЛУБОКИЙ ОБЖИГ

И. АЧИЛЬДИЕВ,
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

То, что мне хочется рассказать о Рано́ Ибрагимовой — художнице Самаркандского фарфорового завода, может послужить лишь штрихами к портрету современной узбекской женщины — многоцветному и многоплановому. Но без этих нескольких черточек не было бы портрета, именно они определяют сегодня ее облик — социальный и психологический. Нейскушенному взгляду они могут показаться и непримечательными, но они — результат глубочайших изменений в психологии и мироощущении недавней мусульманки. Может быть, Рано в чем-то и опередила многих своих землячек, наверное, в ее жизни уже сбылось то, о чем кто-то из них только мечтает. Тем более интересна и поучительна ее жизнь, в которой отчетливо видны закономерности социалистических преобразований в судьбе узбечек.

Рано Ибрагимова вместе со своими подругами-художницами сидит в просторном живописном цехе за небольшим столиком, похожим на монтажный. Живописный — официальное название цеха, но выглядит он и в самом деле красиво. Под высокими пролетами поют птицы, солнечные лучи перекрещиваются над головами мастериц, ярко сверкает нарядная посуда...

В правой руке Рано — обыкновенная школьная ручка-«вставочка», в левой — оранжево-красная пиала. Рано макает перышко в золотистую краску и быстро, аккуратно, четко обводит рисунок. Под ее рукой на пиале возникают золотистые разводы и прожилки листьев, появляются изящные виноградные гроздья. Золотое перо должно точно следовать за рисунком, только тогда после обжига изделие приобретает особое изящество и прелесть.

На участке Ибрагимовой расписывают подарочный набор «С праздником!»: шесть пиал, заварной чайник, плоское круглое блюдо — лаган и глубокая тарелка для лагмана или супа — гисэ. Живописцы сидят почти в самом конце технологического процесса, но каждая художница, и Рано тоже, отлично представляет себе весь процесс на заводе, как хорошая хозяйка знает, что происходит в ее доме.

Сырье на Самаркандский фарфоровый завод доставляется с Украины: глина — из Дружковки Донецкой области, а каолин — из поселка Просяная на Днепропетровщине. Краски готовит подмосковный завод в Дулеве. Машины и печи поставили машиностроители из Чехословацкой Социалистической Республики. В этой кооперации легко разглядеть привычную символику нашей хозяйственной жизни: Самаркандский фарфоровый завод — стройка восьмой пятилетки — не только вписан в общий народнохозяйственный комплекс страны, он — его порождение, детище социалистического разделения труда.

Фарфор — новое производство в Самарканде, раньше здесь подобных заводов никогда не существовало. Не было опыта, своих кадров, своих специалистов. Старинный город ремесленников и мастеров, не знавший современного промышленного производства, должен был за считанные годы не только освоить передовую технику, он должен был сформировать, по сути дела, новый отряд людей — промышленный рабочий класс. Станки, глину, печи, учителей, наставников — все это дали Самарканду родственные предприятия страны, на которых сложились высокая культура труда и крепкие рабочие традиции.

Вместе с новыми станками и современной технологией в Самарканд были перенесены методы труда, опыт рабочих европейского центра страны. Недавний ремесленник или крестьянин превращался в рабочего, и это преображение меняло личность вчерашнего жителя пустыни, рождались новые духовные ценности, менялся взгляд на мир, на самого себя в этом мире, возникало особое ощущение тесной связи и родства с людьми, живущими в других краях... Значительную часть этого нового рабочего класса составили женщины, в чьей судьбе участие в социалистическом производстве играет исключительную, преобразующую роль.

Есть на фарфоровом заводе самая важная технологическая операция — глубокий обжиг: в печи, раскаленной до полутора тысяч градусов, рождается новый, звенящий под пальцами полупрозрачный и тонкий материал — фарфор. Невольно думаешь, что психология женщины, которая пришла работать на завод, проходит столь же глубокое преображение...

Судьбы мастериц живописного цеха схожи в самом главном. Большинство из них, и Рано тоже, родились в рабочих семьях, которые еще в недавнем прошлом были колхозными. Когда Самарканд расширился и втянул в себя земли колхоза, отец Рано пошел работать на мебельную фабрику, мать — на фарфоровый завод. Семья большая: три мальчика, две девочки, Рано — старшая. А у старшей всегда больше обязанностей. Она и обед приготовит, и постирает, и в доме приберет, и за детьми присмотрит. Живут Ибрагимовы в своем доме, окруженном небольшим участком земли. Виноград, персики, тутовник, алыча, «всякая разная травка» — это все под присмотром Рано.

Но она легко справляется с домашними хлопотами. Школу закончила с отличием, хотя медали и не получила: сочинение оказалось «четверочным». Сначала хотела поступать в университет на факультет русской филологии. Но... мама звала к себе на завод, отец — к себе на фабрику. Родителей надо слушаться. Рано выбрала фарфоровый, ей нравилось делать красивые, изящные вещи. Она быстро закончила заводское училище, и скоро фарфоровый завод стал ее родным домом. В университет она поступила все же, на факультет узбекской филологии, на заочное отделение. Завод, университет, домашние заботы — и ничего вполсилы, везде по-настоящему, до конца.

Между прочим, рассказывала мне Рано, пока она готовилась к экзаменам на заочное отделение, мама решила ей помочь. Она отправилась к мулле, понесла подарки, помолилась за успех дочери. А дома устроила небольшой праздник — «бии сэшанба» — материнский вторник. Собрались, по обычаю, старушки, прошептали молитвы, что-то почитали из Корана. Рано сидела за учебниками день и ночь, экзамены сдала на «отлично». Когда сдавала экзамены за первый курс, мама не устраивала «вторник», дела какие-то помешали, но Рано приносила домой лишь пятерки, и мама поверила в ее силы. «Теперь, — говорит Рано, — я больше всего боюсь получить четверку, а то ведь мама опять возьмется за свои молитвы...»

Как-то на заводе ей предложили поехать по туристской путевке в Польшу. Деньги она заработала быстро, расписывала за смену по два с половиной набора, пригодились и премии. Но не деньги оказались главным, чтобы поехать в Польшу. Мама немного сомневалась — как пустить девушку одну в такую поездку? Не за Рано она боялась — не хотелось, чтобы осудили соседи, чтобы махалля косо смотрела. Но Рано родителей уговорила, да ведь и ехала вместе с подругами заводскими. Посмотрели Варшаву, Лодзь, Торунь, Плоцк, Вроцлав, побывали в молодежном лагере Сочивка.

На следующий год Рано отправилась в Москву. А в последний отпуск поехали они с подругой к Черному морю, в Одессу. Отлично провели две недели.

Не обошлось, конечно, без косых взглядов и разговоров о том, что девушкам без родителей неприлично ездить в отпуск... Но Рано Ибрагимова — человек современный. 22 года, не маленькая, считает она. И эту свою свободу она готова отстаивать всеми силами. И хотя многие поступки Рано считаются вольностью, которая идет вразрез со старинными обычаями махалли, мама — а в семье Ибрагимовых она решает все спорные проблемы — всегда на стороне своей старшенькой. Незаметно получилось так, что и сама оказалась под влиянием дочери — в нынешнем году поехала на курорт, в санаторий. Почему не поехать, убедила ее Рано, если есть на то деньги и местком дает путевку?

В эту ситуацию стоит вдуматься поглубже. Все, что происходит в семье Ибрагимовых, означает полное забвение старых обычаев в отношении к женщине. А если бы соблюдали их? Дочь и носу не показала бы на улицу. Жена со всеми своими хворобами сидела бы дома, не посмела бы даже слова сказать о поездке на курорт. А теперь обе они не только смело заводят об этом разговор, но без особого труда добиваются своей цели. Нравы смягчились не сами по себе. Многое в жизни матери и дочери Ибрагимовых решил фарфоровый за-

вод. Здесь они работают на равных с мужчинами, на равных решают все производственные вопросы. Почему же в быту им быть в зависимости? 10 лет прошло со времени пуска завода, а духовные преобразования, которые внес он в жизнь своих рабочих, одним десятилетием не измеришь.

Рано Ибрагимова — член партии. Ей поручены занятия в высшем звене политучебы — она ведет семинар «Аитуальные вопросы внутренней и внешней политики КПСС». Слушатели старше ее по возрасту. Перед взрослыми мужчинами, пожилыми женщинами стоит молоденькая девушка, и она им (а не они ей) рассказывает серьезные вещи, отвечает на их вопросы. Мыслимо ли было такое еще 30—40 лет назад? Постепенно, по шажку сужается поле действия старых сил нравственного управления человеком. В духовном облике молодого рабочего это особенно заметно. Возникает, приживается и регуляция поведения, основанная на нормах социалистической морали, привычных всему обществу.

Рано — послушная и работящая дочь, она никогда и ни в чем не перечит матери и отцу. Но она уже, например, не обращается к Аллаху ни перед обедом, ни после трапезы, как это еще, по старому обычаю, делают родители. Мама ворчит из-за этого, но недолго.

Рано Ибрагимова, как и ее подруги по цеху, носит национальную одежду, ест плов и пьет зеленый чай, читает книги на узбекском, таджикском и русском языках. Кто-то из них, может быть, иногда смиренно и произносит «аминь» после достархана в угоду родителям, но религиозные праздники и моления для них уже почти не существуют. Большинство этих девушек не знают обрядов и смотрят на них иронически — как на отсталые привычки взрослых, которых надо, разумеется, уважать и с мнением которых надо все же считаться.

Рано — послушная дочь, но она не уступит никому в главном, что составляет ее жизнь. Она легко смиряется с привычными домашними ритуалами, отдавая дань почтения родителям. Но право решать свои основные проблемы, по существу, оставляет за собой. Она человек гордый и самостоятельный. У Рано есть мечта: после окончания университета пойти в школу учительницей. Она любит литературу и хочет ею заниматься серьезно. «А как же любовь к рисованию?» — спрашиваю я. «О, это со мной останется, рисовать я буду всегда и детей, быть может, научу». Пока что все, что хотела Рано, сбывалось. Сбудется, конечно, и эта ее мечта. Что ж, можно порадоваться за тех, у кого будет такая учительница.

МИР ПРИНАДЛЕЖИТ ДЕТЯМ

● Эта истина стара, как сам мир, и свежа, как родниковая вода.

В ней скрыта формула бессмертия и каждого из нас, и всего рода человеческого. Все, что создает каждое поколение, создается для поколения будущего — в этом смысл нашей жизни. Вот почему всегда, во все времена — мир принадлежит детям!

Давно замечено, что именно в детях — еще во многом неловких, порой неуклюжих, забавно наивных, только-только постигающих мир, — природа демонстрирует огромные возможности человеческой личности. Бесконечно и неутомимо стремление ребенка к познанию окружающей его действительности, поразительна его способность делать открытия. Дети всегда талантливы. Говорят же, что все гении — просто большие дети.

Дети всегда стремятся выразить свое, личное отношение к тому, что они видят вокруг себя. Они рисуют, лепят из глины и пластилина, строят из кубиков, сочиняют стихи и песни, вырезают из дерева... Детское творчество — интереснейшая область искусства, которая совсем по-особому открывает мир. Оно напоминает нам о чем-то важном, что мы порой забываем, заставляет поиному посмотреть на то, что примелькалось, а специалисты нередко обнаруживают в работах ребят оригинальные идеи. Выставки детских художественных работ неизменно вызывают самое живое внимание взрослых. Множество посетителей привлекла и выставка в ташкентском музее «Дружбы народов СССР» — один из многочисленных смотров, прошедших в нашей стране в Год ребенка.

Каждому, кто побывал в дни выставки в залах музея, открывалась творческая жизнь детей разных национальностей в Советском Узбекистане. Видно было в каждой работе, что дети любят свой край. Юные художники творят свободно, раскованно, ничто не связывает крылья их мысли.

Трогательно выражается в их работах мудрость жизни, которую они постигают. «Семейный портрет» написала 13-летняя школьница И. Исламова из города Чирчика. Папа, мама, сын и дочь — все очень похожи друг на друга, лица просто одинаковые. Может, это от неопытности художницы, может, она только так рисует лица всех вообще людей? Нет, конечно, нет. В другой работе этой девочки — «Весна пришла», где на первом плане две девушки, и лицо и фигура каждой очень индивидуальны. А тут — одна семья. Моя семья — единое целое, хочет сказать юная художница, поэтому папа, мама, брат и я в главном похожи друг на друга.

А в картине «Весна пришла» — трепетное, щемящее чувство и радостное беспокойство, которое всегда пробуждает приход весны, ежегодное обновление природы.

Конечно же, и природу и сказку не обошел вдумчивый детский взгляд. Без сказки нельзя представить себе счастливого детства, где формируется духовный мир будущего человека.

Сказочных сюжетов на выставке много. Невольно улыбаешься, глядя на «Серого волка», которого нарисовали 9-летние А. и З. Муратовы из Чирчика.

Какие толстые (в детском представлении это, конечно, значит крепкие, сильные) ноги у волка, какие острые зубы у него, их должно быть у волка много, и ребята нарисовали их даже на туловище! Но в то же время — какая простодушная морда! Ибо даже в такой сказке, как «Красная шапочка», волк, при всей своей «хитрости», все равно оказывается побежденным.

Эркин Джамалбаев из Навои на три года старше Муратовых. Три года в развитии ребенка большой срок, и Эркин, конечно же, воспринимает сказку гораздо реалистичнее. Посмотрите на его «Сокровища». Художник любит арабские сказки, знает и про «Волшебную лампу Аладдина», и про Али-Бабу. А сколько сокровищ! Глядя на них, совсем растерялся герой его картины. Такие немыслимые богатства только в сказке и могут быть.

А вот «Борьба» того же Эркина Джамалбаева — вполне реалистична. Здесь яркий национальный колорит, точно запечатлен уголок праздничного среднеазиатского города.

С «Борьбой» Э. Джамалбаева перекликаются по своей теме и настроению «Сельские музыканты» Суюна Анапова из Чирчика. Лихую танцевальную мелодию играют музыканты, это выражают их фигуры. Но сдержанны движения танцующих девушек, сосредоточенно и вдохновенно движется та, что изображена лицом к зрителям. Так и пристало (в понимании автора) вести себя женщинам на многолюдном празднике, в присутствии посторонних мужчин...

«Танец» 14-летней Гули Бакировой из Ташкента совсем другой. В центре внимания этой художницы именно исполнительница. Гуле очень нравится танец, может быть, она сама мечтает так танцевать — в балетных туфельках, которые она нарисовала тщательно и любовно.

«Портрет сестренки» представила на выставку 13-летняя Оля Матяш из Ташкента. В этой работе, как, впрочем, и во многих других, чувствуется попытка понять характер своего героя. Оле это удалось. Сестренка ее, наивная и озорная, вызывает симпатию зрителей.

В наш краткий обзор попали лишь немногие ребячьи работы, это не значит, что другие менее талантливы или не так интересны. Все работы на выставке детского художественного творчества в Ташкентском музее дружбы народов хороши. И главное в них, на наш взгляд, то, что творческая мысль детей свободна от былых догматов и запретов.

В. ХАРАЗОВ

Ольга Ивановна Скороходова.

„Я прошла сквозь мрак и бури..."

А. ХАРЬКОВСКИЙ

Об Ольге Ивановне Скороходовой я впервые узнал еще в школе. Случайно мне в руки попала книга, которая рассказывала о судьбе слепоглухонемой девочки, которая научилась говорить и писать, а впоследствии стала научным работником и поэтессой. В книге приводились и отрывки из ее стихотворений, очень искренних, раскрывающих необычный мир человека, лишенного зрения и слуха. Позже я читал ее работы, не раз встречал ссылки на ее труды в книгах и журнальных статьях. И вот теперь мне предстоит встреча с Ольгой Ивановной...

— Вы хотели бы увидеться со Скороходовой? — переспросил меня известный мастер фоторепортажа М. В. Альперт. — Это очень просто: вот ее телефон — позвоните и договоритесь. — И Альперт, незадолго до этого разговора снимавший Скороходову, стал рассказывать, какой она милый, приветливый человек. Сейчас Ольга Ивановна работает старшим научным сотрудником Института дефектологии Академии педагогических наук, готовится к защите докторской диссертации.

Но за всеми этими разговорами я забыл спросить: а как я с ней буду общаться?

Не без робости набираю телефонный номер. Голос на другом конце провода отвечает:

— Сегодня нет моего секретаря. Если не трудно, позвоните ей. Диктую номер...

Не решаюсь ни о чем расспрашивать: ведь моя незримая собеседница не слышит. Да, но каким образом она поняла, что кто-то звонит по телефону?

И вот я стою у обычного девятиэтажного дома. Дверь открывает Алла Алексеевна, научный сотрудник Института дефектологии, секретарь Ольги Ивановны. С кухни раздается голос хозяйки дома:

— Слышу, что ко мне пришли. Алла Алексеевна, займите гостя. Я сейчас освобожусь.

Сажусь в кресло, оглядываюсь. Вещи многое могут рассказать о хозяйке квартиры. На полке словарь для слепых, обычные книги — для зрячих. Значит, кто-то их читает хозяйке вслух? Но ведь она и не слышит... На столе — брайлевская пишущая машинка...

В это время кто-то позвонил у двери, и моего лица коснулась волна воздуха — над столом заработал вентилятор. Вот и ответ на мой первый вопрос. Алла Алексеевна поясняет:

— Он включается, как только зазвонит дверной или телефонный звонок.

Дуновение ветра, видимо, донеслось и до кухни. Ольга Ивановна, закончив дела (она гладила), вошла в комнату.

— Вот так я и живу, — улыбается она мне. — Все, что умею, делаю сама. Так о чем будем говорить? — спрашивает Ольга Ивановна, усаживаясь напротив. Алла Алексеевна кладет свою руку в ее ладонь, готовая передавать ей мои слова особой азбукой, каждый звук в которой обозначен определенным движением пальцев.

Мне о многом надо ее расспросить: как она нашла свой путь из тьмы и безмолвия, что дают исследования, которыми она занимается, другим людям. И Ольга Ивановна рассказывает.

Как много значат для каждого человека первые годы жизни! Лев Толстой считал, что несколько детских лет дали ему столько же впечатлений, сколько вся остальная долгая жизнь. Так же, если не больше, важны для Скороходовой годы ее детства, заполненные звуками и светом, — короткая передышка перед тем, как погрузиться в безмолвие и темноту.

Родилась она летом 1914 года на Украине, в селе Белозерке, недалеко от Херсона. Когда отец ушел на войну, мать осталась единственной кормилицей большой семьи. Батрачила у священника: во всякую погоду — осеннюю слякоть и зимнюю стужу — задолго до рассвета уходила далеко за реку, оставляя Олю на попечении больного дедушки.

Летом 1919 года Оля тяжело заболела. У нее был сильный жар, ребенку чудились пожары, лаяли огромные огненные собаки. Потом девочка пришла в себя. Но когда открыла глаза, она ничего не увидела. И это было только начало. Девочка потеряла слух, потом онемела. Маленький человек словно провалился в пропасть, из которой, казалось, нет возврата...

Сначала беда загнала ребенка в угол, вещи набрасывались на него — огонь обжигал пальцы, кипяток брызгал в ли-

цо. Как будто весь мир ополчился против бедной слепой девочки! Ольга Ивановна вспоминает: «У меня появилось чувство постоянного и даже мучительного для ребенка недоверия ко всему, что меня окружает. Мне казалось, что все живое и неживое обманывает меня...»

Не сразу начинает девочка познавать новый для нее мир. «Я не хотела сидеть неподвижно, ничего не зная, не представляя. Мои руки и даже ноги, которыми я «изучала мир», бывали покрыты ожогами, царапинами, синяками, ссадинами. Невзирая на боль, я заходила в крапиву, в колючки, чтобы на опыте узнать, сколько растет этого добра».

Без дела Оля не сидела. Да это и невозможно было в бедной крестьянской семье. Она хотела понять, как работает ее дядя, сапожник — ощупывала ботинки, иглу, молоток, гвозди. Однажды, когда у нее отвалился каблук, догадалась насадить туфлю на ножку табуретки и прибила его.

И вдруг еще одно несчастье. Умирает мать. Родственники бросают Олю на произвол судьбы. Приходится менять вещи на хлеб, самой искать выход из трудных положений — и это ничего не видя и почти не слыша. Иногда заходили соседи. Бывал и сельский батюшка. Он говорил, что господь карает дитя за родительские грехи, жалел, что не может отправить Ольгу в монастырь, куда раньше нередко принимали «убогих».

Живи Ольга до революции, она, наверное, действительно попала бы в монастырь, научилась молиться, и, кто знает, может быть, церковники демонстрировали бы ее выдающиеся способности как результат божественного озарения, духовного прозрения? Но Скороходовой повезло: молодая Советская власть отправила ее лечиться — вначале в Одессу, затем в Харьков. Там, в Харькове, она встретилась с человеком, который открыл ей новый мир, — с профессором Иваном Афанасьевичем Соколянским.

И. А. Соколянский — основатель советской тифлосурдопедагогики — науки о воспитании слепоглухонемых. Ольга попала в его школу, окончательно потеряв слух и речь. К этому времени лишенная возможности общаться с миром и с людьми девочка дичилась, была замкнутой, настороженной. Иван Афанасьевич начал учить ее самому необходимому — одеваться, есть, обслуживать себя.

Главным орудием познания становятся пальцы. Соколянский улыбается или грустит — она ощупывает его лицо, потом свое — ведь все забыто. Учитель дает ей гипсовые маски смеющегося и плачущего человека, учит выражать чувства мимикой, потом жестом. Оказывается, пальцы руки могут передать значение отдельных слов: вилка, ложка, нож. Одной руке передается определенный знак, а в другую кладутся эти предметы. Ее обучают пальцевой азбуке, языку касаний, все более понятной становится та «азбука Морзе», с помощью которой учитель стучится в ее душу.

Соколянский знакомит Ольгу с азбукой для слепых, созданной Брайлем. Шесть выгнутых точек — больше не уместилось бы под пальцем, меньше не хватило бы для сочетаний из них всех знаков письма. А между точками всего 2—3 миллиметра, осязательный порог, меньше которого точки как бы сливаются под пальцем. Психика девушки развивается, зреет по мере того, как она овладевает искусством чтения...

Используя единственно возможный для Ольги канал связи — осязание, учитель объясняет своей ученице все многообразие мира, вплоть до абстрактных понятий. Это была победа не только методики профессора Соколянского, но и его искусства, настойчивости, веры в человеческие возможности. Да и сама Скороходова совершила нравственный подвиг, с мучительным трудом карабкаясь по ступеням, которые вели ее вверх, к людям из темного и глухого подвала ее жизни. Тренировки по 12 часов в сутки, неудачи, отчаяние, когда на ощупь по своей и чужой гортани нужно было определить, так ли она выговаривает звуки. И вот она заговорила, вышла из заточения. Какое счастье! А вместе с ним и горечь. От людей Ольга узнает, сколь многого она лишена.

Библия утверждает: «Во многой мудрости много печали». Не была ли Ольга счастливей, пока не осознала истинных размеров своей беды? Чтобы ответить на этот непростой вопрос, нужно понять, в чем счастье: в покое и безмятежности ли оно, или в активной, осмысленной жизни. Ольга, не забывшая своего детства, всегда инстинктивно тянулась к людям. Конечно, люди и книги заставили ее задуматься над своей судьбой. Из книг она узнала о Елене Келлер, слепоглухой, ставшей писательницей, мыслителем, с которой охотно общались президенты, короли, папа римский. В своей книге «Оптимизм» Келлер писала: «Идеальный мир Платона близок слепоглухонемому. Все то, чего вы касаетесь, что вы видите и слышите, не есть сама действительность, это только несовершенное проявление идеи, духовного начала. Истина в идее. Все остальное — самообман».

Скороходова улыбалась, читая эти слова. Ей, дочери крестьянки, хлебнувшей полную чашу горя, познавшей радость и тяжесть труда, невозможно было представить, что все вокруг лишь бледные тени, отбрасываемые пламенем идей. Глубоко уважая Келлер, прошедшую тот же путь, что и она, Ольга не могла согласиться с ее словами: «Оптимизм — это согласие человеческого духа с духом божьим».

В своих стихах Ольга задумывается над своей жизнью.

Зачем живет она, глухая и слепая?
Какую пользу даст отечеству она?

Как жить, для чего жить — такие вопросы мучают 18-летнюю девушку.

«Музыка мне недоступна, так пусть же моей душой станет литература», — писала Скороходова. Ее любимым писателем, учителем жизни стал Максим Горький. В 1932 году, когда страна отмечала 40-летие его литературной деятельности, Ольга написала ему обычными, «зрячими» буквами письмо. Вскоре из Сорренто пришел ответ.

«...Ваше письмо — чудо, одно из тех великих чудес, которые являются достижениями нашего разума, свободно и бесстрашно исследующего явления природы, которые, глубоко волнуя, внушают уверенность в силе разума, в его способности разрешить все загадки в жизни и вне и внутри нас...»

Как обрадовалась Ольга! Но чем же интересна она для Максима Горького? На это отвечали следующие его письма:

«Природа лишила Вас трех чувств из пяти... наука, действуя на осязание... как бы возвратила Вам отнятое у Вас. Это говорит одновременно о несовершенстве, о хаотизме сил природы и о силе разума человеческого, о его умении исправлять грубые ошибки природы.

Я никогда не восхищался «разумом природы», не верил в него и не верю, ибо в природе слишком много бессмысленного... Верю в разум человека, — он, человек, кажется мне органом самопознания природы, исследователем и организатором ее хаотических сил...

Разум науки частично исправил ошибку, но он еще не в силах уничтожить само преступление, — дать Вам слух, зрение, речь. Но тем, что Вы есть... Вы служите человечеству...

Вы для меня не только объект изумительного, удачного, научно важного эксперимента, не только яркое доказательство мощности разума, исследующего тайны природы, — нет! Вы для меня являетесь как бы «символом» новой действительности...

Я вспоминаю Вас как символ энергии, которая не может не проявить себя активно даже и тогда, когда она физически ограничена».

«Меня он понял — чуткий и сердечный. Могучей силой ум мой оживлял», — писала Скороходова в стихах, посвященных Максиму Горькому. Письма Горького многое определили в ее жизни, в ее решении стать помощницей Соколянского. Об этом она написала Горькому, поведала и о препятствиях, стоящих на этом пути. Алексей Максимович ответил:

«Я крайне обрадован Вашим убеждением в силе разума и Вашим решением посвятить себя научной работе. Вы всецело правы, говоря, что разум людей растет для того, чтобы победить «разум природы».

Ольга Скороходова начинает серьезно заниматься исследованиями человеческой психики. Одновременно немало сил отдает она литературному творчеству.

Испытанием всех ее сил, воли, души стала война.

Когда фашисты вошли в Харьков, Соколянского в городе не было. Ольга и семь ее сверстников, тоже слепоглухонемые, оказались одни перед лицом страшной опасности. По человеконенавистнической теории Гитлера, истреблению подвергались не только представители «низших рас», но и вообще все «неполноценные», в том числе и слепые. В первое время школа продолжала существовать — ее взяла под опеку церковь. Директором стал немецкий прихвостень, который первым делом отобрал у Ольги брайлевскую пишущую машинку, уничтожил ее записи и грозил выдать фашистам как комсомолку.

Фашисты все-таки ворвались в школу и убили почти всех «неполноцен-

ных». Ольга спаслась, люди прятали ее, жалели. Скороходова вспоминает:

«Я помню, что даже в самое трудное время я почему-то была уверена, что обязательно дождусь наших... В 1943 году наши войска уже подошли к Харькову. Город обстреливался. Как-то раз во время бомбежки или артобстрела я пряталась... и по сотрясению земли чувствовала, что где-то рядом гремят взрывы. Потом мне стало страшно и я пошла наверх, в дом. Терраса очень меня удивила — она почему-то была в каких-то обломках. Я направилась к двери и остановилась — дальше идти мне было почему-то страшно. А потом ко мне подбежала женщина и сказала, что в то место, где я до этого стояла, попала бомба».

Но вот наконец город освобожден Советской Армией. Скороходова переезжает в Москву — к И. А. Соколянскому.

Она размышляет:

«Иногда думаю, почему наша скромная отрасль знания, тифлосурдопедагогика, вызывает такой интерес? Наверное, потому, что мы изучаем пути «очеловечивания ребенка». Ведь человеком никто из нас не рождается, а становится в процессе воспитания. Вспомните «диких детей», выросших среди животных. Сами по себе они людьми не стали — не научились не только речи, но даже хождению на двух ногах. Воспитывая слепоглухонемых, наблюдая за ними, мы видим, как они выходят из своего «нечеловеческого» состояния. Но разве процесс этот важен только для больных? Нет, здесь модель, на которой прослеживаются узловые моменты мышления человека».

Когда читаешь труды О. Скороходовой (первая ее книга вышла в 1947 г.), видишь, как сталкиваются две противоположные концепции на возвращение человека из мрака и безмолвия слепоглухоты. Идеалистическая предполагает в человеке некоторое духовное начало, для которого достаточно ничтожного воздействия, чтобы оно пробудилось и обрело власть. «Феномен Келлер» идеалисты объясняют как чудо озарения слепоглухого божественным светом. Материалистическая концепция утверждает, что человек становится личностью в процессе труда. В том, как слепоглухие овладевают материальным и духовным миром, нет никакого чуда, никакого озарения: ребенок, как здоровый, так и слепоглухой, в своем развитии повторяет почти тот же путь, по которому прошло человечество в процессе своей эволюции.

Для науки, разрабатывающей весь этот круг вопросов, весьма важны самонаблюдения Скороходовой. Оказывается, что море представляется ей Посейдоном — «великим, широкоплечим, длиннoруким, с пушистыми длинными кудрями из морской тины и такой же пышной бородой». Сочинский дендрарий напоминает ей сказки из «Тысячи и одной ночи». Она пишет: «Иногда я люблю ходить по улице тихой теплой ночью. Все кругом тихо-тихо, в домах замолкли дневная жизнь и шум, люди спят, темные прямоугольники окон не освещаются комнатным светом. Никто не знает, что я иду по улице одна и ничего не боюсь. И тогда мне хочется представить ночь... в образе одинокой женщины. Чтобы обойти землю, она выскальзывает из уединенного дома, укутавшись темным покрывалом, идет по городу, разливая запахи ночной сырости и навевая прохладу своим длинным покрывалом».

Какой гигантский труд души стоит за подобными образами! Скороходова спорит с обывательскими представлениями о ней:

Думают иные — те,
кто звуки слышат,
Те, кто видят солнце,
звезды и луну:
— Как она без зренья
красоту опишет?
Как поймет без слуха
звуки и весну!?

Представьте себе научного работника, который не может поехать в экспедицию без сопровождения, все впечатления получает через единственный канал связи — осязание, даже посмотреть телевизор, прочитать книгу невозможно—ему должны ее передать пальцевой азбукой. Отчет из-под ее пера выходит в виде точек... И все-таки ей удается успешно и продуктивно разрабатывать важную область науки. Поднявшись на большую высоту в своем интеллектуальном и эстетическом развитии, она старается помочь взойти на нее своим товарищам по несчастью. В 1963 году в Загорске, под Москвой, открылась школа-интернат для слепоглухонемых. Его ученикам Ольга Ивановна отдает свое сердце и время. Среди ее подопечных Сергей Сироткин, влюбленный в архитектуру, Наташа Корнеева и Саша Суворов, пишущие стихи, Юрий Лернер, увлекающийся лепкой, скульптурой. Почти все они любят «слушать музыку» с помощью рук — им передается вибрация инструмента (так же слушал оглохший Бетховен). Во всем этом большая заслуга Ольги Ивановны.

Доктор философских наук Э. Ильенков писал:

«Если слепоглухонемая девочка смогла вырасти в Настоящего — с большой буквы — Человека, то какими же неиспользованными резервами располагает человек, видящий и слышащий мир?»

В 1971 году группа слепоглухих была принята на факультет психологии Московского университета. Несколько лет спустя они окончили его, проявив незаурядные способности. На заседание ученого совета факультета были приглашены виднейшие психологи и философы страны. Специалисты отмечали, что благодаря необычным студентам как бы обнажается психология обычного зрячеслышащего студента, который, оказывается, не так загружен, как об этом любят говорить. Слепоглухие, лишенные богатства непосредственной чувственности, заменяют ее радостью познания. А это, по утверждению философов, позволяет определить соотношение рационального и чувственного в процессе познания. Декан факультета психологии МГУ ныне покойный академик Академии педагогических наук А. Н. Леонтьев сделал вывод: «Особенность рассматриваемого нами эксперимента заключается в том, что делаются зримыми... узловые события процесса формирования личности, становления человеческого сознания, условия, которые открывают как бы окно в самые сокровенные глубины природы. Все это придает эксперименту уже не только общепсихологическое, но и мировоззренческое, философское значение. В нем открывается богатейший материал для доказательной разработки марксистско-ленинской теории познания, ибо здесь ясно выступает связь чувственного восприятия и мышления с той основой, которая сделала и делает человека,— с трудом... С процессом преобразования природы общественным человеком, процессом, который только и создает, только и формирует (а вовсе не «пробуждает») ту высшую и специфическую форму психики, которая называется человеческим сознанием, или, для краткости, «душой».

О. И. Скороходова со своим секретарем А. А. Макаровой.
Фото М. Альперта.

На этом заседании не раз упоминали имя Скороходовой. А что чувствовала она? К удовлетворению ученого прибавилась почти материнская радость за дорогих ей людей, которые вслед за ней нашли дорогу к людям, обрели счастье научного овладения миром.

Кончилась ее исключительность. И в этом была, быть может, ее главная победа.

...Разговаривая со мной, Ольга Ивановна поит из блюдца котенка и кончиками пальцев слушает его урчание.

— Больше всего в жизни люблю путешествовать.

Несколько лет назад Скороходова побывала в знаменитой Кондоверской школе слепоглухих в Англии. Выступая там с докладом, она, в частности, сказала:

— Библия утверждает: «В начале было слово, и слово было у бога, и слово было бог». Мы же вслед за героем великого Гёте готовы повторить: «В начале было дело». Не слово, а осмысленное действие — вот, по мысли моих учителей, Соколянского и Мещерякова, ключ к психологии ребенка...

Зал встретил выступление Скороходовой аплодисментами. Это было знаком признания советской школы тифлосурдопедагогики и признательности замечательному мужеству представителя этой школы. Когда перед отъездом Ольгу Ивановну попросили познакомить слушателей со своими стихами, она прочла:

Я прошла сквозь мрак и бури,
Я пути искала к свету, —
К жизни творческой, богатой...
И — нашла! Запомни это!

Мне 79 лет, ваш журнал я читаю давно и с большим удовольствием, и вот захотелось рассказать вам о себе, но прежде я обязательно должна сказать о своей матери, которая умерла в возрасте 85 лет и много повидала на своем нелегком веку.

Родилась она в 1870 году в Тульской губернии, в Епифанском уезде, в деревне Ренево. Родители, бедные крестьяне, выдали ее замуж за богатого в чужое село. Муж и вся семья издевались над бедной бесприданницей, помыкали ею, и однажды она решилась уйти от них совсем. Пришла к своим родителям и заявила, что не вернется к мужу. Родители не приняли ее, сказали, что своим уходом она опозорила их.

Положение сбежавшей жены в царской России было тяжелое. Муж имел право не давать согласия на выдачу ей паспорта, без которого она не могла поступить на работу. Моя мать посчитала себя большой преступницей перед родителями и богом и, чтобы замолить свой «грех», пошла по монастырям богомолкой. Таких паломников крестьяне пускали бесплатно на ночлег, просили лишь, чтобы они помолились за них богу. Странствовала так мама много лет, пока не попала в Москву. Здесь она устроилась к каким-то господам кухаркой. Работала от темна до темна, не жалея сил, чтобы угодить хозяевам и попросить их похлопотать о паспорте. Наконец документ был получен. Но новую семью мать создать не смогла, так как разводов тогда не существовало. Мы, четверо ее детей, считались «незаконными». Меня и брата, совсем маленьких, она привезла к своим родителям.

Тяжело мне вспоминать детство. Дразнили меня на улице подзаборницей. Земли у дедушки было всего на две души, а семья — шесть человек. Бабы и девушки из нашей деревни нанимались убирать картошку у помещика, и я с семи лет стала ходить с ними. Бабушка просила нашу соседку Прасковью, чтобы она мне помогала, а это значит, что она работала и за меня и, конечно, отставала от остальных. Как-то помещичий приказчик стегнул ее плеткой. Я заплакала от жалости к тете Прасковье, а он размахнулся и второй раз ударил ее. Плеть была длинная, с проволокой на конце и зацепила меня, поранив шею. Заливаясь кровью, я упала на землю. Бабы подняли меня, засыпали рану дорожной пылью — так тогда оказывали «медицинскую помощь». Но никто не возмутился — боялись потерять заработок.

Так я и росла. Окончила четыре класса сельской школы, где основным предметом был закон божий. В годы гражданской войны мы с братом заболели тифом, он умер, а я выжила. Наступило девичество, и стало мне еще тяжелей. Кто же возьмет меня, незаконнорожденную, замуж? Мои ровесники не замечали меня, сторонились даже. И все же полюбили мы друг друга с Васей Гусевым. Родители Васи, конечно, были против. Женили его на богатой, а он через два года умер от чахотки. Ох, как я о нем жалела!

Замуж я вышла в другую деревню — в Пучки — летом двадцатого года. Муж мой состоял в партийной ячейке, мы не венчались, а я хотя и была очень религиозная, но решительная и согласилась на свадьбу без попа. А в те годы в деревне не выходили замуж без венчания. За это соседки и подруги пророчили мне несчастье, твердили, что бог накажет меня жестоко. Однако семейная жизнь моя сложилась счастливо. Прожили мы с мужем 25 лет мирно и дружно.

Осенью 1924 года переехали мы всей семьей и моей матери в Москву. Мама с радостью приняла всех: родителей моего мужа да нас с двумя детьми. Девять человек жили в одной комнате. В те годы в Москве еще была безработица. Муж имел две специальности — столяр-краснодеревщик и полотер, и у него была постоянная работа. У меня не было никакой специальности, и я числилась на бирже труда на учете. В порядке очереди меня направляли на временную работу. То продавала с лотка кондитерские изделия, то грузила мешки. Труд наш был тяжелый, ели мы не сытно, но ощущение радости не покидало нашу большую семью.

А вот в каких условиях мы жили. Электричества не было, экономно жгли маленькую керосиновую лампу, отапливали комнату железной печуркой, дрова получали по талонам и берегли их, как хлеб. Воду носили с улицы — из колонки, а зимой в кухне был такой холод, что вода в ведрах за ночь замерзала.

С жильем в Москве были большие трудности, но в марте 1929 года мы смогли переехать от мамы: получили две комнаты со всеми удобствами. Не было счастливее нас людей во всей Москве! Попросили у соседей санки, поставили на них стол, а под него посадили своих двоих детишек и поехали на новую квартиру. Всю нашу обстановку муж потом сделал сам.

В июне 1930 года я поступила на кондитерскую фабрику «Ударница», где проработала 30 лет. Труд на фабрике был ручной, не хватало сырья, электроэнергии, угля для котельной, которая давала пар по цехам. Старые специалисты первое время технологию держали в секрете. Нас, пятерых женщин, послали учиться на двухгодичные курсы нормировщиков. Учиться было тяжело, программа была составлена не по нашему церковноприходскому образованию, но мы старались, закончили курсы.

В ту пору почти все ликвидировали неграмотность, повышали свой общеобразовательный и политический уровень. Но и после рабочего дня мы ходили еще бесплатно работать: сажали большой сквер у кинотеатра «Ударник», участвовали в строительстве метрополитена. Помню долгожданный день открытия первой очереди метро. Коллективу нашей фабрики разрешили проехать в первом поезде. Нам, работницам, было лет по 30—40, но мы радовались, как малые дети, празднику и вместе с тем глубоко сознавали, что мы — хозяева своей страны, которая с каждым днем делается сильнее и богаче. Мы мечтали и заботились о том, чтобы быстрее в нашей стране стало больше заводов, фабрик, домен. Во многом отказывали себе, помогая государству. И детей своих мы воспитывали патриотами.

У меня их было трое: Виктор и Клара погодки и Валерий — младший. Виктор мечтал стать летчиком. Всей семьей ездили мы в Тушино в День авиации. Витя после семилетки поступил при заводе «Красный пролетарий» в ФЗУ, работал, учился и ходил еще заниматься в аэроклуб Ленинского района. Когда окончил, его направили в Борисоглебск в военное авиационное училище. Войну встретил в Бресте. В первый же день, 22 июня сорок первого года, самолет его сбили, но Витя остался жив и вернулся в свою часть, пробираясь ночами по территории, занятой немцами. В дальнейшем он был награжден орденами Красного Знамени и Александра Невского.

Второго нашего сына мы назвали Валерием в честь Валерия Чкалова. Я должна была с маленьким сынишкой ехать в эвакуацию, а мой старший сын в этот день прилетел в Москву, заскочил домой и стал просить меня не уезжать. «Оставайся, мама, мы не отдадим Москву!» Вот тогда в последний раз я его и видела. Виктор погиб в июле сорок четвертого. Дочь наша Клара моложе Вити на год, ушла на фронт добровольцем и вернулась лишь после Победы.

Ох, сколько же горя пережили за войну! Да не одна наша семья, а весь народ. Муж болел, я брала работу на дом, но часто ему приходилось выполнять нашу норму одному, а я бегала с малышом в бомбоубежище на станцию метро «Охотный ряд». Зимой сорок второго поступила работать в госпиталь. Сердце сжималось, когда видела тяжелораненых. Привозили их в автобусах круглые сутки. Весь медперсонал работал самоотверженно — и врачи, и нянечки, и все мы радовались каждому выздоравливающему.

Наступил День Победы. Долго еще мы ждали нашего Витю, не верилось в его смерть. Но великое множество матерей, как и я, не хотели верить, что их сыновья никогда уже не вернутся.

Закрыли госпиталь, и опять пошла я на свою «Ударницу». Да, не упомянула я, что в партию вступила в 1932 году. Нам, малограмотным, нелегко было осваивать политическую грамоту, но мне много помогал муж, тянул меня за собой, сам он учился на вечернем рабфаке. Схоронила я мужа, доброго, надежного друга, в сорок пятом году...

Оглядываясь теперь на прожитую жизнь, я с гордостью и печалью вспоминаю то трудное время. Вот так мы жили, работали, строили, воспитывали детей, и сами росли тоже.

Свободное время, его роль в формировании духовного мира личности — об этом наш журнал уже писал (1978, № 10). Теперь мы вновь обращаемся к проблеме, говоря словами К. Маркса, пространства для развития личности. Слово нашим авторам из Петрозаводска.

ПРОСТОР ДЛЯ ДЕЛА

М. ШУМИЛОВ,
профессор,
ректор Петрозаводского университета им. О. В. Куусинена

КАК ИСПОЛЬЗУЮТ СТУДЕНТЫ свой досуг? Как свободное время формирует их духовный мир? Эти вопросы представляются нам, преподавателям университета, очень важными. Вряд ли сегодня можно согласиться с В. И. Далем, который в своем словаре определял досуг как «свободное, незанятое время, гулянки, гулячая пора, простор от дела». В свете последних постановлений ЦК КПСС и Советского правительства о дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы и дальнейшем развитии высшей школы, повышении качества подготовки специалистов правильная организация студенческого досуга приобретает особое значение.

Наш абитуриент — вчерашний школьник из далекого лесного поселка или села, молодой человек, успевший поработать на производстве, демобилизованный воин. Люди с разными характерами, разными интересами, разным уровнем подготовки и культуры. Лекции, семинарские занятия, практика — все слагаемые учебного процесса призваны подготовить из них серьезных специалистов.

Но ведь задача этим не ограничивается. Университет обязан выпустить не только хороших, знающих специалистов, но и людей, способных руководить коллективом, способных в этом коллективе создать такую нравственную атмосферу, где нет места предубеждениям и предрассудкам, людей, которые широтой своего кругозора, нравственным и интеллектуальным уровнем, своим пониманием прекрасного и т. д. могут стать примером для других.

Университет стремится готовить специалистов, которые не замкнутся в узкие рамки своей профессии врача ли, учителя, но смогут развернуть на местах широкую просветительскую, в том числе атеистическую, работу.

В решении задач такого рода большая роль принадлежит правильной организации внеучебного времени студентов. Разумеется, свободное время студента — это пора отдыха, встреч с друзьями, развлечений. Но вместе с тем именно на этом пространстве времени воспитываются общественная активность студентов, их организационные навыки, прививается вкус к просветительской деятельности, вырабатывается внутренняя потребность к самоусовершенствованию, самообразованию, то есть те качества, которые необходимы любому человеку, каким бы делом он ни занимался.

В вестибюле Петрозаводского университета ежедневно появляются объявления, приглашающие принять участие в обсуждении новой книги, в дискуссии, послушать лекцию, встретиться с деятелями культуры и науки, побывать на концерте симфонической музыки; спортивные секции приглашают на соревнования по шахматам, гимнастике, лыжам, легкой атлетике, фехтованию. Молодому человеку есть чем заняться, но при одном важном условии — если у него есть потребность и желание. Следовательно, эти потребности необходимо тщательно формировать и воспитывать. Сами по себе они могут и не возникнуть, а если их нет, многие драгоценные часы студенческой поры действительно станут «гулячей порой, простором от дела».

Задача, таким образом, заключается не только в том, чтобы удовлетворить потребности юности, но и пробудить, воспитать их.

Факультет общественных профессий у нас в университете был создан в 1964 году. Важно было так организовать дело, чтобы каждое полезное увлечение здесь могло развиваться, чтобы любой студент мог выбирать себе занятие по вкусу. Вместе с тем мы старались, чтобы развитие увлечений и способностей студентов в дальнейшем принесло им практическую пользу. На 15 отделениях ФОП занимаются до 900 студентов, они учатся кино- и фотоискусству, журналистике, библиотечному делу, декоративно-прикладному искусству, пению и танцам, актерскому мастерству. Тут они познают тайны искусства, овладевают навыками руководства коллективами художественной самодеятельности. Слушатели других отделений приобретают знания и навыки по организации массово-политической, культурно-просветительской, спортивной и туристско-экскурсионной работы, по руководству техническими и другими кружками. Студенты ФОП регулярно выступают с концертами, спектаклями, демонстрируют свои фильмы, устраивают выставки, ведут большую воспитательную и просветительскую работу.

На факультете общественных профессий вырос академический студенческий хор. Сейчас это — самостоятельный коллектив, им руководит заслуженный работник культуры РСФСР, неутомимый энтузиаст Г. Э. Терацуянц. За 16 лет не одна тысяча студентов получила здесь основы хоровой культуры. Произведения Чайковского, Танеева, Глинки, Лотти, народные песни студенты с успехом исполняли во многих городах нашей страны и за рубежом. Каждый год на отчетном концерте хор прощается с выпускниками, а на смену им встают новые участники, и хор приветствует их старинным студенческим гимном «Гаудеамус игитур».

Богатые традиции сложились за 25 лет существования у нашего театрального коллектива. В 1972 году ему было присвоено звание народного театра, в 1977 году он стал лауреатом Всесоюзного фестиваля самодеятельного творчества трудящихся.

Много выдумки, творчества, изобретательности проявляют студенты в подготовке и проведении ежегодных фестивалей, факультетских «Юморин». Бывают, конечно, и неудачи, скороспелые импровизации. Но инициатива, стремление к совершенству убеждают: сегодня не получилось — в следующий раз будет лучше.

Почти всем нашим выпускникам те знания, которые они получили на факультете общественных профессий, дали очень много. Например, Б. Ананьин, редактор художественных передач Петрозаводской студии телевидения, одновременно и режиссер студенческого народного театра, Г. Михалюк, врач,

с успехом исполняет главные роли в студенческом театре. Брат и сестра Моисеевы, строители, пропагандируют хоровое искусство в Сортавальском районе Карелии. В. Лазарева, биолог, — методист по художественному воспитанию при Муезерском доме пионеров. Т. Кобылко, математик, — внештатный экскурсовод музея «Кижи» и т. д.

Необходимо сказать об университетских клубах «Сампо» и «Глобус». Клуб «Сампо» объединяет сотни любителей туризма. Чувство взаимовыручки, страстное желание увидеть мир, испытать силы в борьбе с горными, водными и снежными преградами — вот что характерно для них. Студенты совершили немало увлекательных походов в Карпаты и Хибины, на Урал, Кавказ, Камчатку, прошли тысячи километров по лесам Карелии, Коми, Архангельской области. Клуб «Сампо» особенно много дает тем студентам, которые после университета идут в школу. Учителя, бывшие «сампoвцы», передают школьникам свою любовь к путешествиям, стремление к познанию мира.

Клуб «Глобус» накопил интересный опыт интернационального воспитания студентов. Члены клуба ведут переписку с молодежью социалистических стран, городов-побратимов Петрозаводска: Нойбранденбурга (ГДР), Варкаус (Финляндия), Ла-Рошель (Франция), Умео (Швеция), организуют дружеские встречи с туристскими группами, приезжающими в Карелию из-за рубежа, устраивают выставки, вечера интернациональной дружбы и братства молодежи.

Введенная в последние годы система общественно-политической практики помогает нам включить каждого студента в общественную жизнь не только университета, но и города, республики. Участвуя в комсомольской и профсоюзной жизни, в работе различных общественных организаций, в художественной самодеятельности и стенной печати, выступая с лекциями и докладами, студенты постепенно приобретают навыки общественно-политической деятельности, совершенствуют свои организаторские способности, вырабатывают культуру поведения.

Особое внимание мы придаем общественной и культурно-массовой работе во время учебных и производственных практик, в период деятельности студенческих строительных отрядов. Студенты читают лекции для трудящихся, шефствуют над коллективами художественной самодеятельности, проводят вечера-концерты, руководят работой кружков, на практике усваивают приемы просветительской работы.

Шефская работа полнее раскрывает способности человека к сопереживанию, к бескорыстной помощи другим людям. Ежегодно свыше сотни студентов работают в детских клубах и комнатах милиции, шефствуют над отдельными классами или детскими клубами. Студенты историко-филологического факультета, например, уже много лет шефствуют над детским клубом «Огонек», детским приемником и детской комнатой милиции в микрорайоне Ключевая города Петрозаводска.

Вот один из многих отзывов, — его написала начальник инспекции по делам несовершеннолетних М. А. Кротина о студентке IV курса историко-филологического факультета: «Нина Сорокина шефствовала над подростком Александром Ганусом, состоящим на учете в детской комнате милиции по поводу хулиганства и пьянства. Студентка не реже трех раз в неделю ходила к Александру домой, наладила контакт с родителями, сестрой и по месту учебы в профессионально-техническом училище. Она помогла ему записаться в кружок мотоспорта. Он стал заниматься хоккеем, общественной работой. Мастера, секретарь комсомольской организации училища сейчас отзываются о нем положительно и по ходатайству студентки в 1977 году Ганус снят с учета».

Отзывы такого рода о наших студентах — не редкость. Естественно, что и для самих студентов подобная практика приносит неоценимую пользу. Студентка IV курса историко-филологического факультета Светлана Вяйзинен, рассказывая о своей работе с подшефным классом в многотиражной газете «Петрозаводский университет», пишет, что дети при знакомстве с ней пожаловались, что им скучно: «Разговор с детьми дал мне возможность понять, что они больше всего боятся скуки, хотят жить интересно и напряженно, но, как этого добиться, не знают, зато искренне верят, что я-то все знаю... С завтрашнего дня, решаю я, любое мероприятие должно строиться на двух китах: я их заинтересовываю — они сами готовят». И Светлане действительно удалось увлечь ребят, сделать их жизнь интересной, занимательной.

На кафедре педагогики университета есть немало документов, характеризующих студентов как увлеченных экскурсоводов, воспитателей, пионервожатых, краеведов.

Директор историко-архитектурного музея «Кижи» В. М. Ионова пишет о студентке V курса историко-филологического факультета З. Тарасовой: «В своих экскурсиях она умело знакомит слушателей с богатейшим культурным наследием нашего края, народными традициями деревянного зодчества, ненавязчиво, грамотно проводит атеистическую пропаганду, воспитывает любовь к своему краю и народу».

Подобных примеров можно привести немало. Однако мы далеки от мысли, что сумели всех студентов университета увлечь интересным делом, всем помогли организовать свой досуг так, чтобы он способствовал развитию личности. Бывают еще досадные огорчения, когда мы узнаем, что отдельные наши выпускники работают без задора и творческой отдачи. Значит, где-то мы просчитались, недосмотрели, недоработали.

И все же удач у нас больше, чем просчетов. Сравнительно недавно кафедра педагогики попросила студентов IV курса написать педагогические характеристики своих сокурсников. Читать их очень интересно. Студентка М. Шороп, например, пишет об однокурснице Е. П. Ивановой, что она человек большого кругозора, увлекается литературой (классической и современной), музыкой, успела побывать в Ясной Поляне, в домах-музеях Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Некрасова, посещает художественные выставки, театральные постановки, закончила два отделения факультета общественных профессий (пионерское и экскурсоводов), работает в детской комнате милиции, член народной дружины. Лена — верный товарищ, чуткий и внимательный человек.

Эта характеристика (она довольно типична) даже в таком сжатом виде достаточно ясно показывает, как богат и разнообразен духовный мир девушки, о которой идет речь.

Ежегодно свыше 400 студентов отправляются на стройки республики. Да и не только на стройки. За летние месяцы студенческие строительные отряды осваивают более полутора миллионов рублей капитальных вложений. Но не только этот показатель определяет степень активности студентов на трудовом фронте. Бойцы ССО прочитали не одну сотню лекций, дали много концертов, поставили несколько памятников и обелисков погибшим воинам, организовали шефскую помощь школам; бригада студентов-медиков оказывала медицинскую помощь населению Карелии.

Мы отдаем себе отчет в том, что, хотя сделано немало, предстоит сделать больше. Мы еще далеко не полностью используем все возможности внеучебного времени для всестороннего развития наших студентов. В частности, это относится к подготовке лекторов-атеистов, организаторов атеистической работы.

Хор Петрозаводского университета. Дирижер — Г. Э. Терацуянц.

Выставка в доме Сергина.

На химической консервации часовни Успения — студентка филологического факультета Галина Гутник.

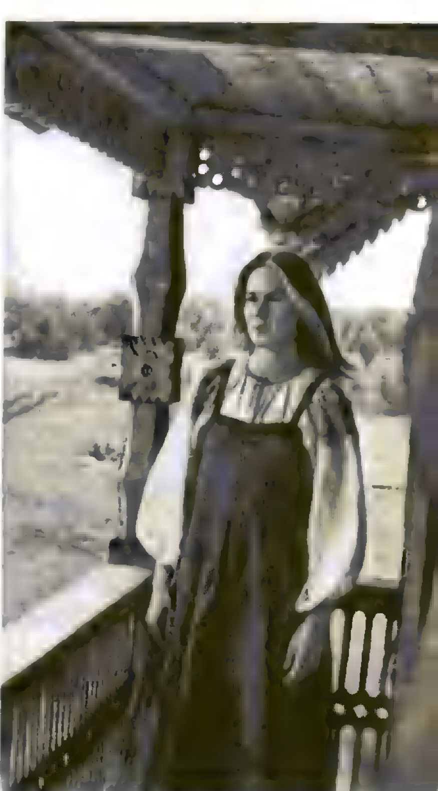
Выпускники университета хирург Г. Михалюк и историк Л. Прохоренко в спектакле народного театра университета «Насмешливое мое счастье».

Студентка факультета промышленного и гражданского строительства Эмма Худолайнен в старинном заонежском наряде на балконе дома Сергина.

Фото В. Ершова, В. Иванова, Ю. Меньшикова.

Часовня в Подъельниках. Ей продлили жизнь умелые руки реставраторов.

Закончена химическая пропитка дома Пономарева в деревне Ямаи («Кижи»). На крыльце дома реставраторы Ольга Пенкина, Марина Станкевич, Екатерина Юсьма, Тоня Фалевич.

Фото Ю. Меньшикова.

ИМЯ ОТРЯДА — «РЕСТАВРАТОР»

В. ЕРШОВ,
и. о. заведующего кафедрой педагогики Петрозаводского университета, кандидат педагогических наук

СТУДЕНЧЕСКИЙ строительный отряд «Реставратор» был создан в нашем университете в 1973 году для работы в музее-заповеднике деревянной архитектуры «Кижи». Студенты помогали перевозить на заповедный остров и здесь собирать замечательные памятники деревянной архитектуры — старинные дома, внесенные в каталоги и путеводители под именами их бывших владельцев: дома Ошевнева, Елизарова, Сергеева, Сергина, Щепина, Яковлева; амбары, мельницы, часовни...

Оказалось, однако, что недостаточно перевезти памятник на территорию заповедника, недостаточно вернуть ему первоначальный вид. Надо сохранить недолговечное дерево на века. Самый надежный путь — химическая защита. Впервые в Карелии метод химической консервации был применен при реставрации Покровской церкви — все ее бревна были пропитаны специальным составом. Тогда же стало ясно, что этот метод весьма эффективен, но требует много труда, умелых и терпеливых рабочих рук. На помощь пришли студенты Московского, а затем и Петрозаводского университетов.

Когда осенью члены отряда «Реставратор» возвращались в аудитории, я с завистью смотрел на их обветренные лица, слушал рассказы об увиденном и сделанном. И вот теперь еду в Кижи, чтобы посмотреть на работу «Реставратора».

Крылатый «Метеор», слегка покачиваясь на встречных волнах, миновал Кижские шхеры, деревню Сенная Губа. Вот и Кижский Погост. С толпой туристов выхожу на причал.

В канцелярии музея директор В. М. Ионова и заведующая отделом Г. И. Горячева рассказали о положении дел в заповеднике. Из 500 тысяч рублей, отпущенных на реставрационные работы в эту пятилетку, 200 тысяч расходуется на химическую консервацию памятников. Размах работ огромный. Понятно, почему так нужна здесь помощь студенческого отряда. В это лето отряд занят химической консервацией часовни Успения в деревне Васильево и дома Ошевнева.

Мимо поклонного креста, поставленного в 1812 году в честь победы над Наполеоном, по наезженной дороге довольно быстро добираюсь до часовни Успения. Она едва видна в окружении строительных лесов:

— Есть кто живой?

Из-за лемеховой главки показалась девичья голова, по самые глаза повязанная платком.

— Куда вы? Посторонним нельзя...

Это Галя Гутник. Узнала меня, улыбается. Подошли и другие студенты — Эмма Худолайнен, Галя Асташова, Люба Кукканен. По узеньким переходам добираюсь к чешуйчатой главке часовни. Передо мной открывается панорама острова. С высоты он напоминает сказочную рыбу-кит из «Конька-Горбунка» — «с теремами и церквами».

— Каждое утро сюда поднимаемся, — говорит Люба Кукканен. — Посмотрим на эту красоту — и за дело!

Люба приезжает в Кижи уже четвертый раз. Студентка финно-угорского отделения историко-филологического факультета, она в совершенстве овладела мастерством химической консервации. Метод, который здесь применяют, на первый взгляд не сложен: весь памятник — дом, амбар, церковь, часовня — с внешней стороны омывается раствором, раствор течет по фильтровальной бумаге, постепенно пропитывая бревенчатую плоскость. Однако этот метод требует большой предварительной работы: необходимо поставить леса, чтобы добраться до каждой точки памятника, к каждому венцу с помощью реек плотно прижать фильтровальную бумагу, прикрыть ее полиэтиленовой пленкой, чтобы раствор не испарялся. Сверху устанавливают деревянные лотки, откуда поступает раствор.

— Сюда, — показывает Люба на длинные, сколоченные из досок лотки-корытца, — мы каждое утро наливаем около 300 литров пропиточного раствора.

— И сколько его надо для одного памятника?

— На дом Ошевнева ушло более 14 000 литров.

Я ходил по лесенкам и переходам строительных лесов и видел, как Галя Гутник прибивала к венцам двухслойное одеяло из фильтровальной бумаги и полиэтилена, а Эмма Худолайнен кистью наносила раствор на длинную резную доску — причелину...

От Петрозаводска до Кижей добираться быстро и просто — чуть больше часа. И почти все жители города там побывали. Но одно дело приехать на остров туристом на несколько часов, другое — провести здесь месяц-полтора. Студенты из отряда «Реставратор» не только приобретают рабочие навыки, они учатся видеть и чувствовать, сердцем отзываться на красоту. Дни в отряде текут похожие один на другой: ранний подъем, чаще макароны и каша, реже уха из рыбы, наловленной энтузиастами, — и на работу. По вечерам, покончив с ужином, студентки строительного факультета Надя Иванова и Ира Беликова заполняют дневники, пишут отчеты — в отряде они проходят свою производственную практику. Будущие филологи Таня Козинова и Галя Гутник возятся с ребятишками из соседней деревни. Те почти каждый вечер приходят в стан студентов. Их поят чаем, рассказывают им сказки.

Кто свободен, собирается под навесом у плиты (на острове запрещено жечь костры — таковы жесткие правила противопожарной безопасности). Дверца приоткрыта, пламя уютно гудит в трубе и освещает красными бликами лица ребят. Комиссар отряда Витя Синдонен тихо перебирает струны гитары.

Сегодня в гостях у «Реставратора» студентки историко-филологического факультета нашего университета Ира Трифонова и Ира Курантева, которые работают в Кижах экскурсоводами. Они сетуют:

— Пока мы сюда не приехали, нам казалось, что мы и в истории религии, и в искусстве неплохо разбираемся. А вот поработали здесь с экскурсиями — вопросы один труднее другого. Сейчас только стало понятно, как нужны нам атеистические знания. И спорить плохо умеем: горячимся, а серьезных аргументов мало...

Возможность трудиться в прославленных Кижах, видеть шедевры народного зодчества и участвовать в их сбережении, наблюдать, как работают опытные сотрудники заповедника, — все это обогащает студентов-реставраторов.

...Я только что побывал там, где мужская часть отряда прокладывает канаву для телефонной связи. По дороге захожу в дом Сергина. Этот памятник деревянной архитектуры — живой свидетель и участник многих исторических событий. В 20-е годы в нем размещались первая в округе школа и первый лик-

без. Здесь проходило первое колхозное собрание в деревне Мунозеро. В гражданскую войну из этого дома ушли в партизаны три брата — Николай, Дмитрий и Яков Сергины, участвовали они и в Великой Отечественной войне, — Николай и Яков погибли, защищая Ленинград, а Дмитрий Степанович остался на оккупированной территории Заонежья. Дом его служил явочной квартирой для подпольщиков.

Несколько лет назад дом перевезли на территорию заповедника. В прошлом году была закончена его реставрация, и сейчас оба этажа отданы выставке декоративно-прикладного искусства. Здесь разместились вышивки, роспись, резьба по дереву, керамика, крестьянская посуда, одежда...

Тут есть чему удивляться: каждая прялка, ковш, братина — подлинные произведения искусства. Смотрительница выставки Анастасия Александровна Аникина, местная жительница, многие годы жизни которой прошли среди этих вещей, приговаривает:

— Посмотрите, посмотрите на красоту нашу... Глянь, каки сарафаны широченны. Я еще девкой в таких хаживала. Спасибо Тихонычу. Хороша выставка!

Алексей Тихонович Беляев — старейший сотрудник Кижского музея. Знаток рукотворных изделий из дерева, бересты, меди, тканей, он хорошо понимает, как надо показать красоту материала, единство утилитарного и эстетического. На стеллажах — сотни вещей, радующих и удивляющих. Каждый из 400 экспонатов побывал в опытных и чутких руках реставраторов, которые очистили, укрепили, подклеили, восстановили, придали изделию первоначальный вид.

С Алексеем Тихоновичем знакомы все ребята из отряда «Реставратор», общение с ним дало им немало.

— Плотники собирали ветряную мельницу из деревни Вороний Остров, — рассказывает Валерий Чекулаев. — Да, видно, где-то вместо березового бревна поставили сосновое. Может быть, кого-нибудь они могли провести, да только не Беляева. Тихонович сразу заметил, остановил работы.

Стоит ли говорить, что один такой эпизод может больше научить бережному отношению к памятникам прошлого, чем многие поучения...

Что привлекает в Кижи этих юношей и девушек? Жажда познания, впечатлений, общения? Интерес к своему краю? Желание узнать цену труда и дружбы? Вряд ли они сами ответят определенно. Наверное, все перечисленное и еще что-то. Хорошо известно, что увиденное и пережитое в детстве и юности складывается в тот бесценный запас, которым мы потом пользуемся всю жизнь.

Давно замечено, что хорошего специалиста формируют не только аудиторные и лабораторные занятия, экзаменационные оценки. Активная общественная деятельность, восприятие произведений искусства, нелегкая стройотрядовская страда в этом сложном процессе занимают не меньшее место. И здесь, в Кижах, будущие преподаватели, биологи, инженеры учатся «чувствовать» памятники прошлого, понимать стоящие за ними исторические события. Учатся беречь эти памятники — ведь дерево так беззащитно перед огнем, невежеством и равнодушием. Полученную науку они постараются передать своим ученикам, значит — следующим поколениям.

Ю. ШАЛАЕВ, кандидат философских наук

УДАЧНАЯ ФОРМА

В Омском сельскохозяйственном институте широко используются различные формы внеучебной воспитательной работы среди студентов. Одна из них — философско-атеистический кружок. Существует он уже более 10 лет и стал, пожалуй, одним из самых популярных.

Занятия в кружке расширяют кругозор юношей и девушек, пробуждают у них желание глубоко и самостоятельно изучать вопросы научного атеизма. Так, многие студенты третьего курса факультета технологии молока и молочных продуктов — участники кружка. И семинарские занятия по атеизму тут проходят, как правило, интересно. Организуются атеистические конференции. Студенты приняли активное участие в институтской атеистической олимпиаде.

Мы стремимся как можно шире информировать всех студентов о работе кружка. Вывешиваем объявления о его мероприятиях в учебных корпусах и в читальном зале кабинета марксизма-ленинизма, организуем выставки книг, брошюр и журнальных статей по темам очередных занятий. Члены кружка проводят беседы в студенческих группах. Многие занимаются в школе молодого лектора, выступают с лекциями и беседами перед рабочими, служащими, школьниками. Большую помощь оказывают студентам преподаватели кафедры философии В. В. Сергеева, Л. В. Иржичко и Г. В. Оленичева.

Кружковцы готовят рефераты. Тематика их разнообразна: современная идеологическая борьба и религия, роль мировоззрения в жизни человека, сущность религиозных праздников и обрядов, искусство и религия, разоблачение магии, смысл и счастье жизни... На наших заседаниях идет разговор о биологических ритмах, а также загадках природы. Кружковцы делают также обзоры «Науки и религии».

Лучшие доклады выдвигаются на институтские и областные студенческие конференции, где они нередко получают высокие оценки. Шесть кружковцев вуза — авторы доклада на тему «О некоторых формах подготовки атеистов в высших учебных заведениях (на местном материале)» стали лауреатами всесоюзного и республиканского конкурсов студенческих работ по общественным наукам, участвовали в международном конкурсе студенческих работ социалистических стран.

Другое направление исследовательской работы кружка — изучение состояния атеистического воспитания рабочих и служащих. Ее наши студенты выполняли в период общественно-политической практики на Волгоградском и Челябинском тракторных заводах, в Иванове, Омске, Целинограде, Ялуторовске. Такие исследования помогают приобрести навыки общения с людьми, умение их убеждать.

Как было установлено, не на всех предприятиях уделяется должное внимание атеистической работе, иногда нет системы в ее организации, редки лекции и беседы. Когда одна из студенток выступила перед рабочими Петропавловского молочного завода с лекцией на тему «О числовых суевериях», то в отзыве было написано, что подобное атеистическое мероприятие на предприятии было проведено впервые. Беседы с выпускниками показывают, что и после окончания вуза они ведут атеистическую работу в трудовых коллективах.

За период работы кружка у нас сложилась традиция проводить расширенные заседания с показом и обсуждением художественных и документальных фильмов. Большое впечатление на студентов произвели документальные фильмы: «Под знаком Льва и Козерога», «Нищие духом», «Украденное детство», «Эмиссары». К сожалению, фонд атеистических фильмов в Омской конторе кинопроката очень ограничен и далеко не всегда наши заявки выполняются.

Философско-атеистический кружок выпускает стенгазету «Атеист». Значительное внимание в ней уделяется пропаганде атеистического наследия К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, систематически помещаются выдержки из их произведений. Наряду с этим раскрывается несостоятельность религии, дается критика суеверий и предрассудков, встречающихся среди молодежи. Есть здесь и постоянные рубрики: «Отвечаем на ваши вопросы», «Советуем прочитать», «Сатира и юмор».

Проводятся выставки лучших номеров атеистической газеты, и это вызывает немалый интерес у студентов. Вот их высказывания: «Все газеты, представленные на выставку, прекрасно оформлены, отвечают тематике. Радует то, что много в них научно-познавательных статей», «Понравилось содержание атеистических газет, красочное оформление, живой юмор». За большую работу по коммунистическому воспитанию студентов стенгазета награждена Почетной грамотой обкома ВЛКСМ.

Конечно, не все у нас получается хорошо и гладко. Отдельные заседания кружка не удовлетворяют нас своим содержанием и формой. Влияние его на весь студенческий коллектив еще недостаточно. Иными словами, проблем у кружка немало. Но то, что найдена полезная и удачная форма атеистического воспитания, несомненно.

г. Омск

КРАСКИ ДИОНИСИЯ

В. ПОЛУНИНА,
преподаватель
4-й московской
художественной
школы *

«Войдем же сюда не как иноки этого затерявшегося в северных лесах монастыря, войдем сюда, как в мастерскую художника...» — приглашает нас авторским текстом фильм «Краски Дионисия». Мы входим и на целых 20 минут остаемся в Рождественском соборе Ферапонтова монастыря, расписанном «в лето 7008 месяца августа...». А «писци, — свидетельствует лента древнего текста вязи на портале, — Дионисие иконник с своими чады...»

Фото Л. Подболотовой.

НЕСПЕШНО РАССМАТРИВАЕМ композиции и отдельные фрагменты древней стенописи, которую пощадили время и северные ветры... Поначалу нам, привыкшим к сверхскоростям современной жизни, трудно от такой медлительности. И вот мы уже готовы сетовать за это на авторов, как наступает мгновение, когда фильм начинает увлекать нас, погружая в торжественные ритмы древних изображений, песнопений, праздничных перезвонов...

Кинолента уводит на берег Бородаевского озера, на луга, где июньское разноцветье — как палитра художника. И хотя мастер должен был писать в храме не земной пейзаж, а «небесный», мы видим, что именно краски Севера создали горний образ. Тут вспоминаются слова современника Андрея Рублева, сказанные о его знаменитой иконе: «...Дабы взиранием на «Троицу» устранялась ненавистная людям раздельность мира». Как бы ни был сложен и многозначен богословский смысл этого изречения, бесспорно одно: земному в этом искусстве принадлежала высокая и значительная роль.

Тем временем фильм вновь возвращает нас под гулкие своды собора, чтобы показать древнюю стенопись — живое свидетельство силы таланта мастера, вдохновенно вобравшего в себя богатство окружающего мира и приумножившего его деянием рук своих. «И в этом, — говорю я детям, — главный смысл фильма...»

В течение года мы с юными художниками просматриваем около 70 фильмов по истории русского искусства. Разыскивала я их буквально поштучно: «Встречу с далеким земляком» (о раскопках на Сунгире), «По бесовым следам» (петроглифы неолита на Онеге)... Особо выделю «Чудо темноты» — фильм, снятый под редакцией доктора наук Бадера в Каповой пещере на Урале, где сохранилась древняя палеолитическая живопись, исполненная красной земляной охрой еще в ледниковый период. Все такие просмотры дополняю диапозитивами, которые сама отсняла в своих путешествиях.

А сегодня последними кадрами цветного широкоформатного фильма «Краски Дионисия» мы завершаем вечер «Выдающиеся мастера русской иконописи». Тремя фильмами был представлен каждый из мастеров: «Новгород. Феофан Грек», «Андрей Рублев», «Краски Дионисия». «Это как если бы мы, — сказала я детям, — именем одного поэта попытались представить, скажем, XIX век. Наверное, это был бы...» «Пушкин», — подсказали мне из первого ряда.

С каждым фильмом все четче обозначались черты разных иконописных школ, разные темпераменты мастеров, их мироощущение. Фильмы убеждали в том, что даже самые строгие рамки иконографии преодолеваются талантом художника.

И все-таки программа сегодня была нелегкой для ребят. Если бы не чрезвычайная доходчивость киноискусства, вряд ли я осмелилась бы предложить ее детям, да еще в вечерний час, после занятий. Но я знала, насколько хороши эти фильмы. Так собрать, соединить материал в единое целое не сможет ни один педагог, хотя без его участия фильм скользнет по залу всего лишь прекрасным мгновением, не обеспечив «обратной связи», которая и является критерием качества нашего педагогического вмешательства в мир ребенка.

Я заметила, что с некоторых пор в эстетическом воспитании детей предпочитаю ход «от общего». Может быть, потому, что хочу, чтобы дети поскорее окрепли в своих суждениях, познали логику собственных выводов. И еще: прежде я рассказывала о каждом из мастеров в отдельности. Теперь же объединяю их, чтобы показать искусство в развитии. Естественно, без помощи кинематографа проделать путь длиною в три столетия за 40—45 минут просто невозможно.

Кстати, об использовании кино в учебном процессе. Оно позволяет увидеть самые тонкие детали подлинника. И непонятно, почему до сих пор не разработан кинокурс по искусству для юных, в котором параллельно с художественной информацией можно было бы помогать детям развивать навыки творческого восприятия искусства. Такой кинокурс можно было бы проводить в любом, самом дальнем уголке страны.

А пока я сама выверяю свою картотеку фильмов, размышляю над педагогическими аннотациями к ним, обдумываю, какие следует показывать фрагменты, а где вообще нужно снять звук, потому что нередко фильм сопровождается пустым трескучим рекламным текстом. Часто предваряю просмотр фильма заданием. Если, скажем, в нем широко представлены памятники русской архитектуры, то для подготовленной аудитории он может стать еще и занимательной «угадайкой»: где проходили съемки? Что уже знакомо? и т. д.

Начатое в кинозале мы продолжаем на занятиях в художественной школе, где в конце года проходит итоговая контрольная работа, а после организуется небольшая выставка ребячьих рисунков.

Контрольная работа выполняется в Третьяковской галерее. Педагогический смысл ее — воспитание у детей самостоятельного, активного восприятия памятников искусства, умения профессионально осмыслить виденное.

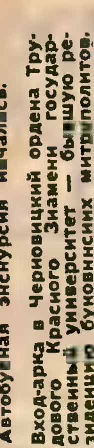
Есть у нас и конкретные задания, объединенные темой «Образ и цвет». Выполняя их, дети стремятся воссоздать образ мастера, учитывая индивидуальные особенности его работ. Задание ценно тем, что оно развивает творческое воображение у ребят: ведь, как известно, портретов того же Дионисия мы не имеем.

Однажды от одного взрослого я вдруг услышала: «Вы что, Валентина Николаевна, детей религией увлекаете?» Ответила не сразу, ожидая, поддержат ли этот голос другие. Не поддержали! А потом рассказала, что в составленном В. И. Лениным списке тех, чью память, по его мнению, следует увековечить, первым было имя Андрея Рублева. Припомнила и ту фразу из фильма, которой начаты эти записки. Затем спросила: разве придет кому-нибудь в голову лишать нас общения с Сикстинской мадонной Рафаэля только потому, что это — икона? Или прятать книги с мифами Древней Греции и Библию, легенды которой стали темой многих работ мирового искусства? Вот и ребята — пусть входят в древние храмы, как в мастерскую художника...

* Об этой школе см. статью Л. Кудрявцевой «Вдоль до реченьке, по Москве-реке». («Наука и религия», 1979, № 6).

Экскурсии, которых ждут

В. ЛЕШАН,
лектор отдела пропаганды и агитации Черновицкого обкома Компартии Украины

Автобусная экскурсия началась.

Вход-арка в Черновицкий ордена Трудового Красного Знамени государственный университет — бывшую резиденцию буковинских митрополитов.

Возле театра — рассказ о культурных преобразованиях за годы Советской власти.

Внимательны лица слушателей.

Фото автора.

ЭКСКУРСИИ занимают важное место в атеистическом воспитании населения Черновицкой области. В целом их организация — дело сравнительно несложное, но добиться, чтобы в них приняли участие верующие, далеко не просто. Наши агитаторы и пропагандисты беседуют с ними, стараются заинтересовать, пробудить желание больше узнать о событиях внутренней и международной жизни, истории родного края, достижениях науки и техники, явлениях природы.

Транспортом экскурсии обеспечивает, как правило, областное бюро путешествий и экскурсий. Большинство колхозов и совхозов обеспечивает своих тружеников на время поездки бесплатным питанием. Ведут экскурсии самые опытные гиды.

Сразу по приезде в Черновцы люди узнают о программе пребывания в городе, теме и маршруте. Так, во время экскурсии «Черновцы — экономический, административный и культурный центр Советской Буковины» речь идет об истории края. И когда автобусы проезжают мимо церковных зданий, гиды рассказывают не только об особенностях архитектуры, но и о сущности религиозных верований, о роли религии и церкви в истории края.

Много интересного дает и экскурсия «Черновицкий государственный университет — историко-архитектурный заповедник». Здание главного корпуса — бывшая резиденция буковинских митрополитов. В течение всей истории митрополия состояла на службе господствующих классов, содействовала социальному и национальному угнетению трудящихся. В архивах сохранились десятки тысяч дел, которые убедительно свидетельствуют об этом. Среди документов, которые дошли до нас, нет ни одного, где говорилось бы о помощи духовенства простым труженикам. Наоборот, они свидетельствуют, что митрополия судилась с ними за каждый клочок земли, за каждую связку хвороста.

Позорную роль сыграла буковинская митрополия в годы Великой Отечественной войны, оказывая всестороннюю помощь оккупантам. 23 марта 1942 года она передала фашистским захватчикам в качестве дара четыре миллиона лей.

В то же время экскурсоводы подчеркивают, что ансамбль бывшей резиденции митрополитов — чудесное творение архитектуры, яркое свидетельство таланта художников, резцов по дереву и камню. Теперь этот ансамбль служит людям. Тысячи юношей и девушек — дети рабочих, крестьян, интеллигенции получают высшее образование в Черновицком университете.

«Буковина — по пути Великого Октября» — эта экскурсия рассказывает о размахе жилищного строительства в области, о том, что в каждый дом пришли радио и телевидение, что в городах и селах построены сотни и тысячи школ, детских дошкольных учреждений, библиотек, кинотеатров, лечебных учреждений, спортивных сооружений. В этом рассказе ясно звучит жизнеутверждающая тема труда, величие земных свершений.

Составной частью экскурсий стало знакомство с передовыми промышленными предприятиями города. С интересом сельские труженики посещают объединение «Восход». В пятитысячном коллективе этого предприятия, где работают представители более 20 национальностей, немало вчерашних выпускников сельских школ — односельчан экскурсантов, которые своими умелыми руками, с помощью станков, созданных в русской Пензе, узбекском Ташкенте и других городах, превращают хлопок в тонкую, нежную нить, а из нее изготовляют разноцветные ковры с узорами буковинских орнаментов. В объединении гости знакомятся с музеем трудовой славы. Тут бережно хранится все, что связано с историей «Восхода». Здесь же стоят красные знамена, врученные коллективу за самоотверженный труд в девятой и десятой пятилетках. На одном из них — орден Ленина, высшая награда Родины.

Бывая на таких предприятиях, люди, особенно жители отдаленных сел, хуторов, открывают для себя новый мир, о котором знали очень мало. Верующие невольно задумываются над тем, что жизнь, оказывается, много шире, интересней, нежели им представлялось до сих пор.

В арсенале средств, которые помогают формировать научное мировоззрение трудящихся, важное место занимает планетарий, без посещения которого не обходится ни одна экскурсия. Здесь читаются популярные лекции, проводятся встречи с учеными — астрономами, физиками, биологами, химиками и т. д. Наши лучшие лекторы — М. М. Батаева, Я. Ф. Фесенко, А. Н. Гаврилюк, В. Л. Волков убеждены, что любая естественнонаучная тема открывает большие возможности для выработки и укрепления атеистических убеждений.

Такие экскурсии очень популярны в области. За последние три года в них участвовали более четырех с половиной тысяч человек, в том числе немало верующих. Так, Мария К. из Хотинского района, на которую поездка произвела большое впечатление, предложила верующим односельчанам, поскольку большинство из них сомневались в том, что она рассказывала после поездки в Черновцы, самим принять участие в экскурсии.

Василий К. из Кельменецкого района сказал: «Раньше, когда я был в областном центре, дальше магазинов и рынка не ходил. То, что увидел во время экскурсии,— поразило!»

Конечно, никто не думает, что у человека, побывавшего на одной-двух экскурсиях, сразу изменится мировоззрение. Задача другая — пробудить интерес к окружающей жизни. И с этой точки зрения экскурсии вносят значительный вклад в мировоззренческую ориентацию людей. В комплексе с другими формами атеистической работы они содействуют преодолению религиозных пережитков.

г. Черновцы

С САМЫХ ПЕРВЫХ НОМЕРОВ...

Э. ДЖЕГУТАНОВ, руководитель лекторской группы Карачаево-Черкесского обкома КПСС, кандидат философских наук

● Была ли атеистическая тема в первых советских газетах Карачаево-Черкесии?

Была и занимала значительное место не только в каждом номере, но и практически почти в каждой заметке. Это естественно. Газеты писали о том, как новое, советское входит в жизнь горцев, и помогали этому новому утвердиться, окрепнуть. Чуть ли не во всем это противоречило установлениям ислама. Не обойтись было без прямой антирелигиозной пропаганды, но и вообще всякое сообщение о новом служило пропагандой против ислама.

Вот, например, заметка из первого номера «Адыгской жизни», рассказывающая о том, как «в карачаевском Нижнемаринском ауле нашей области собрались 37 женщин и решили создать женскую организацию и заняться управлением общественными делами». «У кого есть сознание,— говорилось в заметке,— поможет женщине, чтобы она занималась общественными делами, которыми занимается мужчина. У них права одинаковы». А кончалась она призывом: «Женщины! Собирайтесь, решайте сами свои дела. Берите пример с женщин Нижнемаринска, учитесь у них!» И хотя здесь нет слов о религии, о Коране или эффенди, заметка несла в себе мощный антирелигиозный заряд, помогала покончить с былым затворничеством, предписанным женщине шариатом.

В следующем номере этой газеты почти всю первую страницу занимает статья «Эффенди и наши нужды». Разве для нас важнее всего то, к чему призывает эффенди? — спрашивал автор. Если будем следовать их призывам и советам, останемся в прежней нищете и невежестве. Давай-

те решать свои дела сами, чтобы выходило на пользу нам.

Перекликается с этой статьей корреспонденция в первом номере газеты «Таулу джашау», которая называется «Берите пример». Обычно закят и другие виды мусульманской милостыни шли в кладовые эффенди или же людям, которые находились у них в услужении. А самым бедным оставалась мизерная доля. Комитет помощи аула Лоу-Кабак обратил мусульманскую милостыню на пользу всем. Зерно, которое ежегодно предназначалось эффенди в качестве подаяния (2000 пудов пшеницы), комитет продал и купил четырех волов для вспашки земли и других нужд бедняков. «Комитет намечает,— писала газета,— собрать еще 4 тысячи пудов кукурузы, около сотни голов скота, несколько ульев. Это частью будет выдаваться беднякам по мере необходимости. А на остальное планируется приобрести сельскохозяйственный инвентарь в виде плугов и молотилок».

И если сегодня, пятьдесят с лишним лет спустя, положение в нашей области в корне изменилось, если религия не имеет уже прежней власти над людьми, то есть в этом заслуга и наших газет, которые на всех этапах способствовали атеистическому воспитанию трудящихся.

Занимаются они проблемами атеизма и религии и сейчас. У нас в области выходит пять газет на языках основных живущих у нас национальностей. Конечно, теперь в этой сфере у газет не те задачи, какие были полвека назад, но атеистическое воспитание по-прежнему остается одним из важных участков идеологической работы. В каждом крае, несомненно, есть свои особенности в этом деле. У нас это, прежде всего, многонациональный состав населения. Кроме карачаевцев, черкесов, русских, абазинов, ногайцев (эти пять национальностей составляют большинство), у нас живут представители более 20 других национальностей. Прежде их разделяли различные вероисповедания, религия немало препятствовала процессу интернационализации. Пытается она стать между людьми и сегодня, способствуя сохранению родовых националистических пережитков.

Всякое выступление печати, показывающее совместную работу людей разных национальностей, достижения многонациональных коллективов, помощь русского и других народов страны нашему хозяйству, связь культур разных народов,— важный вклад в атеистическое воспитание. На эти темы наши газеты пишут много и интересно, освещая проблему с разных сторон.

Не так давно областная партийная газета «Ленинское знамя» (на русском языке), а за нею и другие газеты напечатали волнующий очерк о событиях времен последней войны, прекрасно показывающий, что истинно человеческие чувства выше всяких религиозных запретов. Летом 1942 года в Карачаево-Черкесию прибыл эшелон с 300 детьми из осажденного Ленинграда. Женщины черкесского аула Бесленей забрали детей в свои семьи, заботились о них, как о своих собственных. Во время оккупации области, когда фашисты рыскали в поисках «подозрительных», они, часто рискуя жизнью, спасали этих маленьких сирот, не думая о том, что они другой национальности.

После войны многих детей разыскали родственники, они уехали в Ленинград, но те, у кого все близкие погибли, остались в наших краях и сейчас живут в тех семьях, которые стали им родными. Редко у кого тогда были документы, и фамилии, имена многим детям дали там, где они воспитывались. И живут сейчас в области «черкесы» из Ленинграда: учитель Мусса Агаржаноков, горный мастер Владимир Цеев, мастер завода «Гидропневмонормаль», мать пятерых детей Фатима Охтова, шофер Рамазан Адзинов и другие.

Продолжая рассказ о традиционной дружбе наших народов с русскими, хочу привести отрывок из очерка «Противники дружбы народов», опубликованного в прошлом году в «Ленинском знамени». Пишет аксакал: «...Помню, сколько радости и родителям и нам, детям, доставлял приезд в наш аул кунаков — русских крестьян из станицы Невинномысской. Радушием, теплотой, истинным гостеприимством была наполнена каждая такая встреча... А вот другое воспоминание. За чертой кладбища в нашем ауле Кувинском находился маленький могильный холмик. Взрослые рассказывали, что здесь похоронен искусный каменщик Леон. Много добрых дел сделал он на своем веку. А когда умер, служители мусульманской религии не позволили похоронить этого уважаемого человека на общем кладбище, потому что он был христианином. Каждый из людей старшего поколения может припомнить подобные факты. Говорят они о том, что трудящиеся люди, к какой бы национальности, к какому вероисповеданию они ни принадлежали, всегда тянулись друг к другу, находили общие интересы. А вот религия во все времена старалась помешать этой дружбе, разобщала, разъединяла людей».

И хотя очерки, о которых я рассказал, были опубликованы не под атеистической рубрикой, очевиден их атеистический потенциал. Так же можно оценить и корреспонденции, рассказывающие о дружбе жителей нашего края с трудящимися Могилевщины. Здесь, в белорусских лесах, в годы Великой Отечественной войны командовал партизанским полком и пал смертью храбрых Герой Советского Союза коммунист Осман Касаев — сын Карачая, ставший и сыном Белоруссии.

В наши дни религия сосредоточилась в основном в сфере быта, семейных отношений. И печать, продолжая традицию, родившуюся в первые годы Советской власти, активно и непримиримо выступает против религиозных и связанных с ними феодально-патриархальных пережитков. Газеты пишут и о случаях калыма — платы за невесту, и о берне — обычае, по которому невеста обязана одаривать многочисленную родню жениха, и о деуре — мусульманском обряде проводов человека в последний путь, и о религиозном бракосочетании.

Большой резонанс вызвала корреспонденция «Суд» в газете «Ленинское знамя», рассказывавшая о том, как было совершено умыкание учительницы Верхнемаринской школы. И не только об этом... «Несмотря на все обстоятельства дела, на то, в каком свете предстал преступник, его

друзья и знакомые... едва закончился процесс, расталкивая конвой, бросились к осужденному, обнимались с ним, ободряли, открыто оскорбляя при этом потерпевшую и ее родителей». Газета призывала читателей оценить не только преступление, но и реакцию на него некоторых представителей интеллигенции. Вслед за этим газета, как представляется, логично поместила статью прокурора области об уголовной ответственности за преступления, совершенные на почве местных пережитков, в том числе религиозных.

К подобным материалам не остается равнодушным читатель. Они затрагивают многих. И в газеты идут письма, статьи обсуждаются на предприятиях, в школах, техникумах, на совещаниях актива. Широко обсуждались, например, статьи «Свадьба» с послесловием», «Дипломант решил жениться», где в своем истинном виде представали старые обычаи, унижающие женщину, и в еще более неприглядном — те, кто, следуя им, оказался на пути к уголовному преступлению.

Большую читательскую почту вызвало письмо «Между двух огней», опубликованное в «Ленинском знамени». Написала его работница мебельной фабрики из поселка Даусуз Зеленчукского района. Она с горечью сообщила о том, что старые обычаи и предрассудки нередко лишают молодых людей счастья. Откликнулись 250 человек. Многие письма были опубликованы. Подводя итоги возникшей дискуссии, редакция писала: «...Мы еще раз хотим подчеркнуть, что отнюдь не ставили себе целью перечеркнуть то хорошее, что было выработано поколениями, выверено временем...» Действительно, газета сообщает о прекрасных обычаях (вспомним хотя бы материалы о дружбе народов), привлекает к разговору авторитетных людей, ветеранов войны и труда. Они высказывают свое мнение о том, что из прежнего надо оставить и беречь, а от чего надо решительно отказаться.

Недавно в «Ленинском знамени» состоялся еще один серьезный разговор на эту тему. Публикации двух писем «Первое слово — старшим» М. Алиева и «Уважение к человеку» писателя Османа Хубиева, статья «Традиция традиции рознь» вызвали много читательских откликов. Носители «революционных, боевых и трудовых традиций партии и народа — писала газета,— своей самоотверженной борьбой за счастье трудящихся заслужили нашу любовь и уважение. На их примере мы воспитываем молодое поколение советских людей, которое законно гордится подвигами своих дедов и отцов, подражает им, борется за то, чтобы довести до конца начатое ими великое дело обновления мира». Однако газета обращала внимание и на то, что прекрасная традиция уважения к старшим, принятая бездумно, безоговорочно, порой принимает уродливые формы. Ведь и среди старших есть разные люди: у иных в биографии были такие факты, которые не могут вызвать уважение, иные старики воинственно хотят заставить молодежь во всем следовать старым обычаям, в том числе религиозным. Вот тут авторитет стариков может сыграть и отрицательную роль.

Надо ли сохранять мусульманский обычай похорон? Печальное дело проводов человека в последний путь, как правило, берут в аулах в свои руки священнослужители. Случается, что они распоряжаются даже и на похоронах неверующих людей. Газеты не оставляют без внимания эту актуальную тему. Мое внимание привлекло письмо М. Джаубаева из Карачаевска. Он рассказал о горькой жизни на чужбине — в Турции, куда «еще до революции его увезли родные, обманутые лозунгом объединения с единоверцами». Джаубаеву удалось вернуться на родину, и он остро ощущает счастье жить на родной земле. «Меня еще в двадцатые годы прозвали беспартийным большевиком,— пишет он.— Я горжусь этим званием и остаюсь убежденным материалистом-ленинцем. Я жил и работал рядом с замечательными коммунистами — как с представителями горских народов, так и с русскими... Я говорю своему сыну Кемалу, у которого сейчас живу: не зазывай муллу на мои похороны, не нужны мне все эти процедуры. Пусть меня похоронят как фактического большевика-коммуниста. И еще завещаю детям и близким: в беде и радости крепите дружбу с русским народом...»

Для нашей областной печати характерно, что она вместе с общественностью ищет наиболее эффективные пути преодоления религиозных пережитков. Один из таких путей — обсуждение этих проблем на сходах граждан, где первое слово держат старики, самые уважаемые люди.

Например, сообщалось, что средства на калым и берне подчас добываются путями, далекими от норм социалистической морали, в числе которых — спекуляция вязаными теплыми вещами. Против такого рода явлений выступила местная общественность. Об этом сообщалось в областной печати и в «Комсомольской правде».

Значит ли это, что у нас теперь покончено с калымом и берне? Пока нет. Но то, что сделано, улучшило нравственную атмосферу в аулах, многих удержало от соблюдения этих обычаев.

Продолжая добрую традицию, родившуюся в первых номерах карачаево-черкесских газет, областная печать дает сегодня принципиальную оценку пережиткам, противоречащим советскому образу жизни, нашей морали, воспитывает непримиримость ко всему, что мешает людям. В кратком обзоре трудно осветить всю эту разнообразную работу по атеистическому воспитанию трудящихся. Но и по приведенным примерам видно, что ведется она активно. Не раз отмечало это и бюро обкома партии.

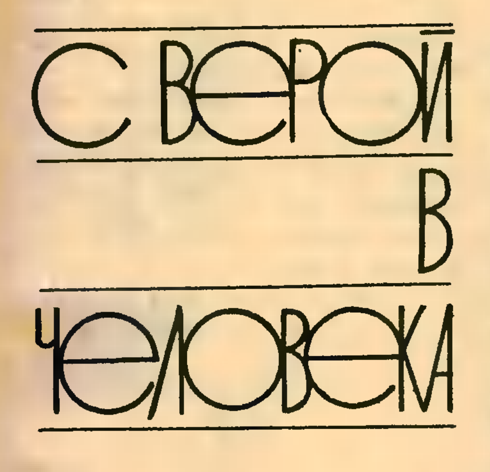
Постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» и «О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина» поставили перед нашей печатью новые серьезные задачи, связанные с коммунистическим воспитанием трудящихся. В процессе решения этих задач наши газеты усилили и внимание к вопросам атеистического воспитания, без которого невозможно формирование научного мировоззрения, твердой коммунистической идейности.

г. Черкесск

Закончился очередной рабочий день, ушли рабочие. Умолк вентилятор в механических мастерских. Теперь можно подумать, поискать ответы на десятки вопросов, которые ежедневно приходится решать секретарю цеховой партийной организации управления механизации строительно-ремонтного треста города Каунаса Фелиции Юрявичене.

Мы привыкли часто оценивать работу в цифрах, процентах, а как взвесить и измерить чувство ответственности, заставляющее не. До прихода в трест она работала на Каунасском радиозаводе, где была председателем заводского совета атеистов.

Много усилий пришлось приложить Фелиции для организации атеистического воспитания на заводе. Надо было найти людей — не просто назначить, а сделать так, чтобы они сами поняли важность и нужность этой работы. Но чтобы учить других, самой надо много знать. И Юрявичене идет учиться в Каунасский вечерний университет марксизма-ленинизма на факультет марксистско-ленинской этики и эстетики, а в тресте. Интересно проходят тематические вечера, вечера вопросов и ответов, диспуты, читательские конференции, обсуждения атеистических книг, встречи с бывшими верующими, бывшими служителями культа. Выпускаются стенные газеты, листок «Слово атеистов». Многие работники треста бывали в вильнюсском и ленинградском музеях атеизма, откуда привезли ценные репродукции. Совет атеистов ведет альбом «Деятельность и будни совета атеистов». Цеховые советы поддерживают между собой связь, обмениваются опытом.

А. СТАШКЯВИЧУС,
сотрудник научной библиотеки Каунасского медицинского института

Ф. Юрявичене.

принимать близко к сердцу все, что происходит на работе? Сколько людей здесь трудятся — столько судеб. Надо понять их и найти для каждого нужное слово.

Юрявичене вспоминает свои первые шаги в 1972 году в новой, только что созданной организации. На партийном учете тогда состояли четыре коммуниста, она была пятой. Так случилось, что именно ей доверили возглавить партийную организацию. Первый год оказался трудным: надо было вникнуть в производство, помочь комсомольцам наладить работу, лучших готовить для вступления в партию — мало ли дел у секретаря. Хорошо бы, например, создать в управлении совет по атеизму. На первый взгляд, идея показалась неожиданной. Однако не для Юрявичене вскоре поступает и на философский факультет того же университета. Тем временем кружки атеиста уже были созданы в каждом цехе. В заводской многотиражной газете «Банга» («Волна») раз в месяц публиковалась атеистическая страница. Спустя несколько лет работа совета атеистов Каунасского радиозавода была признана лучшей в республике.

И вот теперь, в тресте, она тоже решила наладить это дело. Со своим предложением пошла в партком. Так Ф. Юрявичене стала председателем атеистического совета строительно-ремонтного треста. Потом советы атеистов были созданы во всех девяти управлениях.

С тех пор лекторы общества «Знание» стали частыми гостями

Партийная организация заботится о подготовке пропагандистов атеизма, направляет лучших коммунистов на учебу в вечерний университет марксизма-ленинизма. Сейчас здесь выросли хорошие пропагандисты, политинформаторы, агитаторы. Сама Юрявичене окончила факультет ораторского искусства. Она читает лекции, проводит беседы и в то же время старается, чтобы с докладами на атеистические темы выступали молодые коммунисты, комсомольцы.

Председатель совета атеистов неустанно заботится о том, чтобы работники управления, в первую очередь молодежь, учились. Уже все сотрудники в возрасте до 30 лет получили среднее образование, а те, кто поступил на работу и не окончил 10 классов,

направляются на учебу. С этой целью создана комиссия по оказанию помощи вечерним школам, которую возглавляет член партии Вида Стакенене.

— Начало было нелегким,— рассказывает Юрявичене.— 42 молодых человека не имели среднего образования. Встречались и трудные ученики. Так, автокрановщик Витас Микалаюнас три раза бросал школу, пришлось приложить немало усилий, чтобы Витас закончил школу. И вот парень успешно сдал экзамены на аттестат зрелости, а на работе стал победителем социалистического соревнования. Его фотография — на Доске Почета.

Нелегко было и с Юозасом Грушеленисом, окончившим лишь шесть классов. «Учиться-то я хочу,— говорил рабочий,— да стыдно в школу идти. Ведь я уже взрослый человек». Ф. Юрявичене посоветовала ему пойти в вечернюю заочную школу, которую Юозас успешно окончил. Теперь он учится на третьем курсе Каунасского политехникума, передовик труда, активный общественник, принят в ряды коммунистов.

В свое время поступила в управление молодая семья Стакенасы, Вида и Альвидас. Работали оба старательно. Вида вступила в комсомол. Но случилось несчастье: погиб Альвидас. Вида осталась с маленьким ребенком, бросила школу, уехала к родителям в Дуокишкис. Там и нашла ее Ф. Юрявичене.

— Возвращайся, Вида,— сказала она. — Среди друзей легче преодолеть боль.

Вида вернулась. Управление выделило ей комнату в семейном общежитии. Сын пошел в детский сад, а мать стала посещать вечернюю среднюю школу. Вскоре ее приняли кандидатом в члены КПСС. Сейчас Вида окончила вечернюю школу и работает инспектором отдела кадров управления. Она охотно включилась в атеистическую работу, ее избрали заместителем председателя совета атеистов.

Партийная организация цеха неизменно интересуется делами молодежи. Коммунисты, ветераны труда шефствуют над молодыми производственниками. Юноши и девушки стараются побыстрее освоить новую специальность. Ежегодно два-три комсомольца вступают в партию. Молодых коммунистов Юрявичене привлекает к атеистической работе. Хорошо зарекомендовали себя заместитель секретаря партийной организации Д. Литинскене, самый первый председатель совета атеистов А. Вайшвила, нынешний председатель цехового совета атеистов А. Остраускас, занимающийся пропагандой новых традиций, лектор первичной организации общества «Знание» А. Мисюнас, который уже несколько лет руководит кружком комсомольского политпросвещения и является лучшим политинформатором Каунаса, и другие.

Как член методического совета Пожелского райкома партии Ф. Юрявичене бывает на занятиях партийной учебы, помогает проводить открытые занятия, аттестацию пропагандистов. Она везде — желанный гость, умеет создать хорошую рабочую атмосферу. Ее любят и ценят товарищи и не случайно уже шесть раз избирают секретарем цеховой партийной организации.

С Фелицией удивительно легко. Коллеги верят ей. Ф. Юрявичене не боится напряженной работы, хотя здоровье нередко подводит. Но всегда, даже по словам врачей, ее выручают оптимизм, вера в жизнь, в человека. И еще та брызжущая энергия, неисчерпаемый энтузиазм, которые ее отмечают.

г. Каунас
Литовской ССР

КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ

Когда речь заходит о религии, я от учителей нередко слышу: «Религия — удел стариков. Среди детей верующих нет. Так что, стоит ли в школе тратить драгоценное время на антирелигиозную работу».

Думается, такое мнение преждевременно. И в качестве примера приведу историю одной семьи.

Отец работал на заводе в конструкторском бюро. Мать — на том же заводе в бухгалтерии. У них росла единственная дочь Татьяна, училась в школе, была отличницей, увлекалась спортом. А потом случилось несчастье: из дома ушел отец. Мать Тани замкнулась в себе, ночами плакала. Таня тоже очень переживала: стала рассеянной на уроках, бросила спортивную секцию, против ее имени в классном журнале стали появляться тройки и даже двойки. Классный руководитель, вместо того чтобы по душам побеседовать с Таней, начал «прорабатывать» ее. Тогда девочка стала пропускать уроки...

За это время мать Тани близко познакомилась с одной пожилой женщиной, та оказалась баптисткой. И вскоре Танина мать перешагнула порог молитвенного дома... Через два месяца туда пошла и дочь. Причем кульминационным моментом в ее судьбе стало комсомольское собрание, на котором Тане за систематические пропуски уроков и за плохую успеваемость вынесли выговор. После собрания Таня в школу не пришла. Как и мать, она попыталась найти утешение в религии. Потом учителя с трудом вернули девочку в школу.

Этот пример говорит, что атеистическому воспитанию учащихся в школе нужно уделять самое пристальное внимание. И уж, по крайней мере, ни в коем случае не недооценивать эту работу.

И. СТАРОДУБЦЕВ,
пропагандист
г. Жигулевск
Куйбышевской области

ВОЗВРАЩЕННАЯ РАДОСТЬ

А. ЧЕРНЯХОВСКИЙ

Фото Б. Покровского.

Человек родился! Лидия Васильевна Ванина приняла новорожденного.

С ПРОФЕССОРОМ Лидией Васильевной Ваниной, заслуженным деятелем науки РСФСР, руководителем кафедры акушерства и гинекологии I Московского медицинского института мы знакомы давно. Я знаю, как начинала она свой, отмеченный смелостью и оригинальностью, путь в науке, сколько довелось ей преодолеть сомнений и преград. Но одного не могу понять: откуда брала эта женщина энергию и непреклонную волю, чтобы с такой стойкостью и страстностью отстаивать свои идеи?

Украинский философ Григорий Сковорода некогда заметил: мы должны быть благодарны богу, что он создал мир так, что все простое правда, а все сложное неправда. Применительно к акушерской практике простое и очевидное состоит в том, что мать и плод во всех отношениях — единое целое. Какая-нибудь краснуха или другая «побочная» болезнь способна в период беременности перечеркнуть самые радужные надежды, погасить трепетные мечты о материнстве. Что же тогда говорить о болезни сердца? Скольким еще женщинам в мире — молодым, образованным, вполне устроенным и обеспеченным — мешает жить безотрадное сознание их неспособности выполнить из-за сердечного недуга основное свое биологически запрограммированное предназначение: дать новую жизнь! Стремясь смягчить горечь слов, врачи говорили в таких ситуациях мечтающим о потомстве супругам: «Роды строжайше противопоказаны». В мудрых народных пословицах звучала та же безысходность: «Чем терять, так не дай бог рожать». А церковники напоминали обиженным судьбой прихожанкам о вечной каре за первородный грех прародительницы Евы и о гневных словах господа: «Умножая умножу скорбь твою в беременности твоей» (Бытие, гл. 3, ст. 16). Бог на небесах, говорили они, творит все, что хочет, он всемогущий, без его воли и волос с головы человека не упадет. Смирите желания свои, подчинитесь предначертаниям всевышнего.

Но против такой безысходности и пассивного послушания восставали сами женщины. Несмотря на тяжкие сердечные недуги, иные из них смело шли на риск. Можно о них сказать словами Генриха Ибсена:

Но помощь тем, кто и не хочет даже
Того, чего не может, не нужна...
Простится то тебе, чего не сможешь,
Чего ж не захотел ты — никогда.

...В Москву из Липецка медицинская сестра привезла 32-летнюю колхозницу Лидию Косолапову. У нее была уже третья беременность при так называемом «бычьем сердце» и еще двух сложных его пороках. Предсердия здоровой женщины вмещают по 140—160 миллилитров крови, а при болезненно расширенном, «бычьем» сердце — до 800 и более миллилитров. Создается непосильная нагрузка, чаще всего вызывающая острую недостаточность клапанов сердца. У постели Косолаповой неоднократно собирался авторитетный консилиум, специалисты старались убедить ее, что роды для нее смертельно опасны, надо прервать беременность. А Лида упорно твердила свое: «Не затем в столицу ехала. Рожу!»

— Что толку торопиться на тот свет, — в сердцах сказал ей самый неуступчивый врач,— ведь два-то сына у вас уже есть.

— Не беспокойтесь, доктор, я и третьего рожу!

И родила-таки сына. В дальнейшем неистовая эта женщина перенесла хирургическую операцию на сердце и еще два раза стала матерью.

Такие случаи противоречили утвердившемуся в акушерстве подходу к беременности и родам при больном сердце. Сама судьба этих женщин ставила под сомнение, например, провозглашенный во Франции закон Петера, согласно которому при любом сердечном пороке девушке запрещалось замужество, женщине — беременность, а матери — кормление грудью. Благополучные исходы заставляли усомниться и в справедливости категорического требования, выдвинутого одним из ведущих венгерских акушеров Имрэ Золтаном: все такие роды разрешать только путем кесарева сечения. Никаких отступлений! Запреты оправдывались одним глубокомысленным соображением: не выдержит сердце. Но много ли знали о нем акушеры? Разве не считалось общепризнанным, что беременность и роды — дело их, акушеров-гинекологов, а болезни сердца — область другой науки — кардиологии?

Одной из первых ошибочность такого отчуждения увидела Л. В. Ванина. Роды и впрямь огромная нагрузка для организма, особенно для недужного сердца, однако, думалось ей, могла ли предусмотрительная природа не позаботиться о продолжательнице рода человеческого? Оставить женщину беззащитной перед лицом серьезных испытаний? Какие-то защитно-приспособительные механизмы должны смягчать эти нагрузки. Ванина перворошила горы научной литературы и многое для себя по-новому переосмыслила. За две недели до родов у будущих матерей увеличивается отток крови к нижним конечностям. Зачем? Не ясно ли: чтобы таким образом снизить нагрузку на сердце. Вес миокарда к концу беременности почти удваивается. Случайность? Нет, более мощная мышца сердца легче справляется со все возрастающей работой. На первых этапах беременности гормон прогестерон вырабатывают специальные органы, в последние же месяцы его начинает поставлять еще и плацента. Как это кстати, ведь прогестерон — создатель сердечного покоя. Развивающийся плод все активнее забирает из материнских тканей и органов соли кальция. Плохо? Оказывается, нет, благодаря этому клапаны сердца становятся более эластичными. Вон сколько рычагов, которыми можно воспользоваться, чтобы уменьшить опасность осложненных родов, отвести от женщины божью кару за библейское правонарушение.

А разве допустимо закрывать глаза и на то, что роды сказочно преображают организм самой матери, просветляют женскую душу, придают всему существу матери прекрасную, трепетную

осиянность. «Да и что, какая цель в жизни,— писал Ф. М. Достоевский,— важнее и святее целей родительских».

— Большинство коллег,— вспоминает Лидия Васильевна,— не слишком спешили соглашаться со мной, многие открыто протестовали. Но я уже не отступала...

Из Владимира в Министерство здравоохранения РСФСР поступило сообщение, что в местном родильном доме от воспаления почек погибает беременная женщина — нужна экстренная консультация специалистов. Туда срочно командировали акушера Л. В. Ванину и опытного терапевта Л. М. Фитилеву. Они установили: поражение почек вторично, основная же беда в тяжелом ревматическом пороке сердца. Рассуждать было некогда, и на той же «Волге» врачи увезли больную с собой в Институт акушерства и гинекологии. Уже через день пришлось пойти на операцию кесарева сечения, а в связи с воспалением внутренней оболочки сердца применить новый тогда гормональный препарат преднизолон. Вот когда взметнулась буря! Одни сетовали на то, что Ванина заведомо ухудшает объективные показатели клиники. Другие протестовали против рискованного введения гормонов, что-де способно еще более подавить деятельность пораженных надпочечников. Примерно в те же дни Лидия Васильевна применила при кесаревом сечении новый для акушерской практики внутритрахеальный наркоз, обеспечивающий более устойчивую динамику кровообращения. На утренней конференции со злой иронией выступил уважаемый доктор наук, сказав: «Что коллега вытворяет со своими мальчиками и девочками? Разве не ясно, что мода на все эти анестезиологические фокусы пройдет?»

Обидная реплика лишний раз напомнила Ваниной, как много терпения и неопровержимых аргументов потребуется, чтобы доказать верность захватившей ее идеи: многие женщины с пороками сердца, которым в силу сложившихся традиций запрещают рожать, могут при определенных условиях обрести счастье материнства! Медицине следует бороться не с самой беременностью, а с отягощающими ее сердечными болезнями.

Не будем, читатель, корить медицину за ее неторопливость, во многом это мудрый консерватизм, речь ведь идет о здоровье людей. Что же касается прогресса, то вспомним верные слова академика АМН СССР С. С. Юдина: «Когда в сознании рождается смелая мысль, способная поразить господствующее разумение своей эпохи, то остановить эту мысль, пытаться задержать ее развитие — дело почти безнадежное. И чем более эта смелая идея ломает существующие научные представления, тем труднее обуздать ее развитие».

Путь вперед лежал через доказательства и глубокое постижение кардиологии, чтобы потом «приложить», трансформировать эти знания применительно к особенностям организма беременной женщины. Целый год отдает Лидия Васильевна стажировке на кафедре терапии, руководимой академиком медицины В. Н. Виноградовым, и в Институте сердечно-сосудистой хирургии имени академика А. Н. Бакулева. Подолгу засиживается в библиотеке, посещает научные конференции, симпозиумы и настойчиво, скрупулезно проверяет все новое в условиях клиники.

После защиты докторской диссертации Л. В. Ваниной предложили возглавить родильное отделение в городской больнице № 67... Постепенно, на этой скромной базе возникает первое в стране специализированное учреждение для беременных женщин, страдающих болезнями сердца. Здесь стремятся вдумчиво сочетать тонкий кардиологический подход со строго индивидуализированными акушерскими мерами. Для этого требуется живой сплав знаний и опыта, врачебной зоркости и ежеминутной готовности действовать. Таких специалистов не было, и они формировались в процессе работы. Шаг за шагом складывался, цементировался коллектив единомышленников-энтузиастов.

— Новое зажигает сердца молодых, — говорит заместитель главного врача этой больницы кандидат медицинских наук А. Л. Бейлин.— Семь врачей нашего отделения получили ученую степень кандидата наук — эти практические врачи защитили свои диссертации, что называется, на рабочем месте. Овладевать знаниями, приобщаться к высотам науки их заставила сама жизнь. Огромную помощь оказала щедрая на новые идеи Лидия Васильевна Ванина.

— Вы заведуете родовым блоком,— говорила, например, она Лидии Гавриловне Гайдамакиной. — Основной критерий оценки вашей работы — состояние ребенка. А что мы знаем о плаценте, которая служит для плода одновременно легкими, кишечником, печенью, почками и эндокринными железами? От нее зависит, что и в каком виде пропустить к плоду, а что задержать, как ему развиваться. Плацента способна, оказывается, вырабатывать и разрушать некоторые гормоны, участвовать в тончайших обменных процессах, изменять давление крови в сосудах. Здесь ли действовать вслепую?

Постепенно Гайдамакина и сама согласилась: без новых знаний нельзя! Несколько лет напряженного труда, исследований, проведенных на самом современном уровне, позволили ей открыть нечто прежде неизвестное. Оказалось, что при нарушениях кровообращения возможен тромбоз мелких сосудов плаценты и тогда плод лишается необходимых ему питательных веществ. А введение гепарина — того самого, которым терапевты растворяют тромбы в легких,— восстанавливает нарушенное снабжение, заметно и стойко улучшает развитие будущего человека.

С заведующей отделением патологии беременных Любовью Исидоровной Розенфельд Ванина часто беседовала о том, как важно заранее знать, каковы у той или иной беременной женщины, страдающей сердечным недугом, физиологические резервы организма. Ведь при появлении на свет нового человека сердце испытывает огромные нагрузки. Только для одного биения при родовых потугах оно расходует такую же энергию, какая требуется, чтобы поднять на метровую высоту груз в полтора килограмма. А каждая потуга длится сорок секунд, за этот срок приходится «поднять» тяжесть в 360 килограммов. Сегодня у многих пациенток Розенфельд выясняются с помощью специально приспособленных велоэргометров потенциальные возможности организма. Сроки рожать у больной женщины еще не подошли, а врачи уже точно знают, каковы ее силы, и в зависимости от этого строят акушерскую тактику.

На тему об особенностях обезболивания при операциях у беременных с пороками сердца защитила кандидатскую диссертацию врач-анестезиолог отделения Н. Н. Панкратова; медицинским показаниям для некоторых операций на больном сердце во время беременности посвящена диссертация ординатора С. Г. Белинской и т. д. Всего же с 1963 года на кафедре профессора Л. В. Ваниной защищено три докторские и 21 кандидатская диссертации. Еще над четырьмя докторскими сейчас идет работа.

Основные удары по сердцам будущих матерей наносит, как известно, ревматизм, чаще всего поражающий сердечные клапаны. Специалисты доказывают, что беременность обостряет ревматический процесс, другие, наоборот, считают, что она его облегчает. Ванина со своими коллегами открыла секрет таких расхождений: исследователи вели свои наблюдения в разные сроки беременности, для ревматизма же характерно волнообразное течение. Обостряется он в строго определенные периоды, и зависит это, как выяснилось, от содержания в организме женщины гормонов коры надпочечников. Под влиянием же стрессовых реакций их уровень то в 10—20 раз повышается, то резко падает. Не ясно ли, что, вмешиваясь в эти процессы, можно выгодно изменять «болезненный график»?

Примерно у 60 процентов женщин с приобретенными пороками сердца врачи определяют митральный стеноз — резкое сужение отверстия между левыми предсердием и желудочком. Кто-то метко сравнил этих больных с канатоходцами — их жизнь сохраняется на узкой кромке, и небольшой толчок может привести к катастрофе. Недуг этот всегда считался несовместимым с родами. Но... всесилен извечный инстинкт материнства, нередко он перечеркивает самые строгие врачебные запреты.

Что делать акушеру, когда к нему поступает такая больная? Вроде бы ясно: искусственно прервать беременность и передать свою пациентку в кардиохирургическое отделение для неотложной операции. Но можно ли врачу отмахнуться от недвусмысленного опыта: кесарево сечение в таких случаях не менее опасно, чем радикальное вмешательство на сердце. Так, может быть, разумнее сначала исправить больной клапан, а потом бережно провести роды и таким образом спасти сразу две жизни — матери и плода, осчастливить еще одну семью?

— Сколько раз,— говорит Ванина,— возвращались мы к этому ребусу, пытались разгадать его, решить проблему теоретически. Но перед нами были не клеточки на бумаге, а судьбы людей...

Собеседница протягивает мне фотографию: молодая женщина с тяжелой, собранной в пучок косой держит на руках двух упитанных малышей. На обороте фотографии лаконичная надпись: «Больная Серпилова Анастасия, перенесшая митральную комиссуротомию, родила двойню».

Анастасия Серпилова не одинока. ■

ходе отчаянной борьбы за спасение таких больных — они уже исчисляются сотнями — появились и новые знания. Неожиданно для себя врачи обратили внимание на такой факт: отдаленные результаты операций по поводу сужения предсердно-желудочкового отверстия, произведенных во время самой беременности, лучше тех, что осуществлялись до или после нее. Не ошибка ли? Нет, так и есть. Под влиянием беременности сращения створок клапана становятся более мягкими, податливыми, их гораздо легче разъединять. Отобранный плодом кальций делает больной клапан менее хрупким, позволяет лучше на нем оперировать.

На проходившем в Москве VII Международном конгрессе акушеров-гинекологов делегатам показали 70 научных кинофильмов. Один из них, просмотренный всеми с особым вниманием, запечатлел ценнейший опыт ведения беременности у женщин с митральным стенозом сердца. Замечательный фильм был снят в родильном доме, где работает профессор Ванина.

Долго считалось, что наиболее распространенное препятствие материнству — не врожденные пороки сердца, а приобретенные женщиной уже в процессе ее жизни. Между тем подсчеты показали, что ежедневно в мире рождаются около двух тысяч детей именно с врожденными аномалиями сердца. Такое потомство в 10 раз чаще появляется у больных матерей. Виновата, следовательно, наследственность? Исследования, однако, не подтвердили такой гипотезы. Тогда акушеры взяли «под подозрение» другие, способные повредить здоровью факторы: гормоны, вирусы, отдельные лекарства, дефицит кислорода. Пока не было ясности, в чем причина, большинство специалистов настаивали на строгом запрете беременности и родов при всех врожденных пороках сердца.

— За 10 лет,— говорит Л. В. Ванина,— мы наблюдали более 350 беременных с разными формами врожденных сердечных нарушений и не можем согласиться с тем, что материнство при них — запретная мечта. При ряде таких нарушений благополучные роды возможны.

Собеседница делает паузу и с грустной улыбкой продолжает:

— Однако нередко и сегодня мы все-таки слышим: «Зачем все это? Какое потомство оставит после себя больная женщина? Стоит ли плодить сирот?» Мы, конечно, тоже мучительно задумываемся над этими острыми вопросами, трудно даже сказать, через сколько сомнений, угрызений совести, тревог и волнений пришлось нам пройти на трудном и далеко не всеми одобряемом пути. Ответы мы искали не только в книгах и на теоретических диспутах, но и в гуще самой жизни. А она убеждает: женщины-«сердечницы» обретают в родах ни с чем не сравнимое человеческое счастье, становятся прекрасными матерями, всецело отдают себя служению детям. А малыши, представьте себе, хорошо растут и, появившись на свет даже маловесными, уверенно догоняют своих более благополучных сверстников.

Лидия Васильевна достает из ящика несколько объемистых пакетов. Передо мной ворох детских фотографий, калейдоскоп детских лиц — застенчивых, задорных, пугливых, лукавых, коротко стриженных, с косичками и пышными бантами. Милое, беззащитное цветение детства, тепло и радостно становится от него на душе.

Дав мне время вдоволь налюбоваться фотографиями, Лидия Васильевна строго говорит:

— Это наши «незаконнорожденные». По всем медицинским канонам они не должны были появиться на свет из-за тяжелой болезни матерей, однако же появились...— голос ее взволнованно вздрагивает,— живут, растут, приносят радость родителям. Это ведь найденные дети...

Лучшее доказательство верности новой идеи — степень совпадения ее с генеральной линией прогресса: вписывается ли она в русло поступательного движения науки и практики, или выпадает из него, «бьет» на сторону? Принципы, которые более четверти века с такой отвагой и страстностью отстаивает профессор Л. В. Ванина со своими единомышленниками, выдержали эту объективную проверку. Начатое ими гуманное дело непрестанно обогащается и крепнет в творческих контактах с тем новым, что совершается сегодня на переднем рубеже медицины.

...У москвички Б. врожденный порок сердца так называемого синего типа. При родах этот недуг заведомо ведет к острейшему кислородному голоданию организма. Но женщина решила испытать судьбу: а вдруг обойдется? «Вдруг» не получилось. Недуг, как и положено, проявил себя в критический момент, когда подошли сроки родов. Женщина оказалась на краю гибели из-за острого дефицита кислорода и отказа организма обычными путями получать и усваивать этот живительный газ.

В кабинете Лидии Васильевны собрались ее ближайшие сотрудники по кафедре — Любовь Михайловна Смирнова, Нина Ефимовна Кретова, Светлана Серафимовна Павлова. Пришли и работники больницы — Александр Львович Бейлин, заведующая отделением патологии беременных Любовь Исидоровна Розенфельд.

— Что будем делать? — ни к кому в отдельности не обращаясь, спросила Ванина.— Может быть... использовать барокамеру? В акушерской практике это впервые, потому решила посоветоваться с вами...— Она обвела всех взглядом, прочитала на лицах согласие и набрала номер телефона директора Института сердечно-сосудистой хирургии академика АМН СССР В. И. Бураковского. Ответ его слышали все: «Везите больную!»

Дальнейшие события развивались с кинематографической быстротой. В 11 часов больную доставили в бароoперационную. Анестезиологи усыпили женщину. Манометры показали: давление в камере две атмосферы. В 13 часов 25 минут начались роды. Акушеры бережно приняли новорожденного — мальчика. Но вскоре состояние матери резко ухудшилось — началось массивное кровотечение. Давление в барокамере повысили еще на пол-атмосферы, и в борьбу за жизнь вступил акушер-хирург. В 15 часов мать и младенца бережно отвезли в послеоперационную палату.

Никто, нигде, никогда в прошлом не принимал осложненные роды под повышенным давлением. А наши пытливые и смелые акушеры при крайних обстоятельствах решились на такую меру. Это не было ни божьим наитием, ни слепой догадкой, ни судорожным стремлением ухватиться за последнюю соломинку. Они давно приглядывались, изучали методику нагнетания кислорода в кровь под повышенным давлением. А. Л. Бейлин начал писать на эту тему докторскую диссертацию.

Случай с москвичкой Б. послужил началом. С тех пор уже более пятидесяти маленьких граждан вступили в жизнь, подобно космонавтам — с перегрузками, под повышенным давлением. Чем только не болели их матери: тромбоэмболия легочной артерии, легочная гипертония, дефекты межжелудочковой и межпредсердной перегородок, комплекс Эйзенменгера, синдром Лютамбаше, тетрада Фалло — у какого кардиолога не захватит дух при этом перечне тяжелейших диагнозов! В барокамере рожали женщины с одним и даже с двумя искусственными клапанами сердца.

Возможности нового метода лучше всего проверяются в крайних, экстремальных ситуациях. И такой случай представился. Не столь давно в отделение доставили больную с инфарктом миокарда, который настиг женщину уже во время беременности. Через четыре дня произошел ничем, казалось бы, не спровоцированный вторичный инфаркт межжелудочковой перегородки. Даже самым опытным, видавшим виды акушерам с подобным еще не приходилось сталкиваться!.. Выдержит ли организм два тяжелейших испытания да еще надвигающиеся роды? На борьбу с опасностью было брошено всё, спасительные действия расписали на десять ходов вперед. Институт клинической и экспериментальной хирургии (директор академик Б. В. Петровский) выделил большую барооперационную с бригадой опытных инженеров и техников. И все обошлось хорошо. В семье двух москвичей растет ныне ребенок с удивительной, редкой биографией.

— Это по всем статьям и наш сын! — улыбается Лидия Васильевна и добавляет: — Недавно мы проанализировали данные за ряд лет. Знаете, каков итог? Женщины с больными сердцами справились у нас с беременностью и родами не хуже, а по некоторым показателям даже лучше, чем здоровые в среднем по Москве и по республике. Детишки тоже радуют — в жизнь приходят здоровые люди. «Милостивый» бог грозил, согласно библейскому преданию, умножить скорбь женщин в беременности, мы же силой науки и опыта несем им не скорбь, а несравненную радость, высшее счастье материнства...

Собеседница увлеченно говорит о медицинских показателях, а я думаю о ней самой, о плеяде ее сотрудников, о замечательном человеческом факторе, который столь зримо присутствует во всех этих успехах. О благородной, святой одержимости людей, чей труд — умный, отважный, одухотворенный — дает прекрасные результаты, возвышает и восславляет женщину-мать, любовь которой, по словам М. Горького, не знает преград.

ИЗ КОЛЫБЕЛИ — В БАССЕЙН

В последнее время я нередко слышу о маленьких, едва ли не новорожденных пловцах. Расскажите об этом, и если есть возможность, покажите их снимки. Думаю, это будет интересно не только мне одной.

Р. Зверкова

г. Калуга

Н. КРЮКОВА
Фото В. Шустова.

Это было удивительное зрелище. Голый малыш уверенно взбирался по каменной лестнице. Один пролет, другой, третий... Вот он подошел к краю площадки, чуть потоптался на месте, как бы примеряясь, и вдруг прыгнул с трехметровой вышки — ногами вниз, руки откинуты, будто птица в полете.

Смуглое тельце, мелькнув на фоне неба, с головой ушло под воду. Несколько томительно долгих секунд — и мокрая головка появилась наконец на поверхности, быстро-быстро устремилась вперед. Маленький пловец нырял, резвился в воде, словно дельфиненок, до той поры, пока не устал. Мама завернула его с ручонками в махровое полотенце и пустила гулять по кафельному полу — отдыхай.

Прямо на меня двигалось живое полотенце с торчащими в разные стороны клоками русых волос и неправдоподобно красными щеками.

— Как себя чувствуешь, малыш? — «Полотенце» остановилось, вскинуло длинные, еще не обсохшие ресницы:

— Нормально, — прокартавил ребенок и пошлепал мимо босыми ногами.

Коле Жолусу два года. Среди «дельфинят» он самый старший. С другими представителями необычной команды,

которую тренирует Игорь Чарковский сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института физической культуры, не разговоришься. В контакт с ними можно войти, причмокивая губами и агукая. И то поймет тебя не каждый. Эти пловцы еще не вышли из пеленочного возраста, а уже держатся самостоятельно на воде, передвигаются в разные стороны по зеленоватой поверхности бассейна; погруженные в воду, как мячики, самостоятельно всплывают наверх.

Представьте себе: сидит ребенок с головой под водой, смотрит во все глаза, сосет соску и складывает пирамидку из кубиков. Так продолжается 30 секунд, минуту, а то и больше.

Малыши плавают... Сегодня этим уже не удивишь. По неполным данным Международной федерации плавания (ФИНА), таких младенцев насчитывается уже 7—8 миллионов. В Москве для обучения младенцев предоставлены бассейны некоторых районных детских поликлиник.

— Хотите посмотреть, как это делается? — обращается ко мне Игорь Чарковский. Мы стоим у стеклянного аквариума. Игорь берет раздетых ребятишек из материнских рук и опускает под воду — одного за другим, словно выпускает на свободу рыбок. В тишине зала я только слышу, как булькает внутри стеклянного сосуда. Ни один и пикнуть не успеет.

— Видите, все происходит очень просто. Надо уловить момент, когда малыш начнет делать выдох. При погружении он перестает выдыхать, рефлекторно затаив дыхание. Обратите внимание — дети еще не ведают чувства страха перед водной стихией и потому плавают совершенно спокойно. Одновременно я приучаю их задерживать дыхание сначала на считанные секунды, а потом уже на десятки секунд. Лучше всего начинать такие тренировки как можно раньше. По моему мнению, все живое на земле может жить на свете значительно дольше, чем сейчас, человек может использовать далеко не раскрытые резервы организма — интеллектуальные и физические, приумножить способности, заложенные природой. И поможет людям в этом вода.

Начал Чарковский с эксперимента. Его подопечные — куры, свиньи, кошки, птицы, обезьяны чувствовали себя в воде не хуже, чем утки и собаки: ныряли, добывали пищу, выводили своих детенышей погулять по водной глади. Детеныши подрастали, заводили потомство, те, плавая, продолжали свой род и оказывались более ловкими, крепкими, приспособленными к жизненным превратностям, чем их сухопутные собратья.

Студент Московского института физической культуры Чарковский работал спасателем-водолазом в бассейне, когда жизнь сама предоставила случай, ускоривший необходимость переходить от эксперимента к практике. Первой испытала на себе благодатное воздействие воды дочь Игоря Чарковского. Случилось это в 1962 году, за два года до того, как во многих газетах промелькнула сенсация, удивившая мир, — сообщение о том, что австралийские тренеры супруги Тиммерманс научили плавать свою 4-месячную дочь.

Вета Чарковская родилась недоношенной — всего 1600 граммов. Слабый, хилый ребенок плохо развивался. В один прекрасный день Игорь взял девочку в бассейн и погрузил ее в воду. Малышка держалась на поверхности и, судя по всему, не испытывала неудобств. Ей было хорошо. С той поры плавание стало для Веты естественным образом жизни, она почти не знает простуд, занимается многими видами спорта, успешно закончила десятилетку.

У Веты появились последователи, которым вода также помогла избавиться от многих недугов. Дочь супругов Приваловых стала обладательницей разрядов по многим видам спорта благодаря плаванию. Избавилась от постоянных недомоганий девочка в семье Скрипалевых, родившаяся слабой, недоразвитой.

Присутствуя на занятиях Чарковского, я видела, какое благодатное влияние оказывает на маленьких пловцов общение с водой. Новорожденных погружают в воду — снимаются капризы, тот, кто наплавался всласть, спит богатырским сном. Плавающие младенцы начинают раньше ходить. Почти все родители, с кем мне приходилось беседовать, с большим энтузиазмом отмечали, что их ребенок почти не болеет, нормально переносит холод, слякоть, перемены погоды, общителен.

Мнение родителей, конечно, может оказаться субъективным. Но есть наблюдения специалистов главного управления здравоохранения в Москве. По их данным, в минувшем году из каждых ста младенцев, осваивающих водную стихию в бассейнах детских поликлиник, в течение года болели 10 и то легкой простудой, а из числа тех, кто не занимался плаванием, — 82...

Я беседовала на одном из занятий Игоря Чарковского с доктором медицинских наук, профессором Ильей Аркадьевичем Аршавским, который возглавляет лабораторию возрастной физиологии Института нормальной физиологии. Под его руководством защищены десятки диссертаций и написаны сотни книг, посвященных закономерностям индивидуального развития организма. И. А. Аршавского я застала в момент наблюдений за Колей Жолусом, резвившимся в воде. К телу ребенка были прикреплены датчики измерительной аппаратуры. Профессор по знакам самописца, медленно движущегося по ленте, определял состояние сердца, дыхательной системы ребенка.

— Отлично, настоящий богатырь. По всем параметрам Коля значительно превосходит своих сверстников. Знаете, это потенциальный долгожитель, потому что те движения, которые совершает он в воде, приучают ребенка к активному образу жизни. Чем больше затраты жизненной энергии, тем надежнее и устойчивее организм приспосабливается к воздействиям среды. Плавание для малышей — прекрасная возможность для активного развития. В движении мышц великий смысл, оно дарует человеку саму жизнь, дает ему возможность активно строить тело, мозг.

В доме, где воспитывается Коля, не услышишь слов ««не беги — упадешь», «осторожнее», «не плачь». Его отец Сергей Жолус, инженер и инструктор подводного плавания, соорудил в квартире несколько спортивных снарядов. Можно качаться, подтягиваться, кувыркаться. Осваивать их Коля тоже начал почти с пеленок. Он самостоятелен, поражает крепостью мышц, подвижностью, ловкостью, координацией движений и, уже можно сказать, сообразительностью. Мама Коли — Ольга Жолус, студентка Института физической культуры, мастер спорта по плаванию, решила и младшую — 9-месячную дочь воспитывать в том же духе. Сестра повторяет успехи брата.

В тот момент, когда писались эти строки, Игорь Чарковский выехал со своей группой мини-пловцов и их родителями в поселок под Новороссийском, где находится дельфинарий. Пришли первые вести: Коля Жолус дружит с дельфинами, вместе с ними плавает, кормит их из рук, 9-месячный сын Чарковского Костя тоже хорошо держится на воде, сообразил, что можно на волне качаться, при первой возможности переворачивается на спину и чувствует себя на морских волнах не хуже, чем в колыбели.

Религия, церковь, верующий

ТАЙНЫЕ ПИСАНИЯ ПЕРВЫХ ХРИСТИАН

И. СВЕНЦИЦКАЯ,
доктор исторических наук

Апокрифические сказания о детстве Иисуса и евангельских персонажах

Ранние евангелия (и канонические и апокрифические) больше внимания уделяли проповедям Иисуса, чем его биографии. В частности, в новозаветных произведениях нет сколько-нибудь подробного рассказа о детстве Иисуса. Это и понятно: о подробностях жизни своего учителя авторы евангелий знали очень мало, конкретные события в их сочинениях служат всего лишь фоном для тех или иных высказываний Иисуса. Только «страсти» Иисуса и его воскресение обрисованы достаточно подробно: ведь это имело первостепенное значение для доказательства того, что именно Иисус и был спаситель — мессия.

Во II—III веках исповедовавшие христианство греки, италики, галлы, сирийцы стали наделять нового бога чертами своих древних, языческих богов, которые, согласно мифам, обладали сверхъестественными способностями с самого рождения. О древнегреческом боге Гермесе, покровителе ремесел и торговли, рассказывалось, что сразу же после рождения он показал свою ловкость: украл трезубец у Посейдона, лук и стрелы — у Аполлона. Герой греческих мифов Геракл еще в пеленках задушил двух огромных змей...

Со второй половины II века начали создаваться апокрифы, которые призваны были восполнить пробелы прежних жизнеописаний Иисуса. К таким апокрифам относятся различные сказания о его детстве. Строго говоря, их нельзя назвать евангелиями: там нет изложения учения Иисуса Христа, религиозных догматов или этических правил. Это скорее мифы, сказки, где описания чудес сочетаются с отдельными вполне реальными бытовыми картинами (например, игры детей того времени, занятия в школе и т. п.).

ЕВАНГЕЛИЕ ДЕТСТВА

Одно из таких сказаний о детстве Иисуса дошло до нас полностью. Автор его называет себя Фомой, как и автор хенобоскионского евангелия, но ничего общего между этими двумя произведениями нет. Полное название апокрифа: «Сказание Фомы, израильского философа, о детстве Христа» (в научной литературе его часто называют Евангелием детства). Оно представляет собой рассказ о чудесах, совершенных Иисусом в возрасте от пяти до 12 лет. Сказание это мало связано с раннехристианской традицией (кроме разве что имен действующих лиц); это вольная переработка разных народных сказок и мифов. Язык сказания близок к фольклору.

Главная задача сказания о детстве Иисуса — представить его всемогущим с самого рождения, причем он выступает здесь отнюдь не как кроткий, милосердный спаситель. Подобно древним языческим божествам, Иисус в рассказе Фомы бывает и мстительным, и жестоким, и капризным. Однажды в субботу он играл с другими детьми на берегу реки. Он вырыл ямки, налил в них воду и стал лепить из глины птичек. Один из проходивших мимо иудеев воскликнул сердито: «Зачем ты делаешь в субботу то, что не положено?»

Иисус хлопнул в ладоши и закричал: «Летите!» Птицы полетели. Но на этом чудеса не закончились. Один из мальчиков разбрызгал воду из ямок. Маленький Иисус в гневе сказал: «Ты высохнешь, как дерево, и не принесешь ни листьев, ни корня, ни плодов». Мальчик сразу высох.

В другом эпизоде рассказывается, как Иисус шел по деревне. К нему подбежал мальчик и ударил его. Иисус сказал: «Ты не двинешься дальше». И мальчик упал мертвым.

Родители погибших детей пошли жаловаться Иосифу. Когда он стал выговаривать сыну за содеянное, тот ответил: «Ради тебя я буду молчать, но они должны понести наказание». Те, кто жаловался на него, ослепли.

В этом же сказании будущий спаситель воскресил мальчика, упавшего с крыши. Но сделал это не из жалости, а потому, что его родители обвинили Иисуса в том, что это он столкнул мальчика. Иисус заставил воскресшего ребенка засвидетельствовать, что тот упал случайно.

Своенравие и жестокость, согласно сказанию Фомы, Иисус проявлял и в годы учебы. Отец пригласил к нему учителя, который начал показывать ему буквы греческого алфавита. Но Иисус не хотел заниматься: он упорно не желал отвечать на вопросы учителя. Наконец сам задал вопрос: «А что такое альфа (название первой буквы греческого алфавита)? Разъясни мне значение альфы, а я разъясню тебе значение беты (вторая буква греческого алфавита)». Учитель, рассердившись, ударил Иисуса по голове. Тогда мальчик проклял его, и учитель упал мертвым.

Конечно, все эти акты жестокости не вяжутся с образом спасителя человечества, провозгласившего: «Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго мое благо, и бремя (вариант — господство) мое легко» (Евангелие от Матфея, гл. 11, ст. 29—30). Но для автора сказания о детстве Иисуса жестокость богов казалась естественной и неизбежной: сколько греческих мифов повествовало о наказании богами людей, осмелившихся противоречить им или равнять себя с ними. Достаточно вспомнить миф о Ниобе, жене фиванского царя. У нее было 14 детей, и она, возгордившись, посмела сравнить себя с Латоной — матерью Аполлона и Артемиды. В наказание за дерзость Аполлон и Артемида убили всех ее детей.

Те же черты жестокости перенесли на образ Христа бывшие почитатели античных божеств. Таков был противоречивый путь христианства: привлекая к себе новых людей обещанием спасения с помощью милосердного спасителя, отдавшего свою жизнь ради искупления грехов человечества, эта религия впитывала в себя весь тот груз суеверий, представлений, привычек, которые неофиты приносили с собой. Образ милосердного божества не соответствовал суровой действительности. И многие новообращенные верующие наделяли своего нового бога теми же качествами, какими обладали их старые божества.

Автор сказания несколько смягчил жестокость юного бога: когда второй учитель признал Иисуса исполненным великой благодати и мудрости, тот рассмеялся и сказал, что ради него, понявшего божественную природу своего ученика, будет исцелен и тот первый... В то же время этот эпизод говорил о необходимости безоговорочного поклонения ребенку-божеству всех, кто его окружает.

Приведенные эпизоды интересны и тем, что указывают на среду, в которой создавалось Евангелие детства: по-видимому, это были грекоязычные жители империи, далекие от реальных условий Палестины I века. Мистическое значение букв греческого алфавита, о котором говорит Иисус, наводит на мысль о влиянии на сказание гностических трактатов. Составитель сказания (возможно, он объединил какие-то уже

Окончание: см. № 1 и 2 за 1980 г.

существовавшие предания и легенды) мог читать эти трактаты и перенести в свое произведение представление о скрытом знании, доступном Иисусу, но недоступном простому смертному.

Не занимаясь с учителями, Иисус тем не менее проявлял невероятную ученость. Когда ему было 12 лет, родители взяли его с собой в Иерусалим. Он не вернулся с ними домой, а отправился в храм и стал там разъяснять «учителям народа и старшинам» (у автора не было, по-видимому, вполне ясного представления, что это за учителя и старшины) законы иудейской религии. В основе этого эпизода лежит рассказ Евангелия от Луки о том, как 12-летний Иисус отстал от родителей и они «нашли его в храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их» (гл. 2, ст. 46). По словам евангелиста, все дивились разуму его. Автор сказания о детстве значительно приукрасил этот эпизод: Иисус не слушает учителей и не беседует с ними, а поучает их. «Учителя народа и старшины» не просто дивятся «его разуму», а говорят пришедшей за Иисусом матери: «Такой славы, такой доблести и мудрости мы никогда не видели и никогда о ней не слышали!»

Автора этого сказания не интересует вопрос о том, почему потом те же руководители иудеев будут испытывать к Иисусу злобу и ненависть. И не потому, что автор не знал распространенных христианских рассказов о преследовании Иисуса иудейскими жрецами и старшинами, а потому, что, как и многие другие авторы евангелий, он меньше всего думал о достоверности и логике повествования. Это предание отвечало его представлениям об образе Иисуса, и он стремился передать, внушить эти представления другим верующим.

Сказание Фомы о детстве Иисуса представляет собой своеобразную смесь народных преданий и сказок с вульгаризованным учением гностиков об истинном знании, которое логос помогает открыть людям и которое нельзя постичь обычным путем. Но как «перевернута» в этом произведении философия гностиков! Непостижимость Иисуса, его обладание «истинным знанием» делают его грозным божеством и снова вносят в сердца людей страх и неуверенность, от которых стремился освободить своих единомышленников автор Евангелия истины.

СКАЗАНИЯ О МАРИИ

Первые христиане уделяли матери Христа очень мало внимания. Иудео-христиане, учившие, что святой дух снизошел на человека Иисуса во время крещения, считали его мать обыкновенной женщиной, женой плотника Иосифа.

В Новом завете Мария тоже не занимает сколько-нибудь важного места. В самом раннем из канонических евангелий — Евангелии от Марка — нет описания рождения Иисуса. Рассказ начинается с прихода Иисуса из Галилеи и крещения его Иоанном. Поскольку автор этого евангелия не интересуется рождением Иисуса, и о его матери упоминается там вскользь.

В евангелиях от Матфея и от Луки приводятся списки предков отца Иисуса — Иосифа: его род возводится к царю Давиду. Появление этих генеалогий, отличных одна от другой, было связано с устной традицией, считавшей, что Иисус принадлежит к роду Давида, из которого, согласно иудейским верованиям, и должен происходить помазанник божий — мессия. Когда формировались легенды о предках Иосифа, он сам, естественно, должен был считаться родным отцом Иисуса и, следовательно, никаких особых заслуг Марии не приписывалось. Однако в тех же евангелиях отражена и начавшая складываться в период их создания легенда о непорочном зачатии Марией сына от духа святого.

В связи с появлением этой легенды в христианской традиции начинает выделяться образ матери Иисуса. В первом евангелии рассказ о непорочном зачатии менее подробен, чем в третьем. В Евангелие от Луки вводится описание благовещения: к Марии явился ангел и объявил, что она зачнет от духа святого. Но о дальнейшей жизни Марии в период проповеднической деятельности Иисуса, во время суда над ним и после его казни, в первых трех евангелиях Нового завета ничего не сказано: мать Иисуса даже не названа среди присутствовавших при распятии. Только в Евангелии от Иоанна Мария оказывается у креста и сын поручает ее своему любимому ученику (Иоанну, от имени которого написано четвертое евангелие). В Деяниях апостолов мать Иисуса упомянута пребывающей в молитве после его вознесения вместе с учениками и братьями его (гл. 1, ст. 14).

Вот и все сведения о Марии, содержащиеся в каноне. Такое отношение к ней не случайно: в проповедях ранних христиан звучали призывы отречься от родных, заменить братство по крови братством во вере. Достаточно вспомнить эпизод, приведенный в первых трех евангелиях. Когда Иисусу сказали, что мать и братья зовут его, он ответил: «Кто матерь моя и братья мои? И обозрев сидящих вокруг себя, говорит: вот матерь моя и братья мои...» (Евангелие от Марка, гл. 3, ст. 33—34; от Матфея, гл. 12, ст. 48—49; от Луки, гл. 8, ст. 19). Аналогичное речение содержится и в хенобоскионском Евангелии Фомы.

Отсутствие ясных сведений в раннехристианской традиции о матери Иисуса привело к тому, что противники нового учения, прежде всего из иудеев, распространяли свою версию ее биографии. Эта версия приведена у античного критика христианства Цельса, который пишет: Мария была пряхой, родившей сына от беглого римского солдата. Такой рассказ ставил своей целью скомпрометировать и Марию, и ее незаконного сына. Были ли для этого какие-нибудь исторические основания, мы сейчас сказать не можем.

Невзирая на скудость сведений о матери Христа в Новом завете, церковь установила целый ряд праздников в память о ней: рождество богородицы, введение Марии во храм, успение. Все эти данные из ее жизни почерпнуты не из канонических, а из апокрифических, то есть не признанных официально священными, произведений.

Франсиско де Сурбаран. Детство богоматери (1630—1632 гг.).

Тинторетто. Введение во храм. Фрагмент (около 1555 г.). Венеция.

Гуго ван дер Гус. Смерть Марии (после 1478 г.). Музей в г. Брюгге.

Ариольфо ди Камбио. Оплакивание Иоанном Марии (около 1300 г.). Скульптурная группа для собора Санта Мария дель Фьоре во Флоренции.

В конце II века, когда появились сказания, повествующие о детстве Иисуса, начали распространяться также и различные фантастические рассказы о его матери. Как и Иисус, мать его с самого рождения рисовалась существом необыкновенным. Тяга к сверхъестественному, традиция почитания женских божеств, уходящая в глубокую древность, сказались на формировании образа богородицы. В сказаниях о Марии, появившихся как дополнения к ранним евангелиям, прежде всего описывались ее детские и девичьи годы. Она представлена с самого начала как «избранница божья».

Наиболее подробный рассказ о детстве богоматери содержится в так называемом Евангелии Иакова, или Истории Иакова о рождении Марии. В этом сказании она происходит из рода Давида. Тем самым автор пытался снять ощущавшееся самими христианами противоречие между верой в непорочное зачатие и верой в происхождение Иисуса от потомков царя Давида, соединить две различные и разновременные традиции.

Евангелие (иногда в научной литературе его называют «протоевангелие») Иакова начинается с описания того, как будущие родители Марии — престарелые Иоаким и Анна скорбят о своей бездетности. Затем Иоаким удаляется в пустыню пасти стада, а жена его молит бога дать ей ребенка. Появляется ангел, возвещающий, что у Анны родится дочь. Родители дают обет посвятить ее богу. Когда Марии исполнилось три года, Иоаким во исполнение обета отвел ее в Иерусалимский храм на воспитание. На этом эпизоде и основан праздник введения во храм. Находясь в храме, девочка не питалась обычной пищей: ангелы приносили ей пищу небесную.

Здесь, как и в сказании о детстве Иисуса, мы видим переплетение отголосков гностических учений с древними языческими верованиями: виднейший идеолог гностического христианства Валентин писал о том, что Иисус «ел и пил особым образом». Вспомним: боги древнегреческих мифов тоже пили особый напиток — нектар — и питались особой пищей — амброзией. Таким образом низведенные с философских высот доктрины гностиков переосмысливались в традиционно-сказочном духе и давали основу для создания новых фантастических деталей.

Когда Марии исполнилось 12 лет, жрецы храма по повелению ангела созывают стариков вдовцов, чтобы выбрать среди них хранителя (опекуна) Марии. Из посоха, с которым пришел плотник Иосиф, вылетел голубь и сел ему на голову. По этому знаку Марию и вручили Иосифу, чтобы тот охранял ее девственность.

Далее в Евангелии Иакова рассказывается о том, как Иосиф обнаружил, что Мария беременна, как ее вызвали в храм и заставили пройти испытание «водою ревности». Это был древний обычай, восходивший еще к первобытным временам: людям, подозревавшимся в прелюбодеянии, давали пить воду, смешанную с грязью. Если они безболезненно проглатывали эту жижу, то объявлялись невиновными. Естественно, в сказании Иакова Иосиф и Мария легко проходят это испытание.

Заканчивается сказание описанием рождения Иисуса. В основу его положены соответствующие места из евангелий от Матфея и от Луки, но с некоторыми добавлениями. Введен еще один персонаж: к только что родившей Марии приходит женщина по имени Саломея, которая сама хочет удостовериться в ее девственности. В наказание за неверие у женщины отсыхает рука... Появляются ангелы, приказывают раскаявшейся Саломее коснуться новорожденного. Она берет его на руки и тут же исцеляется.

Саломея встречается и в Евангелии от Марка в числе женщин, присутствовавших при казни Иисуса и первыми пришедших к гробу Христа (гл. 15, ст. 40; 16, 1). Этот персонаж упоминается и в гностических произведениях: согласно хенобоскионскому Евангелию Фомы она объявила себя ученицей Иисуса.

Оба эти евангелия — Фомы о детстве Иисуса и Иакова о детстве и юности Марии — представляют собой удивительное смешение разных христианских идей, учений, преданий, равно как и привнесенных в христианство представлений о древних, главным образом античных божествах. Создание этих евангелий во второй половине II века показывает, что многим рядовым верующим были чужды догматические споры гностического и ортодоксального направлений. Эти люди читали и почитали священные книги, созданные различными, часто враждебными друг другу теоретиками и богословами, посвоему осмысляли и приспосабливали их к своему восприятию христианства.

Популярность «Истории Иакова о рождении Марии» подтверждается тем, что она дошла до нас на греческом и сирийском языках. Кроме того, существовала эфиопская, армянская, коптская, арабская и славянская переработка ее. Церковь не признала это сказание каноническим: оно было написано явно позже четырех евангелий Нового завета и слишком вольно передавало рассказ о рождении Иисуса. Но оно не вошло в состав «отрешенных», то есть категорически запрещенных книг. Церковь не препятствовала его распространению, как и распространению сказания Фомы о детстве Иисуса.

В сказании Иакова Мария — избранница божья, благочестивая и целомудренная, но она еще не воспринимается как божество. О конце ее жизни ни здесь, ни в других произведениях — вплоть до конца IV века — не было ничего сказано. Мария еще не вошла в систему христианских догматов. Но чем шире распространялось христианство, чем больше оно включало в себя обычаев и верований, тем сильнее проявлялись «божественные» черты матери Иисуса.

Вряд ли в Римской империи можно было найти область, где в той или иной форме не почиталось бы женское божество — богиня-мать, богиня плодородия. В Греции это была Деметра, в Малой Азии — Кибела, в Египте — Исида. Потребность в женском божестве, стремление к поклонению матери, защитнице и помощнице, сохранялись и у людей, перешедших от почитания Исиды или Деметры к почитанию Иисуса. И, вероятно, чем меньше человеческих черт оставалось в образе Иисуса, чем больше он превращался в недоступного, даже грозного бога, тем острее становилось это стремление. Мария в представлениях верующих сливалась с могущественными древними «матерями богов».

Обожествление матери Иисуса происходило постепенно и довольно медленно. Еще в IV веке между отдельными группами христиан шли споры о том, как относиться к культу девы Марии. Епископ кипрский Епифаний, живший в середине IV века, в сочинении «Панарион» осуждал тех почитателей Марии, которые «стараются ставить ее вместо бога и говорят о ней, увлеченные каким-то безумием и умоповреждением». Выражая мнение ряда церковных руководителей, епископ писал, что Мария не должна быть предметом поклонения: «В чести да будет Мария, но поклоняться должно отцу и сыну и святому духу». В доказательство того, что она — не основное лицо в христианском культе, Епифаний ссылался на отсутствие в священном писании сведений о смерти и погребении Марии.

Только в конце IV века появилось сочинение анонимного автора «Об успении Марии». В этом своего рода «житии», связанном в жанровом отношении с последующими «житиями святых», рассказывается о последних годах жизни матери Иисуса, ее смерти и вознесении на небо. Имея возможность не следовать раннехристианской традиции (ее, как мы уже говорили, в отношении матери Иисуса почти не существовало), автор использовал разные предания, дав полную волю своему воображению.

Основываясь на беглом упоминании в Деяниях апостолов, автор рассказывает о том, что Мария некоторое время жила в Иерусалиме с Иоанном, которому, как мы помним, поручил ее Иисус перед смертью. Затем она переселилась в малоазийский город Ефес, где проповедовала христианство. Перед смертью она снова вернулась в Иерусалим. Смерть ее (по христианской терминологии — успение) сопровождалась в сказании различными чудесами. Иисус в окружении множества ангелов спустился на сверкающем облаке и принял ее душу. К моменту смерти Марии в Иерусалим прибыли все апостолы,

кроме Фомы. На третий день после ее смерти в Иерусалим пришел Фома и захотел посмотреть на умершую. Апостолы по его просьбе открыли гроб, но он оказался пуст. Вечером, когда ученики Иисуса обсуждали это событие, «отверзлись небеса» и там показалась Мария. Как и ее сын, она воскресла в своем человеческом облике.

Автор сказания использует факты из евангельских рассказов о воскресении Иисуса: гроб Иисуса также оказался пустым и он тоже явился во плоти своим ученикам. По-видимому, преданий о смерти Марии не существовало. Кроме того, такие повторения как бы ставили ее в один ряд с Иисусом, подчеркивая ее божественность.

В IV—V веках устанавливается культ Марии, ее начинают называть «богородицей» или «богоматерью» — выражения, восходящие к древним языческим богиням (например, «великая матерь богов» Кибела). Впервые Мария названа так в трудах епископа города Никомедии Евсевия — около середины IV века. Но окончательно она была признана богоматерью только в V веке — в 431 году, на соборе в городе Ефесе, созванном по решению императора Восточной Римской империи Феодосия II.

Не случайно культ богоматери прежде всего утверждается в восточных районах империи: на нее были перенесены многие черты и функции, которыми наделяли местные народы своих древних богинь-матерей. Центром почитания Марии стал малоазийский город Ефес, издавна прославленный своим храмом в честь богини Артемиды, воспринимавшейся там как богиня плодородия. А праздники в честь богородицы, введенные еще позднее, были приурочены к местным языческим торжествам: рождество богородицы впервые стали отмечать в VI веке, успение — с конца V века. Первый праздник был приурочен к началу нового года (на Востоке год начинался с сентября), успение богородицы совпадало с празднованием сирийскими крестьянами окончания уборки урожая.

Апокрифические сказания о Марии, пожалуй, наиболее ярко показывают тот путь, который прошли христианские верования за три века их существования. Вряд ли первые христиане, накликавшие кары на всех, кто почитает идолов, могли представить себе, что когда-нибудь их единомышленники будут поклоняться статуям богородицы и чтить ее как богиню. Таким образом, христианство не только впитало в себя наиболее стойкие древние религиозные представления, приспособило их к основным положениям своего учения, но и само приспособилось к ним. Отсутствие единого определенного учения, разнообразие борющихся друг с другом направлений, обилие священных книг — все это облегчало проникновение в христианскую религию элементов древних верований, создание новых легенд и мифов. Некоторые из этих мифов так и остались достоянием «тайных писаний», другие в той или иной степени были признаны официальной церковью и послужили основой многих христианских праздников.

СКАЗАНИЯ О ПОНТИИ ПИЛАТЕ

Если сказания о детстве Иисуса и о жизни его матери появились в результате взаимодействия с миром языческих представлений, то группа апокрифов, связанная с именем Понтия Пилата, говорит о другой стороне развития христианства: приспособлении его к существовавшему тогда общественному строю и государству.

Христос перед Пилатом. Резьба по дереву (XIV в.). Магдебургский собор.

Образ Пилата по-разному трактовался в новозаветных и апокрифических евангелиях начала II века, но в этих произведениях прокуратор Иудеи не играл основной роли. Главной задачей евангелий было описание «страстей» и воскресения Иисуса. Однако отношение к римскому наместнику было слишком важным вопросом в христианской пропаганде II—IV веков, чтобы можно было ограничиться рассказаным в ранних евангелиях.

Защищая свое учение перед императорами, а затем и подготовляя союз с ними, многие руководители христианских общин стремились снять всякую вину за смерть Иисуса с прокуратора, посланного в Иудею римским императором. Пассивность Пилата, отраженная в апокрифическом Евангелии Петра и отчасти в канонических евангелиях, этому не соответствовала. Кроме того, превращение Христа из иудейского мессии в мировое божество должно было породить в умах верующих представление о признании его римлянами — как и всеми, кто с ними общался (за исключением «ослепленных» иудеев).

В течение II—IV веков среди христиан получили распространение писания, которые ставили своей целью показать сочувствие Пилата Иисусу. К началу III века имело хождение не дошедшее до нас поддельное донесение прокуратора императору Тиберию. В нем описывался судебный процесс над Иисусом. Позднее было сфабриковано письмо Пилата императору Клавдию. Правда, Клавдий царствовал уже после того, как Пилат за свою жестокость был отрешен от должности, но создателей этого письма подлинная хронология не интересовала. Все донесение написано в христианском духе: Пилат коротко пересказывает религиозную легенду, называя Иисуса посланником бога, предсказанным пророками. Последнее кажется весьма любопытным: люди, жившие в условиях Римской империи, даже фанатично верующие христиане, не могли не знать, что прокуратор в своем донесении не мог ссылаться на авторитет библейских пророков, но такова была особенность их мышления. Авторы подобных писаний не стремились к достоверности, они утверждали то, что, с их точки зрения, должно было быть, а значит, по их логике, так и было.

Главная вина за казнь Иисуса, как и следовало ожидать, в этом письме возлагается на иудеев: «Иудеи видели, как он слепых делал зрячими, прокаженных — чистыми, как он врачевал расслабленных, изгонял из людей демонов, воскрешал даже мертвых, повелевал ветрами, шествовал сухими ногами по волнам морским и совершил много чудесных знамений (здесь дан перечень чудес Иисуса, которые упоминаются в четырех новозаветных евангелиях). И так как народ иудейский называл его сыном божьим, то возненавидели его иудейские первосвященники, схватили его и предали мне. Измышляя ложь на ложь, они сказали, что он волшебник и поступает против их закона»*.

Интересно отметить, что среди обвинений, возведенных на Иисуса согласно этому донесению, нет таких, которые затрагивали бы римлян. В частности, нет обвинения в том, что Иисус претендовал на роль «царя иудейского». Между тем, как сообщают новозаветные евангелия, на кресте была надпись, «означающая вину его: сей есть Иисус, царь иудейский» (Евангелие от Матфея, гл. 27, ст. 37; от Марка, гл. 15, ст. 26; от Иоанна, гл. 19, ст. 19). Эта деталь в письме была сознательно опущена, и весь конфликт сведен к ненависти к Иисусу первосвященников. Далее в письме сказано, что Пилат отдал Иисуса «на усмотрение» иудеев. Решение это не аргументировано; трудно было найти оправдание такому действию, но автор и не пытался это сде-

* Цитаты здесь и дальше даны в переводе С. А. Жебелева (см.: С. А. Жебелев. Евангелия канонические и апокрифические. Пг., 1919, стр. 96 и сл.).

лать. Ему было важно показать, что римский прокуратор признал в Иисусе сына божьего. После его воскресения, по словам автора этого сочинения, иудеи подкупили стражу, чтобы та обвинила учеников Иисуса в похищении тела. Однако римские легионеры не поддались на уговоры. Они «не могли молчать» и открыто свидетельствовали о воскресении. Кончается донесение словами: «Я доношу тебе обо всем этом, чтобы не распространилась какая-либо ложь и чтобы ты не подумал, что следует верить лживым иудеям».

Письмо Пилата Клавдию было не единственным сочинением, дополнявшим новозаветный рассказ о суде над Иисусом. Предположительно в III веке было создано так называемое Евангелие Никодима, которое дошло до нас в более позднем латинском переводе. Оно состоит из двух непосредственно не связанных друг с другом частей. Первая — Воспоминание о господе нашем Иисусе Христе и его деяниях, имевших место при Понтии Пилате. Вторая—Сошествие Христа в ад; в ней идет речь о путешествии Иисуса в ад, где он схватил Сатану и приказал заковать его в цепи. Возможно, обе части первоначально не составляли единого произведения, а были объединены каким-либо переписчиком. Но возможно, что объединение это и не случайно: обе части при всей их внутренней несвязанности отражают общий подход к образу Иисуса, фигуре совершенно фантастической. Центральное место в его деятельности занимают здесь не проповеди, а совершаемые им самые невероятные чудеса.

Стиль Евангелия Никодима характерен преувеличениями, цветистыми оборотами, рассчитанными на не слишком разборчивых, падких на витиеватость читателей.

В первой части этого сочинения содержится подробный, гораздо более подробный, чем в Новом завете, рассказ о суде над Иисусом. Основное внимание уделено допросу его Пилатом. Автор старательно показывает, как доброжелательно был настроен к Иисусу прокуратор Иудеи. Он дал возможность высказаться всем людям, которые защищали обвиняемого. Иудеи, слушая этих свидетелей, «гневались и скрежетали зубами». Слыша это, Пилат говорит им: «Что вы скрежещете зубами, услышав правду?» Из этого рассказа остается неясным, почему все-таки прокуратор не использовал своей власти и не отпустил Иисуса. Как и автор письма Пилата к Клавдию, Никодим не останавливался на этом вопросе, зато постарался как можно ярче описать неистовство иудеев.

Кульминационный пункт в рассказе Никодима — описание чуда, происшедшего во время суда: когда Иисуса вели на допрос, знамена, которые держали римские легионеры, согнулись и поклонились ему. Знамена кланяются ему и тогда, когда сами иудеи берутся их держать. Итак, не только римский прокуратор сочувствовал Христу, но и римские военные знамена склонились перед ним. Следовательно, еще тогда Иисус был признан римлянами как божество. И, естественно, римский император также рано или поздно должен признать христианство. А христиане в свою очередь должны признать власть императора: ведь представитель одного из них стремился защитить Христа от «скрежетавших зубами» иудеев...

Характерная черта всех таких поздних сказаний типа Евангелия Никодима — отсутствие этических и догматических положений. По своему содержанию они одинаково далеки и от мистической философии гностиков, и от призывов помогать беднякам, столь ярко выраженных в апокрифах иудео-христиан. Эти произведения никого не утешают и ничего не обещают: ни царства божьего на земле, ни слияния с логосом. Они представляют собой крайнюю вульгаризацию христианства. Их читатели были новообращенные, не слишком образованные люди из городских предместий и деревень. Для них Иисус был не спасителем несчастных, а грозным, могучим божеством, способным совершать чудеса и жестоко карать непослушных.

Антииудейские настроения, выраженные в Евангелии Никодима, не связаны с конкретной исторической обстановкой ни в империи, ни внутри христианства: они были проявлением общего христианского фанатизма, того самого, который приводил к уничтожению произведений античного искусства, преследованию науки, разрушению древних храмов.

Усилившаяся, а затем и победившая церковь преследовала всех нехристиан. И люди, принявшие христианство не от отчаяния и сомнений, а просто потому, что это была самая мощная религиозная организация, не искали в новой вере утешения и надежды. Им важно было знать, что бог, которому они поклоняются, — действительно самый могущественный, самый грозный, и почитание его делает их выше всех остальных — «неверных». Это было самое позднее пополнение рядов христиан в Римской империи, и именно на них были рассчитаны рассказы о том, как Иисус заковал Сатану или как знамена склонялись в руках скрежетавших зубами иудеев.

Разумеется, эти писания не могли быть признаны церковью боговдохновенными. Они были созданы намного позже новозаветной литературы. Они расходились с древней традицией в большом числе деталей. Они, наконец, не содержали этических поучений, не определяли норм поведения людей, что было важно и для самих верующих, и для руководства церкви. Но читать подобные произведения не запрещалось. И после победы христианства в разных областях империи распространилось много сказаний, посвященных евангельским персонажам.

Апокрифы конца II—IV веков наложили свой отпечаток на христианскую догматику. Они высвечивают нам тот долгий и сложный путь, который прошло христианство от первых общин, малочисленных и гонимых, до могущественной организации, грозившей самыми тяжкими наказаниями всем, кто ей не подчинялся. Они свидетельствуют о том, что евангелия продолжали создаваться на всем протяжении раннего христианства — вплоть до утверждения канона в V веке — и что христианская традиция, отраженная в этих евангелиях, в IV веке была еще более разнообразной и противоречивой, чем традиция конца I—II веков.

Эту фразу часто можно услышать от людей, далеких от суеверий и предрассудков, и употребляют они ее, как правило, в ироническом смысле. Однако наши далекие предки вполне серьезно считали этот день недели днем невезения и неудач. Почему же за ним утвердилась такая дурная репутация?

Как и многие другие фразеологизмы, «понедельник—день тяжелый» связан с историей древних народов, их культурой, мировоззрением.

Понедельник считался тяжелым днем у всех славян, а также и у других европейских народов — немцев, англичан, французов, испанцев, итальянцев.

На всех славянских языках слово «понедельник» звучит почти одинаково (болгарское — понеделник, чешское — pondělí, словацкое — pondelok, украинское — понеділок, польское — poniedziałek, белорусское—панядзелак) и обозначает день после недели, то есть день после праздника (воскресенья).

С понедельником у восточных славян связывались самые различные антропоморфические представления. Будто бы попавшего на тот свет святой Понедельник расспрашивает о грехах: не ел ли яблок до спаса и т. д. В то время как сам бог угощает в раю праведные души яблоками, грешные находятся на допросе у святого Понедельника.

С понедельником связан и обычай понеделкования, зафиксированный этнографами в быту местечкового населения севера Украины и белорусского Полесья еще во второй половине прошлого века. В одной белорусской народной шуточной песне поется:

Ах, бывала ж я
Панядзелкавала:
Семярых нажыла
І усё дзеўкай была.

Понеделковать — значит гулять, ничего не делать. Такое же объяснение слову дается и в «Толковом словаре» В. Даля: «Понеделковать — не работать по понедельникам, праздновать». Здесь же читаем: «Понедельничать — поститься, кроме среды и пятницы, еще и по понедельникам». И приводит пословицу: «Лучше не понедельничать, да не бездельничать». Заметим, что народ высказал пренебрежительное отношение к праздному понедельнику в поговорке: «Понедельник — бездельник».

Понеделкование — своеобразный семейно-бытовой местный праздник, отмечавшийся главным образом замужними и немолодыми женщинами. В этот день они не работали, особенно воспрещалось прядение.

Любопытно, что невеста старалась заполучить у жениха гарантию на эту льготу, которая становилась пожизненной, хотя и не была закреплена юридически. Заинтересованность здесь проявляли и родители невесты. Во время сватанья они добивались от жениховых родителей права для своей дочери на этот льготный день. Даже самый строгий и требовательный муж, приняв такое условие, не мог заставить свою жену работать в

Рисунки Е. Катышева.

ПОНЕДЕЛЬНИК — ДЕНЬ ТЯЖЕЛЫЙ

понедельник, если она сама этого не пожелает.

Между тем в дореволюционной этнографической литературе сообщалось, что понеделкование в некоторых местностях превращалось в нездоровую привычку, становясь общественно опасным злом. Так, женщины в течение недели тщательно готовились к «своему» празднику — припасали муку, крупу, горох, фасоль, яйца, молочные продукты и домашнюю птицу, которые затем продавали на базаре. Выручив деньги, они спешили в корчму, где часто просиживали целый день, забыв о семье, детях и хозяйстве. Понятно, что урон от понеделкования терпела прежде всего семья.

Наблюдавшие эту дурную привычку этнографы с тревогой писали, каким тяжелым социальным бедствием может обернуться стихия обычая, слепо сохраняемая как верность «дедовским заведенкам».

Журнал «Киевская старина» писал в 1887 году (№ 1, стр. 182): «Пьянство в Борисполье (Полтавская губ.) настолько укоренилось, что некоторые бабы не просто «понеделкивают», но положительно пьянствуют, и последнее представляется как бы общим правилом».

Таким образом, понедельник становится узаконенным обычаем днем пьянки.

Некоторые исследователи объясняли, что понедельник был тяжелым днем потому, что шел за воскресеньем, когда люди много гуляли, пили (а это нашло свое отражение и в пословицах: «Понедельник — похмельник: поминки по воскресенью», «Испошил понедельник воскресного пьяницу: в воскресенье пашет, а в понедельник кобылу ищет»), что отрицательно отражалось на их физическом состоянии, трудоспособности. Однако надо сказать, что это — несерьезное объяснение, хотя бы потому, что воскресенье никогда не было для народа днем массовой попойки. Более правильным следует признать толкование, связывающее происхождение изречения с языческими представлениями о божествах.

У древних римлян понедельник посвящался Луне, ее покровительнице Луне — богине ночи и ада — и назывался «днем Луны». В Риме на Авентинском холме стоит храм богине Луне, воздвигнутый, по преданию, императором Сервием Туллием.

Языческое название понедельника как «дня Луны» удерживалось в течение столетий у всех западноевропейских народов. По древней мифологии, понедельник находится в распоряжении богини ночи и мрака, от которой родилась Смерть, обитательница страшного Тартара. Поэтому он считался днем господства темных, враждебных человеку сил, днем черным, несчастливым. Благодаря этому ложному представлению и родились предрассудки и суеверия, что в понедельник нельзя начинать никакой работы, отправляться в дорогу, одалживать деньги и т. д.

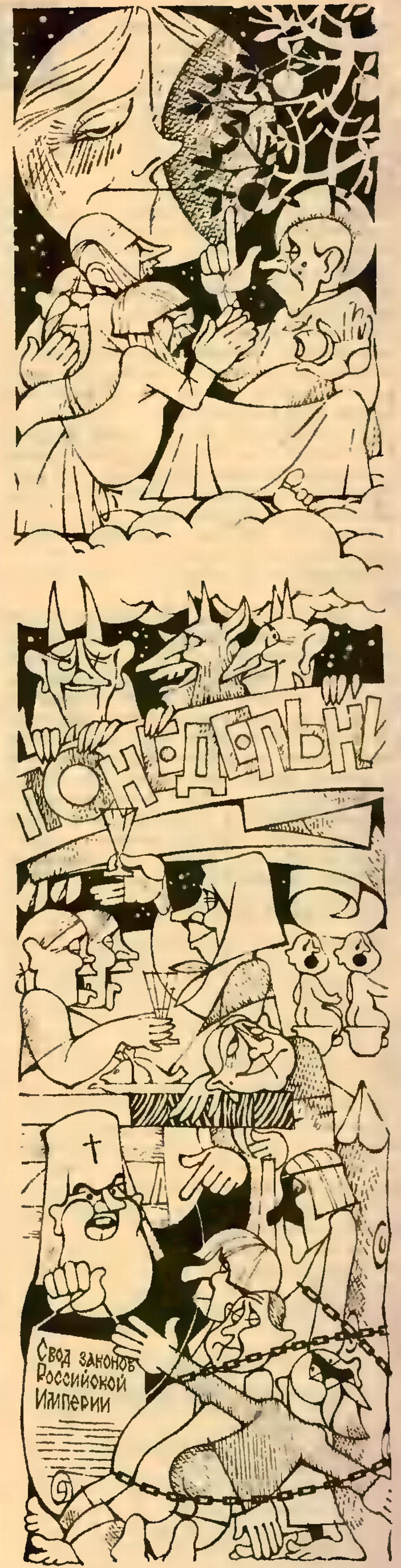
Принятие христианства еще больше способствовало закреплению предрассудков, связанных с понедельником. Дело в том, что, согласно иудейским преданиям, злые духи в этот день были низвергнуты богом с неба и с этого момента началось зло на земле.

Языческое представление о воскресенье, которое считалось днем легким, счастливым, благоприятным для всякого начинания и посвящалось Солнцу — дневному светилу, было использовано апологетами христианства для создания легенды о воскресении в этот день Христа.

Отношение православной церкви к воскресенью определялось «Сводом законов Российской империи». «Кто во время свершения божественной службы заведет близь церкви крик или сделает другое какое-либо бесчинство или же в воскресный день или в табельный или храмовый праздник прежде окончания литургии в приходской церкви или во время крестного хода или освящения воды или другого публичного молебствия на площади, улице или в поле начнет какие-либо открытые игрища, музыку, пляски, конские скачки, пение, песен на улицах или иные общественные забавы и увеселения, тот за это подвергается денежному взысканию от одного до трех рублей» (т. XV, кн. 1. Уложение о наказании, стр. 249). Законом запрещалось работать в воскресенье, закрывались торговые лавки, кроме продуктовых, а во время богослужения — питейные заведения. Однако все эти требования были продиктованы отнюдь не заботой духовенства и властей о рабочем человеке, а тем, чтобы широкие массы трудящихся обязательно посещали церковь, посвящая день «божественной молитве». За исполнением порядка поручалось следить полицейским. Меры наказания, применяемые к нарушителям установленного закона, были довольно суровы, даже жестоки. В дореволюционной литературе сообщалось, что крестьян, не посещавших в воскресенье литургию, некоторые священники в понедельник привязывали цепью возле церкви. Да, для этих наказанных понедельник был тяжелым днем в самом прямом смысле этого слова.

И. ТИЩЕНКО,
кандидат филологических наук

г. Минск

Михайло ЛАТЫШЕВ

Историческая повесть

25 июня 1678 года в карпатском селе Мушина католическая инквизиция сожгла в огне украинскую крестьянку Ганну Дудиху.

Из материалов акта 18 суда Мушинского по делу Ганны Дудихи, 1678 год.

Поселок Рудно — под Львовом. Минут за двадцать я добрался сюда на электричке — быстро и удобно. Собирался написать очерк о лемках — украинцах, переселившихся в Рудно с северо-западных отрогов Карпат. Целый день прошел в беседах с людьми, блокнот заполнялся интересными записями. А вечером пригласил меня к себе лемок Дмитро Панасович Трембач, знаток всяческих историй. Человек уже в летах, но еще крепкий. Взгляд пытливый, проницательный. Сидели, ужинали, не спеша вели беседу. И вдруг, не помню уже в какой связи, Трембач воскликнул:

— Написать бы вам о Ганне Дудихе! Вот была женщина! За людей, за правду стояла. Каждый шел к ней и с добром своим, и с бедой. Давно ее нет. Но помнить о ней будут вечно.

И поведал легенду о защитнице обездоленных и униженных.

Так впервые я услышал о Ганне Дудихе.

С тех пор минуло несколько лет. В неуловимом течении времени, в каждодневных хлопотах и заботах я и призабыл рассказ Трембача. Но вот однажды, роясь в архиве библиотеки Львовского университета имени Ивана Франко, случайно наткнулся на акты Мушинского суда. Строка за строкой вчитывался я в те давние, поблекшие от времени бумаги. Передо мной вставал самобытный образ мужественной, смелой, непокорной горянки. И я решил проследить ее судьбу, от отцовского порога до страшного костра на сельской площади.

ЧЕРНАЯ МОЛВА

В горнице никого не было. Ганнуся переоделась в новую юбку, пеструю кофту и завертелась перед зеркалом — смуглолицая, темноглазая. Ничего не скажешь, хороша! А время, как назло, течет медленно. Солнце не спешит на ночлег. Нет сил ждать условленного часа. Побежала в лес — к буку, старому, развесистому. Сколько помнит себя Ганнуся, всегда бук этот был старым и развесистым, с меченой молниями-громами верхушкой. А вокруг ущелья, горы — скалистые, могучие, средь них — долины-полонины, пастбища, кой-где виднеются рыжинки нив.

В лощине что-то зашелестело. Девушка испуганно оглянулась. А Яцко уже схватил ее, легкую и гибкую, на руки, покружил вокруг бука, бережно опустил на землю. Сели на траву и зашептались. Не заметили, как и ночь наступила.

За полночь проводил Яцко ее домой. У крыльца на миг остановились. Но только на миг. Скрипнула дверь, и Ганнуся исчезла в темных сенях.

А на дворе — теплая звездная ночь, тихо, слышно, как в ущелье лопочет ручей. Шелестят ели, пихты. Идет себе Яцко, вслушивается в тишину. Внезапно послышался треск сухой ветки, и перед Яцком выросла черная фигура.

— Погоди, разговор к тебе есть! — Яцко узнал Ванека Панко, панского прихлебателя, недавно назначенного подвойтником — помощником сельского старосты. — Не от Ганнуси возвращаешься? — Ванек подступил вплотную, Яцко слышал его прерывистое, жаркое дыхание.

— Ты угадал, Ванек, — спокойно ответил, хотя чувствовал, как нарастает в душе тревога. — От Ганнуси, а что?

— Забудь тропку к ней.

— Ты что?

— У меня на дороге ты стоишь, вот что! Смотри! Плохо будет!..

Рассвет выдался хмурый, туманный. Ванек добрый час простоял у окна, бездумно глядя на солнце, тщетно пытающееся пробиться сквозь эту хмурь, — получилось желтое, размазанное пятно. Затем подошел к буфету, достал графин с водкой, налил в кружку, выпил. Походил по хате туда-сюда, еще выпил водки. Закусывать не стал. Мать — старая Евка заметила:

— Зачем пьешь, Ванек?

— А, зачем...

— Куда вино входит, оттуда ум выходит. Где это ты ночь прогулял?

— То не ваша забота, мама!

— Знаю я, Ванек, знаю.

— Что вы знаете?

— Та лесникова дочка доброго слова не стоит.

— Не говорите так, мама.

— Она... она... ведьма!

— Мама! — выкрикнул с болью.

Выбежал во двор, путаясь в сбруе, запряг двух вороных в телегу, вскочил на сиденье, — застоявшиеся кони понеслись. А он что есть мочи в каком-то остервенении стегал их кнутом — и они помчались, напуганные, обезумевшие. Опомнился Ванек далеко в поле. Но осадить, успокоить вороных никак не мог...

В полдень его нашли далеко от села, у лесной опушки. Он лежал ничком окровавленный, без сознания, жизнь едва теплилась в нем. Люди уложили Ванека на длиннющие ясеневые жерди, принесли в село. Старая Евка страшно заголосила, запричитала:

— Боженька мой!.. Езус-Мария! Это все она, лесникова, виновница беды!..

— Успокойся, Евка! Ведь жив Ванек, могло быть и хуже, — пытались успокоить старуху соседи.

А она все твердила свое:

— От Ганны несчастье! Она колдунья!

Один Ванек не слышал материнской брани. Он в беспамятстве лежал посреди двора, а люди обливали его водой, смывая кровь...

Протас Швагрий — отец Ганны — встает рано, съест краюху хлеба, густо сдобренную чесноком, запьет водой из криницы. Затем запряжет буланого конька в двуколку и — в лес. Следит, чтобы не крали леса, не охотились на зверей — на все это имеет законное право только всесильный пан Юзеф Замойский... Любит лес Протас, болеет за каждое деревце, за каждый кустик! Хотя сам всего лишь лесник на службе у Замойского. Подолгу может любоваться вековечными, могучими дубами, задумчивыми буками, нежными елями. Целыми днями пропадает в лесу. Работы у него — по горло.

Сейчас вывозят в усадьбу Замойского срубленные тисы для новых построек. От зари до темна грузят мужики тяжеленные стволы. И сегодня у них рабочий день самый обычный. Притомились, сели передохнуть. Протасу, остановившемуся в густом ельнике, хорошо слышно, о чем переговариваются мужики.

— Хлопотно нашему леснику с дочкой.

— Чего это?

— Колдунья она.

— Где слыхал такое?

— Старая Евка Панкова сказала.

— Подумать только, такая вроде добрая Ганна...

— Говорят, с чертями знается.

У Протаса в глазах потемнело от гнева. Не выдержал, вышел из ельника.

— Кто здесь что-то слыхал, что-то видел? — спросил грозно.

Мужики словно воды в рот набрали.

— Кто?

— Да мы ничего, Протас, — пробормотал низкорослый крестьянин.

— Как ничего?.. Чешете здесь языки, чтобы они отсохли у вас!

— А ты, Протас, не горячись. Причем тут мы. Ты у дочки спроси.

Лесник вскочил в двуколку, что было силы рванул вожжи, помчался домой. Когда приехал, уже смеркалось. Жена Юлия сидела у прялки, а Ганна дремала на лежанке. Ресницы ее беспокойно вздрагивали — верно, неприятное что-то виделось ей в полудреме. На лице застыла печаль.

Протас резким движением сдернул с дочки легкое покрывало, и она тотчас вскочила.

— Что вам, отец?

— А ты не знаешь?! — лицо у него раскраснелось от гнева. — Не знаешь?! Опозорила меня на старости лет!

Ганна вскочила с лежанки, а отец прохрипел:

— Колдуешь?..

— Что с вами, отец?

— От людей прохода нет, хоть уши затыкай.

— Кто-то сплетни распускает. Разве я виновата?

Но Протас не унимался, носился по горнице диким зверем. Заметил вожжи. Схватил — и к дочке.

— Убью!.. — со свистом взвились ременные вожжи и тяжело упали на Ган-

Журнальный вариант.

ну. Она побледнела, а когда отец вновь замахнулся, перехватила вожжи и с силой дернула к себе.

— Ты против меня, отца?! — взвился он в бешенстве.

— Остыньте, отец! — сказала Ганна спокойно. — И не смейте меня бить!

— Так вот ты какая! — безумствовал Протас.

Вступилась за дочь Юлия:

— Ты что, пьяный. Совсем взбесился старый.

— Да, да, взбесился! Скоро и на люди нельзя будет показаться!..

Обо всем узнал Яцко — и о недобрых слухах, и о дикой сцене, разыгравшейся в Швагриевой хате. Встретился как-то с Протасом, сказал:

— Вот что, отец, не трогайте Ганнусю. Она хорошая девушка. Если не возражаете, я возьму ее в жены.

В середине лета сыграли свадьбу — шумно, щедро. Ничего не пожалел старый Протас. Большой стол уставили выпивкой, закуской. Все село собралось на дворе лесника. По такому случаю спустился с гор старый цыган — музыкант Рафаил. Он — желанный гость в окрестных селах на свадьбах, крестинах. Кто лучше повеселит народ! Встряхивая черными кудрями, цыган водит смычком по струнам, и скрипка его то плачет, то смеется.

За столом рядом с Яцком сидела Ганна — задумчивая, невеселая. Не горела в душе ее яркая праздничная свеча... Мучили ее сомнения — каково ей будет с Яцком?

Но никому не было дела до невестиных дум. Веселилась и плясала свадьба...

А с улицы сквозь щель в ограде недобрым глазом наблюдал веселье Ванек Панко...

АДЕЛЯ

Привел Яцко Дудих в свою хату молодую красивую жену. Старая, задымленная у него хата, в землю вросла от старости. Два года назад умерли от тифа родители, жил Яцко один.

Ганна выбелила стены, подкрасила красной глиной лежанку, все вымыла, вычистила, развесила новые, своими руками вышитые рушники, на которых куковали кукушки, пели соловьи, горланили петухи, — и в хате сразу стало светло и уютно. В щели вложила засушенные пучочки разных трав, цветов. Цветы и травы она любила, разбиралась в них. Навсегда запомнилось Ганне, как впервые взяла ее мама с собой в Загорье и как остановилась она, очарованная, посреди поляны, где так ласково прикасались к траве, цветам, листьям солнечные лучи. Тогда, маленькой девочкой, впервые ощутила она освежающее, ароматное дыхание леса.

На опушке мама выкопала корень лопуха, стряхнула землю.

— Этот корешок, Ганнуся, — неторопливо объясняла она, кладя корень в лукошко, — от ломоты в ногах очень помогает.

Окинула взглядом поляну, ступила шаг-другой, приостановилась у желтоватого цветка.

— А вот зверобой, Ганнуся. Тоже многие болезни лечит. — Осторожно сорвала цветок и тоже в лукошко положила.

Прошли еще немного. Под грабом мама сорвала еще цветок.

— Это чистотел. Лишаи убивает, кожу лечит.

Ганнуся помнит, как бережно прикасались мамины руки к каждой травинке, листочку, цветку. Полнилось лукошко.

Собирала мама тысячелистник, медунку, пустырник и рассказывала, рассказывала об этих травах.

Материнские слова запали глубоко в душу девочки...

И вот сейчас все это вдруг всплыло в памяти — когда убирала горницу.

Скрипнула дверь, вошел Яцко. Дров принес: пусть жена печь затопит, кулеш сварит. Ступил к Ганне, крепко обнял.

В западном пустынном конце Мушины жила Аделя Борецкая, одинокая молодая женщина. Терпеливо ждала она, когда придет к ней наконец желанное счастье...

И оно, казалось, пришло.

После Ганниной свадьбы зачастил к Аделе Ванек. А она и души в нем не чаяла — думала, пришло ее долгожданное счастье.

Но однажды Ванек не пришел. И день и два — нет его. Лето минуло, и осень, и зима. А он не показывается. Чего только не передумала. И почувствовала Аделя, как опустошается, черствеет ее душа... Усилились приступы астмы, уже давно изводившей ее. Разве виновата она в том? Как старалась скрыть недуг от людей, от Ванька — но разве утаишь.

Как-то сидела в своей тоске на завалинке у хаты — и вдруг видит: идет Ванек по улице. Не выдержала:

— Ванек!

Обернулся — мрачный, чужой. Молчит.

— Ванек, — повторила негромко. — Погоди, хочу сказать тебе... Подойди...

Не подошел, лишь выдавил:

— Ты больна. Еще заразишь...

В глазах у Адели потемнело. Почувствовала, как сдавило грудь и жестокий кашель перехватил дыхание. Еле добрела до хаты. Всю ночь проплакала. А утром, бледная, растрепанная, стала взбираться по крутой тропке на высокую кручу...

Ганна с утра возилась на огороде — он у самого подножия скалы. Подняла глаза — и испугалась: кто-то поднимается на самую верхотуру. Вгляделась пристальней — узнала: Аделя Борецкая! И что ей понадобилось на этой круче? Волосы распущены, в сорочке длинной, белой, как в саване... Тут что-то неладно. Бросила корзину с огурцами — и стремглав за Аделей. Догнала, взяла за руку.

— Ты что это надумала?!

А та вся дрожит, двух слов связать не может.

— Успокойся, Аделя. Давай сядем. Что с тобой?

Мало-помалу Аделя отошла. Рассказала о болезни своей, о Ванеке. И о том, что свет белый не мил ей теперь — лучше с кручи вниз головой...

— Уймись, Аделя, — уговаривала Ганна. — Выбрось из головы дурные мысли.

И пообещала помочь — поискать подходящую травку.

Аделя зашла вечером. Ганна дала ей листьев горчака и белладонны:

— Это хорошее средство, мама всегда советовала его таким больным, как ты. Во время приступа вдыхай дым от тлеющей белладонны. А в горчаке купайся перед сном — да парься хорошенько. После купанья закутайся в одеяло — и на теплую печь.

— Хорошо, Ганнуся. Я так благодарн[а] тебе...

Лето выдалось засушливое. Не был[о] спасения от сухих ветров, обжигавши[х] поля горячим дыханием. Вяла, чахла зе[-] лень. Не успевшие окрепнуть колось[я] упали на потрескавшуюся, жаждущу[ю] влаги землю.

Евка Панкова сидела в горнице, погля[-] дывала то в одно окно, то в другое — вдруг да набежит дождевая тучка. Н[о] нет, дожди обходили стороной Мушину. Ни капли не упало с неба за пол-лета. [...] старуха сняла со стены икону святог[о] Антония, вышла в поле и попыталась по[-] вернуть к селу показавшееся над горам[и] облако. Но напрасно. Облако ушло, рас[-] таяло высоко в небе. Евка же знай под[-] нимала вверх лик святого, молила, чтоб[ы] ниспослал дождь. Нет. Не упало и капли. Небо, как раскаленная жест[ь,] распростерлось над селом, дышало не[-] стерпимым зноем.

Увидела Евку с иконой в руках Ганна. Остановилась, поздоровалась приветли[-] во. Но зло обожгла черным взглядо[м] молодую женщину старуха.

— Ведьма, колдунья! — с ненавистью [про-] шептала вслед. — От тебя все беды н[а] селе. Проклятая, отпугиваешь дожди...

ТРУДНЫЕ ДНИ

В середине лета зной спал. Но не ста[-] ло легче от того мушинцам. Урожая не было.

Селяне нанимались к сельскому ксенд[-] зу Стефану Лядецкому, чтобы хоть не[-] много поддержать хозяйство. Вместе [с] другими женщинами идет вдоль попов[-] ского поля и Ганна. Устала, распрями[-] лась на минутку, хлебнула из крынки теплой водицы — и снова за серп.

Домой вернулась поздно, смертельно усталая. Сварила похлебку, заправила лу[-] ком. Скоро и Яцко возвратился с лесо[-] пилки.

— Не пойду я больше к Лядецкому — сказала Ганна, когда легли спать.

— Надо идти, Ганна, на отчую ниву.

— Не пойду.

— Беда нам будет. По селу и так бол[-] тают всякое. Тебя схизматичкой называ[-] ют, вероотступницей.

— А разве я виновата?

— Я знаю, что не виновата. Но люди говорят.

— То недобрые люди говорят, Яцко.

Не померкла Ганнина красота и после замужества. Бывало, поведет бровью, глянет большими темными глазами — не у одного мужчины замрет сердце. А еще она добрая, отважная.

В ледоход мальчик упал в воду, а река бурная, несет льдины. Многие видели, кричат, причитают, а помочь не решаются. Одна Ганна, не раздумывая, бросилась в реку, выхватила мальчика из-под льдины — и к берегу.

— Вот тебе и Дудиха! Смерти не испугалась! — послышалось чье-то восхищение.

— Ну ведьма! Заколдованная! — поползло рядом.

А однажды во время свадьбы у одного из селян затеяли парубки жестокую, кровавую драку. Была здесь и Ганна.

Выскочила во двор, одного из забияк швырнула на землю, второго. Разняла, утихомирила. И снова за спиной прошелестело: «У, шальная... Чертовка!»

Все слышит Ганна. Но вида не подает — все в себе хоронит. Голову держит гордо, по селу идет уверенно. Разве что губы, стиснутые жестко, выдают внутреннюю тревогу. Да, пожалуй, стала еще молчаливей и меж бровей преждевременно появилась и застыла глубокая складка.

...Лежит Ганна в постели, не может заснуть. Невеселые думы давят. Где-то в конце села завыла собака. Поправила подушку Дудиха, плотнее укрыла плечи, повернулась на бок. Ненароком глянула на окно. Что это? Никак пожар?

Быстро разбудила Яцка. Выбежали из хаты. Горело посреди села. Когда прибежали к месту пожара, люди уже гасили охваченную пламенем конюшню. Как возник пожар, никто не знал: то ли умышленно кто поджег конюшню Стаха Татарюка, то ли случайно загорелась? Растерянный хозяин метался по двору, кричал не своим голосом:

— Пропал я, люди, пропал!... Там конь в конюшне!

Услышала Ганна, завернулась в мокрую попону, схватила нож — и в конюшню сквозь пламя и дым. А конь вздыбился, ржет дико. Она ухватилась за ременную привязь, разрезала. Но не дается конь — мечется, вырывается. Победили все ж Ганнино упорство и воля — вытащила коня из огня.

Коня Татарюку спасла, но себя подвергла новым проклятиям.

— Она и впрямь дьяволка!

— Ведьма!

И с новой силой поползли слухи по селу. Уже кто-то видел, как в полночь Дудиха пронеслась через сельскую площадь на колесе, а другой — как вылетала на метле из дымохода. Треплют и треплют языками. Евка Панкова на всех перекрестках божилась, осеняя себя крестным знамением: «То Дудиха отгоняла дожди от полей! Она виновата в наших несчастьях!..»

Осень выпала дождливая, слякотная, хмурая. Ганна прядет у печки. Не идет работа — рвется и рвется нитка. Но пряха упряма и терпелива.

Вошел Яцко, поставил у двери ведро с водой. Присел на лавку.

— Хотел, Ганна, еще вчера сказать тебе, да забыл, — начал как-то виновато, неуверенно.

— И что же ты хотел сказать?

— Встретился мне вчера пан отец наш... — и умолк.

— Ну и что?

— Передал, чтоб пришла ты на исповедь.

— Мне не в чем исповедоваться. Чем я провинилась?

— Надо все-таки пойти тебе, Ганка, на исповедь. И тебе будет легче, и мне.

— Ой, чует мое сердце что-то недоброе, Яцко.

Разговор этот был в субботу. А в воскресенье она пошла в костел. Поставила свечки апостолам Петру и Павлу, помолилась перед иконой божьей матери. Потом зашла в исповедальню, упала на колени. Ксендз Стефан Лядецкий приглушенно зашелестел губами:

— Есть ли у тебя, Ганна, грех на душе?

— Нет, отче.

— Не учиняешь ли зло, не прелюбодействуешь ли?

— Нет.

— Помни, раба божья, перед богом ничего не утаишь, не запрячешь. Все видит, все знает всевышний. И ты, Ганна, как христианка нашего прихода обязана чистосердечно исповедоваться. Иначе падет на тебя кара за грехи твои.

— Нет у меня грехов, пан отче.

— Говорят, сидит в тебе нечистый дух?

— Неправда это.

— Ты чинишь зло прихожанам?

— Неправда.

— Колдуешь, Ганна?

— Неправда.

— Общаешься с лукавым?

— Неправда. Кто-то наговаривает на меня...

— Бог терпелив, Ганна, но помни, что и его терпение не беспредельно. А теперь иди и ревностно молись перед святыми образами. Затем вновь приходи на исповедь.

Из храма Дудиха вышла обессиленная. Никого ей не хотелось видеть. Шла окольным путем. Знала, никто не утешит, не скажет доброго слова... Дома застала Яцка. Спросил у жены, как исповедь прошла. Что ему ответить? Что ксендз беду ей сулит, угрожает? Она давно заметила, что пан отец косо смотрит в ее сторону. И во время исповеди Ганна чувствовала его иезуитское коварство, знала: в костер недоброй молвы о ней хитрый священник плеснул и свою долю масла.

— Так о чем же говорил с тобой пан отец? — в который уже раз спрашивал Яцко.

— Да о разном. Велел еще прийти.

— Что ж, надо пойти, Ганка.

— Хватит с меня и одной исповеди.

— Человек, Ганка, рождается для страданий. Чем больше горя узнает он на этом свете, тем больше радости — на том. Запомни это, — поучал жену богобоязненный Яцко.

— Хоть ты бы не мучил меня, — с горечью молвила Ганна.

— Я говорю как оно есть.

— Ой, Яцко, Яцко, неужели ты ничего не видишь?

— Наш пан отец добродетелен, набожен.

Ганна взорвалась:

— Стефан Лядецкий двуликий, коварный! Иезуит он!..

— Ой, Ганна!.. — испуганно вскрикнул Яцко.

Меж супругами назревала ссора...

В замшелых сенцах Дудиха крутила жернов, ржаная мука ссыпалась по округлому желобу в корытце. Как только корытце наполнялось, Ганна высыпала муку в мешок. Затем снова наполняла ковш зерном и крутила, крутила жернов. Работает Ганна, не дает себе передохнуть — сегодня должна намолоть целый мешок. А вечером замесит тесто на хмелевой закваске, за ночь оно хорошенько подойдет. Утром вымесит его, налепит мягких, пышных паляничек. Она любит печь на капустном листе — хлеб получается ароматный, с блестящей корочкой.

Подсыпает Ганна в ковш зерно, подсыпает осторожно, бережно, чтоб ни зернышка не пропало. Только под вечер, когда мешок был полон, почувствовала, как устала. Очень захотелось пить. Залпом выпила кружку студеной воды, отдохнула немного, отнесла муку в горницу. На душе стало радостно — завтра хлеб испечет!

И испекла-таки паляниц — румяных, ароматных, долгожданных.

Но к полудню почувствовала себя совсем обессиленной. Голова стала тяжелой, острая боль сдавила горло.

— Прилегла бы ты, Ганна, на минутку, — советовал Яцко. — Отдохнешь, легче станет.

Однако легче не стало. Ночью Ганна металась в лихорадке. «Вот беда. Это я холодной водой горло простудила, наверно», — размышляла про себя и не могла сдержать стон.

— Что-то надо бы сделать, — удрученно молвил Яцко.

— Принеси из кладовки настойку лесной малины. Я когда-то приготовила. Да еще настойку калины и ежевики захвати.

— Но поможет ли все это? Лучше я позову шептуху или знахаря.

— Не нужно.

Выпила настойки, и тотчас бросило ее в пот. Сорочка промокла, как от проливного дождя.

— Хуже тебе как будто, Ганка. Вся ты словно в огне...

Прошло два дня. Горячка не оставляла Ганну, а, казалось, еще пуще прежнего разыгралась.

— Позову священника, — совсем растерялся Яцко.

— Зачем?

— Все к больным зовут богослужителей...

— Пусть зовут. А ко мне не надо.

— Ой, Ганка, гневишь бога, — твердил свое Яцко. — Я все ж позову. Он поможет...

— Не надо... — слабо простонала.

Через день Ганне стало еще хуже. Встревоженный вконец Яцко побежал к Лядецкому. Тот ввалился в горницу, не поздоровавшись, и сразу к Ганне:

— Гневишь милосердного спасителя нашего, Ганна.

— Чем же я его гневлю, пан отче.

— Своим неповиновением, дитя мое, своеволием. Надо ежечасно обращаться к богу — и он спасет.

— О господи...

— Ты не ведаешь, дитя мое, что творишь. А бог хочет уберечь тебя от неугодных ему деяний твоих.

— Каких деяний?

— Нечистый травит тебя горьким нектаром. А ты, дитя мое, не видишь того. Сердце твое ожесточилось.

— О отче..

— Не обходи, дитя мое, святую церковь, и бог укажет тебе истинный путь. Этот мир суетный, лишь на том свете душа узнает вечное блаженство, — наставлял ксендз больную. — Тебе надо чистосердечно раскрыться перед богом. Почему тогда в храм божий не пришла на исповедь?

Ганна не ответила.

Ксендз развернул книгу в потертом сафьяновом переплете:

— Вот в святом письме сказано: «Заботьтесь о душе своей в земной жизни суетной, дабы чистой она была». Ты же, дитя мое, о душе не заботишься...

Дудиха, как ни трудно было ей разговаривать, все же ответила уверенно и твердо:

— Душа моя, отче, чиста. Я знаю это.

— Дитя мое, моими устами глаголет бог: будь послушна его воле, сними со своего сердца накипь черную...

Ганну угнетало его присутствие. Вздохнула облегченно, когда он наконец вышел из хаты.

После ухода священника она, вся во власти самых противоречивых чувств — злости, стыда, ярости, обиды, напустилась на Яцка:

— Зачем ты привел его?

— Чтоб помог тебе.

— Умереть помог? Умереть?! Ну, говори, умереть?..

— Облегчить душу. Он ко всем прихожанам заходит...

— Ты подлый предатель, Яцко! Вон с глаз моих! — и забилась в рыданиях.

Ганна по-прежнему пила свои настойки. Через неделю ей стало легче. Болезнь отступила. Но не исчезло тягостное чувство от посещения отца Стефана.

ДОЛГ ЧИНШОВЫЙ *

У мушинского войта Николы Пиховского — гости. Приехал уездный староста Зигмунд Пшиборовский. И войт устроил пир на весь мир. Пригласил по такому случаю Ванека Панка и еще несколько зажиточных селян. Стол в просторной горнице уставлен и жареным и вареным. Посредине — запеченный поросенок с корешком хрена во рту и петух с кистью красной калины в клюве. Водка в графинах, домашнее вино в резных бочонках. Привез к себе Пиховский и цыгана-музыканта Рафаила.

Горницу буквально распирало от духоты. Смесь запахов — водочно-винных, табачного, кожушного, дегтярного — вконец одурманила и без того хмельных гостей. Красный, как рак, Ванек расхрабрился, разошелся не в меру.

— Играй, Рафаил!.. — выкрикнул исступленно и, как только цыган ударил смычком по струнам, пошел кренделем по кругу, неуклюже семеня кривыми ногами и приговаривая:

— Эй, цыган, шпарь, быстрее шпарь!

Не вытерпел и Пшиборовский. Обхватив толстенную войтиху Терезу, неистово затопал отяжелевшими ногами.

И завертелось, закружилось все в хате от беспорядочной, пьяной пляски.

Допоздна пили-гуляли. Однако Пшиборовский на следующий день был вроде чем-то недоволен.

— Угощал ты меня, пан Пиховский, на славу, — начал наконец разговор. — Да вот дела с чиншем плохи. Мушина недодала воеводству треть надлежащего чинша. За это меня не похвалит воевода.

— Все сделаю, вельможный пан, чтобы чинш исполнить.

— Но сделать это нужно поскорее, иначе плохо будет.

— Не беспокойтесь, все с мужиков сдерем!

— Воеводство и ясновельможный король наш вознаградят ваши старания.

— За нас, пан Пшиборовский, будьте спокойны. Сил не пожалеем, — угодливо склонил квадратную голову войт. — Мы с Ванеком до нитки соберем и в Мушине и на хуторах!

Ганна стирала белье в шумливом, стремительном ручье. Энергично выбивала вальком, чтобы чище было. Затем тщательно прополоскала и собралась домой.

Вот и ее хата. Но что это?.. Во дворе беспорядок, сутолока. Ванек корову выводит из сарая, а войт Пиховский что-то доказывает оторопевшему Яцку, размахивая кулаками у него перед носом.

— Вы что здесь делаете? — накинулась Дудиха на непрошенных гостей, огнем загорелись ее глаза.

— Чинш собираем. Должок...

— Не троньте корову! Не смеете!

— Ишь какая! Раскричалась! — угрожающе процедил Ванек. — Давно уже, Ганна, снуется для тебя шнурок!

— Вон со двора!

— На огонь дуешь!

— Прочь!

И схватила косу. Размахнулась:

— Так головы и отсеку!

Пиховский растерянно попятился. Ванек выпустил из рук веревку.

— Прочь, собаки!..

Уже за воротами войт бросил:

— Ведьма!.. Это тебе не простится!

Ганна вся дрожала от негодования.

— Какой же ты мужчина, Яцко?! Ты тряпка. Как мог пустить их?

— Они сами вошли.

— А ты куда смотрел? Глаза твои ослепли, что ли?

— Они — сила. И зря ты разошлась, только беду накличешь.

— Они грабители!.. — разгневанная, Ганна подступила вплотную к Яцку. — Откуда ты взялся на мою голову — такой трясогуз?!

Через день во дворе Дудихов снова появились Никола Пиховский и Ванек Панко. На сей раз не одни. С вооруженной стражей. Искали Ганну. Все перерыли, заглянули и в погреб, и в колодец, даже в печь — Дудихи нигде не было. Исчезла и корова.

Пиховский взбеленился.

— Где Ганна? — пристал к Яцку.

— Не знаю, пан войт.

— Как это не знаешь?

— Она мне ничего не сказала. Взяла кое-что из вещей и ушла.... Ночью ушла...

— Врешь, пся крев!

— Истинную правду говорю.

— Высечь его!

— Побойтесь бога, пан войт!..

— Приступайте, — обратился к страже.

Яцка бросили на землю. Засвистели нагайки. Однако и после экзекуции Яцко ничего дельного сказать не мог. Так ни с чем и ушли.

Словно в тюрьме, жила Аделя в своей хате. После того как покинул ее Ванек, ни с кем не зналась. И вот тут к ней явилась Ганна Дудиха. Как же обрадовалась Аделя! Не знает, куда усадить гостью, чем потчевать. Быстренько состряпала похлебку, яиц отварила. Подкрепилась Ганна, рассказала о своей беде, ничего не утаила, — и о том, как скрывалась у отца, и как там выследила ее стража, еле ноги унесла, и как в лесу пряталась.

— Живи у меня, Ганна. Я так рада тебе.

— Спасибо, Аделя. Добрая ты. Прошу, не верь, если что услышишь плохое обо мне. Нет страшнее меча, чем злой язык...

Ночь стучалась в темное окно веточкой вишни, будто просилась в темную горницу передохнуть. На полу сновали от коптилки-моргуньи темные тени. Откуда-то из-под печки отзывался сверчок. Задумчивая, невеселая, сидела Ганна на лавке, думала о своем.

ДАЛМАТ АРТАСЮК

У самой Мушины дорога спускается с пригорка, со стороны кажется, будто вогнулась в кремнистый грунт. На пологой обочине стоит крытая гонтом приземистая кузница. Кто едет в село, не минет ее. И пылает с утра до вечера огонь в горне, вызванивает, молот на наковальне. Кузнец Далмат Артасюк, мускулистый, остроглазый, ловко орудует длиннющими клещами, раскаленным железом. Никому не отказывает в помощи: кому колесо подправит, кому коня подкует.

Сегодня с утра Далмат выковывал косы сельчанам. Посапывает черный кузнечный мех, неистово клокочет пламя в горне. За полдня сделано несколько кос. Пора приниматься за шкворни к возам. Подручный бьет молотом по раскаленному металлу. А Далмат выворачивает и так и эдак бесформенный пока что кусок, словно укрощает обезумевшую змею. Вдруг шкворень сорвался с клещей, упал Далмату на ногу. Раскаленный металл вмиг прожег насквозь башмак — и кузнец заскрежетал зубами от боли. Случилась беда.

Лежит кузнец в хате. Стонет. Мать его Лукия обвязала ногу рушником, кроличьим мехом обложила. А боль от того еще усилилась. Места себе не находит Далмат. Рана загноилась. Старуха мать растерялась: сын погибал у нее на глазах.

О болезни кузнеца говорило все село. Эту весть Аделя принесла и Ганне. Та слушала, хмурясь. Наконец молвила:

— Надо ему помочь...

— Но как, Ганна?

— То моя забота. Вечером проводишь меня к нему. Не умирать же человеку.

В сумерках пробрались к кузнецовой хате. Старая Лукия сидела, плакала. Далмат постанывал на своей лавке. Дудиха развязала ногу — и ужаснулась: рана налилась гноем, нога распухла до колена.

— Быстро давайте чистую тряпку и, если есть, водки!

В каморке нашлась и чистая тряпочка, и немного водки. Дудиха промыла рану водкой, протерла вокруг рапсовым маслом, присыпала принесенной с собой тертой лесной губкой, перевязала полотном. Сказала Лукии, как перевязывать.

Перед уходом обратилась к Далмату:

— Выздоравливай и береги себя. Болезнь, она такая — приезжает верхом, а уходит пешком.

— Да, случилось со мной такое...

— Не печалься, заживет...

Декабрь подкрался к Мушине незаметно, исподтишка, присыпал снегом горы, ущелья, поля. Дни совсем короткие стали, холодное желтое солнце редко выглядывало из-за туч. Редко выходи-

---

* Чинш — оброк в феодальной Польше.

ла Ганна из Аделиной хаты, еще реже наведывалась домой. С Яцком они стали совсем чужими. А его постоянные причитания: «Шла бы ты, жена, повинилась, незачем тебе, как волчице, прятаться бог знает где...» — больно отзывались в ее душе. В последнее время заметила Ганна, что все чаще думает о Далмате Артасюке.

Как-то вечером зашла к нему в кузницу. Далмат отложил молот, пригладил мокрой ладонью волосы, спросил:

— Ты куда, Ганнычка?

— К Аделе.

— Провожу тебя немного.

Когда вышли, ветер ударил в лицо мокрым снегом. Где-то вдали мерцали огоньки в окнах хат.

— Почему молчишь? — спросил ласково.

— Все у меня так нескладно...

— Знаю.

— Вцепились те, из гмины. И ксендз Лядецкий принюхивается.

— Кто-то, верно, хочет заработать на твоей голове.

— Я не дамся им, хоть и ходит за мной смерть с острой своей косой.

— Не бойся. Кто другому яму копает, сам туда попадет.

— Трудно мне так вот прятаться... — и снова примолкла.

— Пойдем, провожу тебя дальше, Ганнычка.

— Проводи, Далмат... Хотя — нет. Не надо.

— Ты не то хотела сказать.

— Откуда знаешь?

— По тебе вижу.

— Мы еще встретимся, Далмат. А сейчас иди домой...

«ДУДИХУ ВЕДУТ!»

Прошлое лето было жарким, сухим, а нынешнее — дождливое, холодное. Неделями льет дождь, земля изнемогает от излишней влаги. Посевы и травы гниют на корню.

В непогожие дни Евка Панкова брала икону святого Антония, выходила за ворота. На сей раз отгоняла черные тучи. Молитвы, однако, не помогали. Тогда старуха гневно хватала вилы или лопату, грозно поднимала над головой — и кляла, кляла, кляла... Ганну Дудиху. То она, чертовка, ведьма, накликает тучи на беду людям. В прошлом году по ее вине была засуха, в этом, по ее же вине, беспросветные ливни...

У ксендза собрались войт Никола Пиховский, его правая рука Ванек Панко, еще несколько сельских богатеев. Держали совет, как наказать Дудиху.

— На виселицу ее вздернуть или на кол посадить! — злобно изрек войт.

— Сначала, пан Пиховский, поймайте ее, — поддел Лядецкий. — Эта ведьма прихожанам житья не дает. А вы, прошу прощения, только языком плещете, пан войт.

— Она, шельма, во всех водах купаная, — оправдывался Пиховский.

— Нужно выследить ее наконец, — упрямо твердил Лядецкий. — Видели ее прихожане в отцовской усадьбе. Так вот, мой совет вам, панове, навострите уши, прислушайтесь к разговорам сельчан — и она не уйдет от нас.

Тоскливо, горько, словно опавшие листья по воде, плыли дни за днями. По всей округе рыскали приспешники Пиховского, но Дудиха как сквозь землю провалилась. Все зло свое сгоняли властители мушинские на селянах — все отнимали у них. Никола Пиховский собирал чинш в горной части села, Ванек Панко — в долинной. Старался подвойтник, из кожи лез, чтобы угодить своим хозяевам. У одинокой вдовы Калинючки забрал единственную овцу. Бедная женщина бросилась за возом с плачем и причитаниями. Но глух к мольбе Ванек, не дрогнуло его сердце. Вдруг наперерез мчащимся лошадям бросилась Дудиха. Разгневанная, страшная. Ухватилась за уздцы и остановила лошадей.

— Поворачивай назад, Ванек! Верни овцу!

У того от удивления глаза на лоб полезли.

— Откуда ты взялась, бесноватая!.. — воскликнул, опомнившись. И размахнулся нагайкой-тройчаткой. Ганна перехватила нагайку, вырвала из его рук. Затем к подбежавшей Калинючке:

— Забирайте свое! — помогла снять овцу с воза.

— Ты, Ганна, умоешься слезами, помни! — угрожал Ванек.

— Молчи, плюгавый, на чужое рот разеваешь!

— Я для воеводства...

— Бери у шляхтичей.

— Кощунствуешь, Дудиха. Я тебя арестую!

— Ты?! — и стеганула его нагайкой.

Свистела нагайка-тройчатка. Вертелся, корчился Ванек. Не давала ему уклониться Дудиха, — лупила беспощадно, яростно, приговаривая:

— Это тебе за клевету! За обиженных! За то, что людей грабишь!..

Весь гнев своей души излила она на Ванека. Затем связала его вожжами, взвалила на телегу и стеганула лошадей...

Понаехали в Мушину стражи и из Горлицы, и из Сянок, и из Львова. Прибыл уездный староста Зигмунд Пшиборовский с ротмистром Дулибой. Все рыскали по селу в поисках Дудихи. Но напрасно. Вызвали в гмину несколько селян-бедняков, выспрашивали о колдунье и разбойнице. Однако никто ничего не мог сказать. Такой оборот привел в бешенство Пшиборовского. Это неслыханно: в его уезде привольно разгуливает ведьма и разбойница! Да еще и чернь, бестия, против чинша настраивает. А тут еще подвойтника отхлестала средь бела дня!..

Так разносил уездный староста своих подчиненных, когда с улицы донеслось:

— Ведут, ведут! Ганну Дудиху ведут!..

— Поймали...

Пшиборовский и Дулиба выскочили на крыльцо. Дудиха шла посреди улицы в белой сорочке, босая. Руки связаны за спиной. Четыре стража в шлемах и панцирях нацелили на нее копья. А рядом вышагивал войт Никола Пиховский.

В гмине пытали, требовали сознаться, что она, Дудиха, знается с нечистым. Но что она могла сказать?

Тогда бросили ее в замшелый карцер с зарешеченным, под самым потолком, окошком. И видит Ганна сквозь него лоскуток синего неба, надломленную ветку клена. Изредка пролетит птичка.

Сидит Ганна у стены на табурете, прикованном к полу. И думы тяжкие гложут, мучают ее. Кто бы мог подумать, что ее Яцко предаст, нанесет удар в спину. Боже, боже, иуда, негодяй...

Да, в который уже раз рыскали слуги Пиховского во дворе — искали Ганну — и не находили. Снова и снова приставали к Яцку: «Говори, где та чертовка! Иначе очень плохо тебе будет. Аминь будет!» Наконец промямлил Яцко, заикаясь: «Там она... в погребе, что в конюшне, под половой...» Эх, Яцко, Яцко... И вновь больно, мучительно заныло сердце.

Аделя узнала об аресте Дудихи в тот же день под вечер. В панике, в слезах прибежала к Далмату.

— Беда случилась, Далматик, — запричитала. — Ганку нашу схватили.

— Неужели?!

— В тюрьму бросили.

— Я чуял: случилось недоброе... Нужно что-то делать... Иди домой, а завтра приходи под вечер.

Когда Аделя пришла на следующий день, Далмат уже поджидал ее.

— Вот выковал, — показал клинок. — Надо передать его Ганне. Она что-нибудь придумает. Она умница.

— Но как же передать? — забеспокоилась Аделя.

Лукия, слышавшая разговор, посоветовала:

— Брось, дочка, клинок в крынку с квасом и передай. Или запеки в паляницe.

Однако Аделя решила, что безопаснее спрятать клинок под одеждой.

Ганна несказанно обрадовалась Аделе. До слез тронуло ее, что подруга не отвернулась, не отреклась от нее, как другие. Обеим многое хотелось сказать друг другу. Но времени совсем мало отпущено.

Тихо так ведет речь Аделя, а сама косится на охранника. Улучив момент, сунула Ганне клинок, и та мгновенно спрятала его под изорванную свою кофту.

— Спасибо, Аделечка, — шевельнула разбитыми губами.

— Далмат передал, — чуть слышно шепнула Аделя.

В темных глазах Ганны забился светлый лучик надежды.

Каждую субботу арестантку выводили убирать тюремный двор. Ганна заметила, что часть ограды осела, покосилась. Смекнула: здесь можно уйти на волю. Подметает Дудиха двор, а исподволь то на ограду, то на охранника взор бросает. Улучив минуту, выхватила из-за пазухи клинок и грозно бросила в лицо оторопевшему стражу:

— Пикнешь, горло перережу!

В голосе ее и во всей фигуре была такая решимость, что страж, побледнев, опустил копье. Она же мгновенно перемахнула через ограду и исчезла.

Поднялся переполох. Но Ганна была уже за селом. Острое ощущение свободы прибавляло сил.

Стонет черная ночь. Сердито тормошит ветер соломенную стреху, стучит калиткой в старом заборе. Аделя сидит в хате, коптилку не зажигает, прислушивается к шуму ветра, шелесту стрехи и думает, думает о Ганне. Где она сейчас, что с ней? Вот уже второй месяц никакой весточки. А вдруг лиходеи схватили Ганну и растерзали? Нет-нет, пусть светит над ней добрая звезда, пусть отводит

руки лиходеев, указывает верную дорожку.

А ветер гудит-гудит, и оттого сильнее смятение Адели. Чуткое ухо уловило шорохи. Почувствовала: кто-то есть за дверью.

— Кто там?

— Это я, Аделя, Ганна.

— О боже!.. Откуда ты?

— С гор. Пряталась там. Ни о чем пока не расспрашивай и свет не зажигай.

От изорванной Ганниной одежды несло духом прелой травы, мха. Нетрудно было догадаться, откуда она пришла.

— Есть хочешь?

— Нет, только спать...

Аделя разложила в каморке сенник, застелила домотканым полосатым покрывалом, подала Ганне одеяло.

— Спи.

Сколько проспала, беглянка не знала. А когда проснулась, возле сидел Далмат Артасюк.

— Пришел, кузнечик мой. — Улыбка чуть тронула ее губы.

— Аделя прибежала.

— А она где?

— Вышла куда-то. Ты, Ганнычка, так долго спала.

— Долго?

— От ночи и до ночи. Уже смеркается...

Из окошка каморки был виден огненный закат.

— Я так устала, Далматик. В оврагах да в горах скрывалась, когда сюда шла, каждого шороха боялась. Меня подстерегают на каждом шагу.

— Знаю, знаю... — И положил свою тяжелую руку на ее плечо.

— Я подумал было, что в душе твоей, Ганнычка, и уголка теплого не осталось.

— Наверное, думал, что там лишь черти гарцуют.

— И черти и боги... — улыбаясь, он целовал ее губы, щеки, волосы. — Я люблю тебя, Ганнычка, — сказал тихо.

Она ничего не ответила.

— Почему молчишь?

— Я замужем.

— Ну и что?.. Разве ты цепью к Яцку прикована?

— Я с ним обвенчана.

— Я люблю тебя, Ганнычка, — снова повторил.

— И я люблю тебя. А почему, скажи, Далмат, ты, не такой уже и молодой, до сих пор не женат? Разве мало девчат в Мушине?

— Никто не пришелся по сердцу. Лишь ты, Ганнычка, мне по душе.

Он взял ее руку, такую же твердую, крепкую, как и у него, ласково сжал горячие пальцы...

Вернулась Аделя. Принялась готовить ужин. Далмат и Ганна зашли в горницу, втроем поужинали, посидели немного. Затем Далмат собрался домой. В сенцах на прощание поцеловал Ганну.

— Завтра приду.

После Далматова ухода Ганна не ложилась. В полночь вышла из хаты и исчезла в ночи. Возвратилась часа через два — промокшая от росы, усталая, но радостная.

— Что с тобой, Ганна? Ты вся светишься, как цветок.

— У меня праздник, Аделечка!

— Какой такой праздник?

— Сейчас увидишь... Вон туда смотри...

Внезапно южная сторона неба осветилась багряным пламенем.

— Гмина горит! — торжествующе молвила Ганна, и веселые змейки так и заплясали у нее в глазах.

— Езус, святая Мария... Ты подожгла?!

— Я!

Лицо ее раскраснелось, и вся она словно бы светилась каким-то внутренним светом.

— Я ухожу сейчас, оставаться в селе нельзя.

— Куда ж ты пойдешь?

— Мир велик...

— Господи, зачем ты сделала это, Ганна?

— Пусть знают, проклятые. Нож о нож точится!.. Дай-ка, Аделя, мой узел. Далмату передай, что я еще вернусь. Мы с ним еще встретимся.

Аделя проводила Ганну за калитку. Обнялись на прощание, как родные сестры. Дудиха исчезла в ольшанике.

А гмина горела, и ветер разносил по селу чад, копоть, гарь.

НА ТУРОВСКОМ ХУТОРЕ

Снега... Снега... Обложили хутор Туровский со всех сторон сугробами — хаты едва виднеются на бесконечном белоснежном фоне. Небо низкое, серое. Тишину нарушит лишь какой-нибудь истосковавшийся пес, или скрип двери, или шорох сорвавшегося с разлапистых веток ели здоровенного снежного кома.

Ганна сбросила кожух, которым укрывалась, вскочила с тесаного топчана, натянула теплую шерстяную кофту. Умылась над лоханью. В горнице гулял холод, дверь покрылась изморозью, и Дудиха поторопилась развести огонь в печи...

Зимовала на Туровском хуторе у деда Семиряка. Когда-то имел он семью: жену-красавицу, двоих сыновей. Жена умерла, а сыновья-повстанцы сложили головы в горах в сече с королевскими уланами. Старик остался совсем один. Вырезал из дерева разные фигурки — тем и жил. Своими руками выложил дед Семиряк из камня-известняка небольшую пристройку к хате, там и пропадал целыми днями. На стенах, на деревянном станке, на лавках разбросаны долота, зубила, резцы, пилочки, приспособления для шлифовки, молотки — нехитрый инструмент старого мастера. Из-под резца его, словно живые, возникали орлы, лисы, серны, куницы, олени, лоси, барсы. Сбывал все это в Горлице. Одинокому старику хватало на жизнь.

И сегодня набрал спозаранку целый мешок всяких зверят резных и к Ганне:

— Ты, дочка, хозяйничай, а я в Горлицу на базар схожу. Кое-что и куплю.

— Хорошо, дедуня. Идите.

Уютно жилось Ганне здесь. Накормила овец загодя заготовленным сеном. Затем подоила, молоко вылила в большой кувшин — пусть отстоится, брынза выйдет на славу. Но что бы ни делала Ганна, из головы не шла Мушина. Что там, как? Родное село от Туровского хутора в пятнадцати верстах. Не такой уж далекий свет. И Ганна наведалась туда как-то поздней осенью. Очень захотелось увидеться с Аделей, с Далматом. Каково же было ее удивление, как больно заныло сердце, когда узрела на Аделином дворе лишь развалины, среди которых сиротливо торчал черный дымоход. Кто же здесь так жестоко похозяйничал? Где Аделя, что с ней? Была глухая холодная ночь. «Как быть? — размышляла Ганна, — пойти к Далмату? Но в такую ночную пору его нет в кузнице. А в дом она не может зайти — что подумает его мать?» Ганна растерялась. В конце концов решила пробраться к своей хате окольным путем.

Яцко спал. Ганне пришлось долгонько стучать в стекло.

— Не ждал меня, Яцко?

Он растерянно уставился на нее заспанными глазами.

— И когда уже ты образумишься, Ганна?

— О чем это ты, Яцко? Может, сходишь к Пиховскому донесешь на меня снова? У кого зудит, тот чешется...

— Не обижайся на меня, Ганка. Я не желал тебе зла. Так получилось...

— Желал или не желал, но в тюрьму меня подтолкнул.

— Чего ты на меня так смотришь, Ганка? — спросил, заикаясь.

— Кто разрушил хату Адели Борецкой?

— Стражи... Дознались, что ты у нее пряталась, и разрушили. Подпилили с углов, повалили. Бревна завезли в управу на топливо, а труху оставили. Аделю отвезли в уезд. Войт Пиховский и пастор Лядецкий были в уезде. Видели, как ее казнили на виселице. Говорили: за тебя, Ганка, казнили.

Жестокий спазм сдавил горло Дудихе, губы задрожали, в глазах потемнело. Стало так больно, чуть не закричала.

Не хотелось ей тогда возвращаться на Туровский хутор просто так. Вот и подпустила красного петуха к овинам пана Замойского, когда огибала его усадьбу...

Хозяйничает Дудиха в хате старого Семиряка и вспоминает, вспоминает ту позднюю осень. Вышла во двор, промела тропки в снегу. Небо прояснилось, мороз аж трещал. Но в полдень снова надвинулись тучи с Карпат и придавили хутор своей тяжестью. Поднялась метель. Протяжно забасили могучие буки и дубы, им подпевали грабы и тисы. Ганну охватило беспокойство: вот беда, как же доберется домой в такую вьюгу дед Семиряк! Но все обошлось благополучно. Правда, поздно старик, весь заснеженный, бодро переступил порог хаты.

Чуть отдышавшись, вытащил из мешка два горшка для кулеша и похлебки, расписанную ажурными узорами миску. Аккуратно поставил покупки на полку. Затем подал Ганне киптарик, вышитый синими и красными нитками.

— О, спасибо вам, дедуня!

— Теплее будет тебе, а то смотри, какая зима злющая.

Степенно засел дед Семиряк за ужин, не спеша, с аппетитом съел молочную лапшу, приготовленную Ганной. И рассказывал, рассказывал об услышанном на торжище. А наслушался в городе за целый день куда больше, чем за год на своем хуторе.

— Такое говорят люди, что голова идет кругом.

— О чем же они говорят, дедуня? — не терпелось Ганне поскорее все узнать. — Неужели что-то недоброе стряслось?

— Для панов недоброе. Для бедняков приятное, — неторопливо вел дед. — Ох, и переполошились вельможи-богачи!

Рисунок В. Иванова.

— Отчего?

— Дудиха какая-то страху на них напустила. Сбежала она из-под ареста. Ходит по ночам. Не дает панам покоя. В пот их, аспидов, бросает. Солдат отовсюду нагнали, чтобы поймать ее. Войско бросили на поимку. Да напрасно!

Семиряк облизал ложку, расправил жидкие усы.

— Не поймают ее, ни за что не поймают, — бубнил старик себе под нос. — Где им поймать такую? Видно, орлица!..

Близились рождественские праздники. Ганна испекла пирожки с капустой, фасолью. Из остатков теста приготовила коржиков.

Дед Семиряк еще с осени приберег для праздников ковшик яровой пшеницы и теперь истолок ее в ручной ступке. Налущил лесных орешков, истолок мака. Из всего этого Ганна приготовила вкусную кутью. Оставалось раздобыть меду: что за кутья без него!

Подумал-подумал Семиряк и говорит:

— Мотнулась бы ты, дочка, на Бодняки. Там у хуторских хозяев отменный мед. Выменяешь на моих зверят. Сам бы сходил, да ноги что-то ломит. Мотнись, Ганнуся, и будет у нас вкусная кутья на все рождество.

— Схожу, дедуня, конечно, схожу.

Вскоре Ганна оказалась за Туровским хутором. Минула густой ельник и вдоль гор, извилистой тропкой устремилась к хутору Бодняки. Вон уже светятся окна хат. Прибавила шагу, а вдоль дремлющей подо льдом речки и бегом пустилась. Видит, навстречу вроде бы кто-то семенит. Все ближе, ближе. Кто же это?

Поравнялись. В Дудиху впилась гвоздями пара маленьких острых глаз. Ганна сразу узнала стража в неуклюжей фигуре — того самого, из-под охраны которого так дерзко сбежала.

После допроса ротмистром Дулебой Анджей Ольховик старался любой ценой найти Дудиху. Переоделся в крестьянский зипун, на голове — старая овечья шапка, на ногах — истоптанные яловые сапоги. В таком виде шнырял по селам, хуторам. Вглядывался в людей, выискивал, вынюхивал. Осторожно заводил с селянами речь о том, о сем. И вот нежданно наткнулся на ту, кого искал.

— Пойдем со мной, Дудиха, — выпятив грудь и напуская на себя самоуверенность и важность, молвил.

— Мне идти с тобой? — изо всех сил Ганна толкнула своего недруга. Падая, он схватил ее за ногу, повалил в снег. Завязалась борьба. Ганна нащупала правой рукой обломок льдины и с размаху ударила лиходея по голове — раз, другой.

До Бодняков в тот вечер Ганна так и не дошла — возвратилась.

Отпраздновала свой шабаш зима вьюгами да жгучими морозами, лишь в конце марта смягчилась, подобрела. Снег потускнел, осел, потянулись на проталинках к солнцу бело-синие подснежники. В горах призывно заклекотали беркуты. Наступила для них пора свадеб, обновления жилья. Ожили ястребы, соколы, зачирикали воробьи на все лады, почуяв тепло. Запел свою монотонную песню удод: гу-гу-гу...

Радовалась весне Ганна. Каждый кустик, каждое деревце скроет ее от недоброго глаза. Да и само свежее, животворное дыхание этого времени года вселяло уверенность в себя, пробуждало душевные силы. Как-то, собирая в лесу хворост на топливо, услышала кукушку. Куковала она с таким вдохновением, так звонко, что из самых дальних ущелий шли отголоски. Кому-то долголетие, счастье-долю ковала.

«Э-гей, кукушечка, давай и мне предскажи судьбу! После каждого кукуканья Ганна загибает палец: «Один... два...три... восемь... десять... — А кукушка знай кукукает себе. — О, как много! Спасибо тебе, родная, спасибо!..»

Перевязала веревкой вязку хвороста, взвалила на плечи, двинулась меж деревьев. Весенний перезвон всколыхнул душу. Захотелось увидеть Далмата, прижаться к его широкой, такой надежной груди, чтоб обнял ее крепко. Чтоб горе разделил с ней. И пошли бы они вместе в горы к повстанцам. Дед Семиряк проведет их к ним. Не раз он наведывался туда к сыновьям, которых сейчас уже нет на свете... Всем существом своим чувствует Ганна: пойдет Далмат за ней хоть на край света.

На другой день вечером отправилась в Мушину. Шла замшелыми низинными дорогами. Огромное солнце багрово садилось за горные хребты, щедро раздаривало улыбки всему сущему, земному, казалось, влюбленно поглядывало на Ганну. Пелена тумана мягко окутывала поляны. День угасал медленно, нехотя. Ганна свернула с проселка на дорогу, ведущую в межгорье. И вдруг застыла на месте: из-за поворота показались уланы верхом на конях. Быстро метнулась в кустарник. Но уланы уже заметили ее, пришпорили коней и вмиг догнали.

— Кто такая?

— Хуторская...

— Какая такая хуторская? — Один соскочил с кряжистого скакуна, ступил ближе к Ганне.

— Да ты Дудиха! Ведьма!..

То был ротмистр Дулиба...

ИМЕНЕМ БОГА

На сей раз бросили Ганну в подземелье уездной кордегардии. Охраняли усиленно, никого не пускали к ней, никаких свиданий, никаких передач. И снова каждый день грохотали тяжелые замки, скрежетали ржавые засовы. Допрашивали ежедневно. Пытали жестоко. Требовали сознаться.

А 10 июня 1678 года под усиленным конвоем меченосцев отправили на суд в Мушину. На церковный суд.

Две недели длился этот суд. Вызвали свидетелей. Евка Панкова клялась перед распятием:

— Дудиха — ведьма. Она всегда шла против воли божьей. Дудиха отгоняла дожди от Мушины. Засуху накликала...

Уездный староста Зигмунд Пшиборовский, которого папский нунций назначил судьей, зашевелил мохнатыми бровями:

— Присягнете в том, пани Панкова?

— Клянусь! Кладу святой крест!.. — и трижды осенила себя крестным знамением.

— Еще имеются показания у вас?

— Имеются. Дудиха хворь накликала на скот. В позапрошлом году у меня теленок издох...

Все это тщательно вносилось в протоколы.

После Панковой свидетельские показания давал зажиточный хозяин Стах Татарюк. Тот самый Татарюк, которому так удружила некогда Ганна. Забыл, видно, как в отчаянии метался по двору у пылающей конюшни...

Стах Татарюк показал:

— В Дудихе сидит нечистый дух. Огня не боится. Ведьма она.

— Присягнете в этом?

— Присягну.

Другие сельчане засвидетельствовали: Дудиха в травах, в «дьявольском зелье» знается, исцеляла недужных теми травами. А это противно богу! Всегда шла Дудиха против божьей воли, всегда!

Писари знай пишут, протоколируют... И так — целую неделю. В воскресенье сделали перерыв. А с понедельника судьи выслушивали показания светского характера. Ничто не было забыто: Дудиха восстала против чинша; Дудиха подняла руку на подвойтника; Дудиха дерзко бежала из тюрьмы. Это она, Дудиха, сожгла гмину, подожгла овины пана Юзефа Замойского. Это ее, чертовки, дело рук — таинственное исчезновение стража Анджея Ольховика. Она нагнала страх на весь уезд.

— Признаешь себя виновной, Дудиха?

— Нет, не признаю, — встала и тут же села, вконец обессиленная пытками. Красота ее увяла, лишь глаза прежние — черные, острые, бесстрашные.

Приговор вынесли намеченный заранее: «Сжечь в огне!..»

25 июня 1678 года в полдень инквизиторы вывели Дудиху на сельскую площадь — многолюдную, притихшую. Привязали к высокому деревянному столбу. Важно, не спеша вышел со стороны святого храма богослужитель Лядецкий, в черной рясе, с черным крестом в руке. За ним следовали староста уездный Пшиборовский, пан Замойский, ротмистр Дулиба, войт Пиховский, трусливо семенил сзади подвойтник Ванек Панко. Напротив столба стояли меченосцы, а дальше, до краев площади, толпились гайдуки, мелкие войтовы прислужники, сельская чернь. Согнулся черный, как земля, Протас Швагрий. Боязливо оглядываясь, топтался Яцко. Далмат Артасюк одиноко стоял в стороне от всех. Сжимая огромные свои кулачищи, клялся себе и Ганне: «Я отомщу за тебя, Ганнычка! Отомщу!..»

Ксендз Лядецкий громко, во всеуслышание изрек:

— Кайся, Дудиха, перед крестом, перед святой церковью!

Она молчала.

— Кайся!..

Лишь тряхнула длинными волосами, спадавшими на плечи, и устремила куда-то поверх людских голов взгляд огромных темных глаз. Ни слова не обронила.

Затрещал хворост, вспыхнуло пламя. Длинным огненным языком охватило Дудиху. Только тогда вскрикнула она — надрывно, пронзительно, жутко:

— У-би-йцы-ы-ы!.. У-би-йцы-ы-ы!.. А-а!.. А...

Тишина опустилась на площадь. Слышен был только треск и гул бушующего пламени.

Перевела с украинского
Елена СМАГЛИЙ

СТАРИЦА АЛЕНА

Имя Елена означает факел, и оно, как никакое другое, пристало этой героине, горевшей пламенем любви к людям.

Официальные сведения о ней черпаются из записки царского воеводы князя Юрия Алексеевича Долгорукого. В этом документе князь сообщал царю Алексею Михайловичу Романову, что к нему наряду с другими «ворами» привели схваченную во время боя под Темниковым «вора и еретика старицу, которая войско себе збирала, и с ворами вместе воровала, да и с нею ж принесли заговорные письма и коренья». «Мы, холопы твои, — сообщал также Долгорукий, — вот старицу за ее воровство и с нею воровские письма и коренья велели сжечь в срубе».

На допросах под пыткой старица назвалась Аленой из села под Арзамасом, крестьянской дочерью. По показаниям же повстанческого атамана Андрея Осипова, она была из Красной Слободы Темниковского уезда.

Фамилия Алены до нас не дошла. Три столетия, прошедшие со дня ее гибели, покрыли прахом и ее мирское имя. Но если следовать принципу созвучности в принятии иноческих имен в церковной практике, то, скорее всего, ее звали Ольгой.

Поселение Красная Слобода было когда-то частью «государевой вотчины» царя Алексея Михайловича, где жили в основном дворцовые крестьяне. Слово «красный» издавна обозначает в русском языке не только понятие цвета, но и красоты. И, видимо, не зря именно так назвали поселение люди, которые заложили его первые камни на самом высоком и живописном венце в долине реки Мокши.

Окружал слободу большой мокшанский лес. И какого только зверья не водилось в нем! А птиц! А рыбы в Мокше! А земли какие плодородные были в этом лесном заречье!

Все это изобилие служило одному — царской кухне.

На лоне такой животворящей природы и росла крестьянская дочь Ольга. Она с детства любила бродить по лесам, собирая ягоды и грибы. Научилась распознавать целебные травы и коренья, варить из них отвары и лечить ими людей. Ее не страшили ни ночная темнота лесных чащоб, ни блеск молнии, ни удары грома. Редкий день возвращалась она в свою избенку — с земляным полом, топившуюся почерному — без связки цветов да кореньев эта сильная, любознательная и смелая девушка.

На лесной поляне увидал ее в цветастом сарафане и с охапкой цветов боярский птицелов Иван. Они полюбили друг друга, а когда поженились, оба продолжали заниматься вольным промыслом. Он ловил птиц, она травами и кореньями лечила людей. Но недолго продолжалось их счастье. Скончался ценитель птиц певчих опальный боярин Борис Иванович Морозов, и промысел Ивана уже никому не требовался. Стал он таким же крепостным, как и все: четыре дня в неделю на барщине, к тому же денежный и натуральный оброк. И хоть многим людям помогала Ольга своим знахарством, а вылечить слабого грудью мужа не сумела. Иван умер.

Незадолго до его смерти мимо их дома, на окраине слободы, проходил путник. Завернул к ним воды напиться, поинтересовался житьем-бытьем, а потом поведал, что голытьбу да беглых крестьян зовет на бояр донской атаман Василий Ус, а следом за ним идет еще грознее атаман — Степан Тимофеевич Разин. И когда прохожий скрылся из виду, совершенно ослабший Иван тихо проговорил:

— Начинается! Подымается люд на господ своих! Видать, заглянет солнце и к нам в оконце.

Тяжело переживала утрату молодая вдова. Исполненные надежды слова умирающего мужа глубоко пронзили ее сердце. Запало в душу и мужнино опасение, что недобрые люди могут наречь ее ведуньей. Пошла женщина к слободскому священнику Савве, которому когда-то помогла своими травами. Их долгий разговор закончился тем, что вдова решила принять монашество.

И вот она в келье Николаевского женского монастыря, в соседнем уездном городе Арзамасе. Здесь она молилась за упокой души своего Ивана и продолжала собирать травы. Статная, красивая, с преждевременной сединой, она вскоре стала старшей монахиней, и люди почтительно называли ее старицей. К ней шли за утешением. Людские скорби и беды, жалобы на жестокость господ рождали в отзывчивом сердце женщины страстное желание помочь. Но в одной лишь молитве она не видела той силы, которая избавила бы этих измученных, голодных и больных людей от их страданий. И все чаще и чаще вспоминала она последние слова Ивана.

Путник, поведавший ей с мужем о грядущих событиях, оказался прав. Все чаще в монастырь приходили тревожные вести. Уже не одно, не два села примкнули к отрядам Степана Разина. Уже тысячи и тысячи крестьян стали повстанцами. Уже идут бои неподалеку от ее родной Красной Слободы.

Не в силах больше таить обуревавшие ее чувства, старица Алена отпросилась однажды и пошла на исповедь к священнику Савве. Ему она доверяла и ему поведала, что хочет посвятить

Я живу в Саранске — столице Мордовской АССР. Работаю учительницей, увлекаюсь историей. Давно занимает меня образ народной героини моих родных мест — Алены Темниковской — сподвижницы Степана Разина. Много лет собирала я о ней материал: в нашем краеведческом музее, в книгах и корреспонденциях разных газет. Писали о ней нередко, но все равно исторические сведения об этой замечательной женщине весьма скудны. И мне захотелось, основываясь на литературных материалах, рассказах старожилов нашей республики и народных преданиях, тоже написать о ней.

Р. СВИСТОВА

Рисунок Е. Федоровой.

себя делу освобождения людей от жестоких угнетателей. Отец Савва не только благословил ее на подвиг, но и сам загорелся ее мыслями.

И вот наступил заветный час. Савва с церковного амвона обратился к прихожанам: «Дорогие мои! Я всегда радел о вас и детях ваших, я старался вас утешить, ободрить, но, видя вашу бесконечную скорбь и нужды, я не могу

больше довольствоваться только одним утешением. Теперь я призываю вас бороться за свою свободу, за свою лучшую долю. Пусть ничто не устрашает вас, ни возможность поражения и возмездия, ни отлучение от церкви, которая должна бы стремиться к недопущению несправедливости, а не к тому, чтобы своекорыстно пользоваться ею».

А старица Алена над кусочком бересты произносила свою молитву-заговор: «Встану, благословясь, пойду, перекрестясь, за правое дело, за русскую землю, на бар-кровопийц. Я пуль не боюсь. Аминь». И пошла она к Степану Разину. По пути собирала людей в повстанческий отряд.

Несомненно, она обладала большим организаторским талантом, потому что уже вскоре в районе Темникова действовали три отряда: атамана Осипова, атамана Сидорова и их верховной атаманши — старицы Алены.

В мужской одежде отважная старица во главе своего народного воинства не раз повергала в ужас бояр и воевод. Темниковский воевода, жестокий притеснитель крестьян, первым не избег ее кары.

Высокая, с прекрасным лицом, громким голосом, горячим и смелым взглядом, она обладала небывалой силой. Никто не мог натянуть до конца принадлежащий ей лук, даже ее ближайший соратник Федор Сидоров. Своей необычной отвагой и мужеством, волей она покоряла и вела за собой.

Но как ни грозен был отряд Алены, как ни велика была жажда победы, царским войскам удалось сломить сопротивление повстанцев.

С горсткой храбрецов, с верными до конца отцом Саввой и великаном Федором Сидоровым Алена укрылась в церкви и упорно сопротивлялась. Сперва она расстреляла все свои стрелы, убив при этом семерых или восьмерых, а увидев, что сопротивление бесполезно, отвязала саблю, отшвырнула ее и с распростертыми руками бросилась к алтарю, как бы вверяя себя божьей воле. Тут ее и взяли в плен ворвавшиеся в церковь солдаты.

Над участниками восстания была учинена жестокая расправа. Искали среди пленных Алену. Переодетую в мужское платье старицу хотели скрыть. Но пленный повстанец, которому обещали сохранить жизнь, выдал ее.

Ее вели на казнь рядом с отцом Саввой. Видя, как она мужественно держится, тот обнял ее и прошептал запекшимися губами: «Прости, что не уберегли тебя». Когда отец Савва был уже в петле, Алена шагнула вперед, волоча за собой цепь, к которой была прикована, перекрестилась и громко сказала: «Бог с тобою, праведный брат мой!»

Алена не дрогнула, когда услыхала обвинение в колдовстве и приговор: сожжение заживо. Арзамасский протопоп, выслуживаясь, простер в ее сторону крест и воскликнул:

— Кайся, колдунья!

— А не в чем мне каяться, — ответила Алена. — Ладно я воевала.

Она поклонилась во все стороны народу и пожелала, чтобы сыскалось поболее людей, которые бились бы так же, как она, тогда, наверное, не одолели бы их. Потом спокойно вошла в сруб и легла на костер.

Пушкин назвал Степана Разина поэтическим лицом русской истории. Эти слова равно можно отнести и к старице Алене.

«Божественные» камни: правда и вымысел

ГОРНЫЙ ХРУСТАЛЬ

В. СУПРЫЧЕВ,
кандидат геолого-минералогических наук

ДВАДЦАТЬ ТРИ ВЕКА назад жил в Эресе и Афинах ученик и последователь Платона и Аристотеля Тиртам, известный в науке под именем Теофраста («богоречивого»). Автора знаменитой девятитомной «Истории растений» называют «отцом ботаники». Но Теофраста интересовали не только растения, но и камни. В его трактате «О камнях», где приведены довольно точные сведения о 16 минералах, сообщается, что горный хрусталь — это переохлажденный лед, навсегда утративший способность таять. Теофраст называет его «кристаллос», что в переводе с греческого означает лед.

Сейчас словом «кристалл» называют все твердые тела, независимо от их химического состава, с упорядоченной внутренней структурой, которая проявляется во внешней симметрии граней, ребер, вершин.

Легенда о том, будто замороженный или долго пролежавший на горных вершинах лед превращается в камень — хрусталь, жила очень долго. Ее повторяют Гомер и Плутарх, Аристотель и Сенека. Римляне считали хрусталь символом скромности, целомудрия, чистоты и полагали, что он может образовываться только среди льдов и снегов Альп. Эту версию поддерживал и Плиний: «Из небесной влаги и чистейшего снега должны рождаться хрустали». Много веков трактат Плиния пользовался непререкаемым авторитетом. В «Книге о камнях» Марбод Реннский (1035—1123 гг.) писал: «Чистый кристалл — это лед, отвердевший за долгие годы». В Японии кристаллики горного хрусталя считались замерзшим дыханием Белого Дракона. В Китае и Японии лед и хрусталь назывались одним словом.

Лишь в XVII веке английский физик и химик Роберт Бойль сравнил плотность горного хрусталя и льда и убедился, что горный хрусталь — минерал кварц, не имеющий с замерзшей водой ничего общего, кроме прозрачности.

Впрочем, некоторые основания принимать прозрачный кварц за лед у древних все же были. Горный хрусталь не только чист и прозрачен, как родниковая вода, но и холоден на ощупь. Попробуйте взять в руку хрусталь и кусок стекла — и вы сразу определите, где камень. Хрусталь остается холодным, а стекло в руке нагревается. В Древнем Риме богатые женщины и патриции для охлаждения в зной использовали выточенные из горного хрусталя шары, холодные, как утренняя роса.

Чтобы убедиться в подлинности горного хрусталя, ювелиры и археологи прикладывают его к щеке — ощущение прохлады говорит о том, что это настоящий камень, а не стеклянная имитация.

Минерал этот встречается в пустотах горных пород в виде хорошо оформленных и изящных кристаллов с зеркально гладкими и блестящими гранями. Кристаллизуется он в виде удлиненных шестигранных призм с заостренной пирамидальной вершиной, похожей на отточенный карандаш. «Горный хрусталь обладает нежностью воздуха и чистотой воды... Удивительно, какие встречаются у хрусталя естественные формы! Куски его бывают похожи на пешки нард и шахмат, восьмигранные и шестигранные, точно выточенные искусственно», — писал в XI веке великий ученый Востока аль-Бируни. Долго можно любоваться естественными композициями из сростков кристаллов. Только волшебнице природе под силу создание таких совершенных форм и пропорций. Именно с изучения кристаллов горного хрусталя, измеряя которые датский ученый Николай Стено в 1669 году установил закон постоянства углов между соответствующими гранями, началась новая наука — кристаллография.

Благодаря высокой твердости, блеску и чистоте горный хрусталь еще за много веков до нашей эры стал не только отличным материалом для различных камнерезных изделий, но и предметом поклонения.

В музее американских индейцев в Нью-Йорке хранится знаменитый «Череп смерти» верховных жрецов майя, найденный в 1927 году американским археологом Ф. А. Митчелом-Хеджесом при раскопках Лубоантуна — «Города упавших камней» — в джунглях Гондураса. Мастерски выполненный из прозрачного кристалла кварца с газово-жидкими включениями, он зеркально отполирован. Выточенные внутри линзы и полые каналы создают поразительный световой эффект — помещенная внизу горящая свеча струит из глазниц тонкие лучи. С помощью «Черепа смерти» жрецы майя могли гипнотизировать людей. Существует версия, что его сделали вавилонские или египетские мастера, а неизвестные мореплаватели доколумбовой эпохи привезли его в Центральную Америку и здесь он попал в руки умельцев майя. Один эксперт-минералог сделал такое заключение, изучая уникальное культовое изделие из горного хрусталя: «Проклятая штуковина просто не должна существовать на свете. Те, кто ее высекали, не имели ни малейшего представления о кристаллографии и совершенно игнорировали оси симметрии. Она неминуемо должна была разлететься при обработке». В который раз приходится поражаться непостижимому мастерству древних умельцев.

Жрецы ацтеков утверждали, что их бог Тецкатлинок (Сияющее зеркало) имел магическое зеркало, в котором он видел все происходящее в мире. Этот своеобразный «телевизор», видимо, был выточен из обсидиана или горного хрусталя.

Еще на заре истории индийские маги, а затем ассирийские и вавилонские халдеи, жрецы-прорицатели Древней Греции и Рима знали «магические» шары из горного хрусталя. Кристаллы и хрустальные шары употреблялись и в средние века для «вызывания» духов во время спиритических и гипнотических сеансов. Знаменитый алхимик Парацельс (1493—1541 гг.) составил трактат «Как заклинать кристаллы, чтобы в них можно было видеть все». Доктор Фауст, чье имя обессмертил великий Гёте, в своем труде о магии «Адское принуждение» описал способ изготовления из горного хрусталя магических шаров.

Линзами из хрусталя древние мастера пользовались при тонких ювелирных работах; с их помощью прижигались раны и воспламенялись священные жертвенники. Лупа в виде полусферической линзы из горного хрусталя, найденная в погребении IX века на реке Афипс, хранится в музее истории Грузии в Тбилиси.

Подобная линза из захоронения викингов V—VIII веков находится в Стокгольме. В древности тибетцы через хрустальные шары облучали раны воинов. Раны быстро затягивались, и в этом нет ничего необычного. В отличие от стекла, кварц свободно пропускает ультрафиолетовые лучи, антисептическое действие которых общеизвестно. Кому из нас не приходилось испытывать на себе живительное действие «горного солнца» — ртутно-аргоновой лампы с оболочкой, выплавленной из горного хрусталя.

В эпоху Возрождения из этого минерала вырезали чаши, бокалы, светильники, флаконы, печатки и другие изделия. Их украшали резьбой, инкрустировали золотом. Позднее научились гранить хрусталь и использовать его в качестве вставок в перстни, браслеты и кулоны. В средние века его вправляли в короны монархов наряду с изумрудом и рубином. Скипетр шотландских царей был увенчан хрустальным шаром. Иногда под прозрачную выпукло-отточенную хрустальную вставку подкладывали цветную фольгу, и тогда камень в украшении становился похожим на дорогие самоцветы. Из известных хрустальных поделок можно назвать экспонат Эрмитажа — лампу работы X века, самовар Петра I, хранящийся в Оружейной палате Кремля, а также флейту, подаренную Наполеоном Бонапартом знаменитому флейтисту Друэ.

Природный горный хрусталь еще в XVII веке был почти полностью вытеснен из художественных ремесел искусной имитацией — хрустальным стеклом. Его варят из особо чистого кварцевого песка, измельченных обломков кристаллов кварца или чистейшего кварцевого стекла с добавкой свинца и других компонентов. Современная наука и техника широко используют замечательные свойства этих кристаллов. Люди научились искусственному изготовлению их в заводских условиях.

Камень жрецов и спиритов сегодня служит только земным целям. Его свойства и особенности изучены и объяснены — прозрачная чистота, строгая симметрия граней и плоскостей уже не вызывают суеверного восторга и поклонения. Так бывает всегда, когда пытливый человеческий ум докапывается до глубины строения и свойств веществ, составляющих окружающий нас материальный мир.

г. Симферополь

Литература, искусство

МОИ МОСТЫ

Рисунок Р. Авотина.

РОМАН

Евгения СЕРГИЕНКО

Роман «Мои мосты» Евгении Сергиенко — произведение автобиографическое. Путь героини романа Валентины Лебеденко по дорогам Великой Отечественной войны — это путь самого автора. Мостовики не совершают ратных подвигов, битвы задевают их лишь отчасти, но на их долю достался тяжелый труд, иной раз под бомбами, часто на неразминированных берегах рек. Труд важный, потому что мосты связывали стальные магистрали, по которым к фронту доставлялось все необходимое.

Но помимо труда, помимо опасностей, которым подвергались на войне железнодорожные войска, автор открывает нам еще одну область страданий и подвига — сферу духа, сферу человеческих взаимоотношений, нравственную сторону животворного общения с людьми, которых военные сводки называли гражданским населением. Оно, это гражданское население, на защиту Отечества отдало своих отцов и сыновей, отдавало проходящим советским войскам все, что имело. Валя Лебеденко живет то в одной, то в другой семье, то в белорусской, то в украинской, в зависимости от того, по какой земле движется фронт. И во всех семьях ее привечают как родного человека.

Мосты в романе — это не только те железнодорожные сооружения, в восстановлении которых участвует чертежница Лебеденко. Это и те воспоминания, возвращения в детство героини, которые дают читателю возможность понять поступки и волнения вчерашней студентки-первокурсницы, идущей фронтовыми дорогами по Белоруссии, Польше, попадающей затем на Дальний Восток, в Маньчжурию...

Слово «судьба» в словаре русского языка объясняется как «стечение обстоятельств». Жестоким обстоятельством стало для всего советского народа фашистское нашествие, судьбою миллионов наших соотечественников сделались война и фронт. Кто скажет теперь, сколько вчерашних студенток и школьниц, ушедших на войну, вернулись—какая, большая или меньшая, часть? Героине романа тоже пришлось на фронте хоронить близких, познать горечь утрат. Но как ни тяжко складывается жизнь, никаких скидок на войну, на «стечение обстоятельств» — на свою судьбу — Валентина не делает. Она не воспринимает судьбу как некую мистическую силу, будто бы стоящую над человеком, предопределяющую его жизненный путь. Судьба Вали и на войне зависит от самой Вали и от тех, кто рядом с нею. Она уверена в одном: в любых ситуациях надо быть тем, кто ты есть. Фронтовые мосты привели ее к мирной жизни. Валентина Лебеденко вернулась на студенческую скамью. Она выстояла, как выстояли миллионы наших соотечественников, как выстоял советский народ.

Ольга КОЖУХОВА,
лауреат премии имени М. Горького

Журнальный вариант.

МОСКВА, 1946-й

Снежок срывается нехотя, мягкий и ласковый. Ветки, уже не черные, а темно-фиолетовые, замерли, прислушиваются. Ждут. Ком снега падает с дерева, и ветка вздрагивает от неожиданности, роняя густой снегопад.

Мои сапоги скользят по подтаявшей дорожке. Передавали утром по радио, что днем будет плюс два. Скоро март.

Я иду по Цветному бульвару следом за высоким летчиком, старшим лейтенантом лет двадцати трех. Иду давно, от площади Коммуны, и он не знает, что я шагаю у него за спиной. Я долго ждала троллейбуса, дождалась, а в это время мимо остановки шел летчик, очень похожий на тебя.

Иду и жду, чтобы старший лейтенант обернулся, — увижу его лицо и пойду домой. Но летчик не оборачивается, он шагает ссутулившись, задумался и не смотрит по сторонам. Вспоминает, наверное, войну... Я тоже всегда вспоминаю войну и часто вижу во сне, будто поданы уже машины, уже погрузили имущество штаба и техчасти, а я никак не могу отыскать свою шинель.

Ты приснился мне единственный раз.

В нашей группе почти половина фронтовиков. Мы старше остальных студентов не на четыре года, а на долгую военную жизнь. Война кончилась недавно, в прошлом году, но продолжалась она так долго, что о чем бы я ни вспоми-

нала, мне все помнится война и война...

На днях, после контрольной по немецкому языку, вся наша группа задержалась в аудитории, ребята попросили каждого фронтовика вспомнить самый страшный бой или самый значительный боевой эпизод. Я вышла к доске последней, начертила береговую эстакаду, консольный кран, опускающий металлическое пролетное строение на деревянные опоры, и сказала, что не было у меня страшных боевых эпизодов, но я могу объяснить, как восстанавливают разрушенный взрывами железнодорожный мост. Я служила чертежницей в технической части мостового батальона железнодорожных войск.

Студенты слушали меня внимательно и задавали вопросы. Институтская многотиражка на следующий день поместила коротенькую заметку о том, что на механическом факультете участники Великой Отечественной войны провели интересный вечер воспоминаний. В. Лебеденко содержательно рассказала о применении строительной техники на восстановлении железных дорог.

...Летчик обернулся на Трубной площади, застенчиво спросил:

— Скажите, пожалуйста, девушка, какой трамвай идет до улицы Осипенко?

— «Аннушка», — ответила я не сразу, потому что пристально разглядывала его лицо.

Он вопросительно смотрел голубыми в золотисто-коричневых крапиночках, как у тебя, глазами, потом кивнул и произнес:

— Николай, — и торопился стянуть с правой руки тугую перчатку.

— Не снимайте. «Аннушкой» в Москве называют трамвай «А».

Я повернулась и ушла обратно к деревьям, терпеливо ожидающим весну.

Стиснув зубы, чтобы не заплакать, я втянула в себя воздух, а он собрался комком в горле и душил меня. Тупые носки неизносимых кирзовых сапог загребали снежную кашу, я устала, как от долгого пути по снежному полю, слезы застилали мне глаза. Я села на скамейку, ругая себя. Ну с какой радости накрасила я сегодня ресницы? В первый раз за всю жизнь накрасила, а теперь тушь раскиснет и потечет по щекам.

Иду мимо рынка и думаю о хлебе насущном, о картошке, о продовольственных карточках... И вдруг вижу у тротуара пустую полуторку и направляюсь прямо к ней. И, как очнувшись ото сна, удивленно останавливаюсь. Зачем мне влезать в грузовик?

...Голубая полынья размыла тучи, и на бульвар, на улицу, на меня выплеснулся с неба теплый весенний свет. Скоро ледоход начнется на реках — опасное время для деревянных мостовых опор. Временный железнодорожный мост рассчитан на десять лет. Может простоять и двадцать, и пятьдесят. Сломают в запланированные сроки деревянные опоры, возведут вместо них постоянные, вечные, из бетона и камня, и не останется на земле ни одного моста из тех, что восстанавливал наш батальон. А на сколько рассчитана память? Сколько времени я буду помнить войну? «Всю жизнь», — отвечаю я себе. Значит, и тебя не забуду всю жизнь.

1-й БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ, 1944-й

Небо серое и тяжелое. Грузная туча придавила к горизонту край леса.

Жидкая и вязкая, вперемешку со снегом грязь чавкает под ногами, цепко ухватывает сапоги. Я устала и тащусь последней. Проселок тих и пустынен. Сумеречно белеют по обе стороны снежные поля с черными пятнами прогалин и перелесков. Весна расквасила обочины, развезла дороги.

— Не потерялась, Валя? — спрашивает, обернувшись, сержант Корсаков.

А я молчу. Ветер бьет в лицо. Постромки вещевого мешка давят плечи. Хочется прислониться к какому-нибудь столбу, немного постоять. Я уже мысленно вижу ту теплую, неизвестную мне хату, добрую хозяйку, у которой мы скоро остановимся на ночлег.

Но вокруг ни огонька. Тьма густеет, надвигается на дорогу. Глухо и одиноко ударило за лесом и затихло, — впереди Днепр, город Жлобин, — а в нем, наверное, камня на камне не осталось. Там фронт... Немцы крепко держатся за этот важный для них железнодорожный узел.

— Не отставайте, примадонна!—острит по старой привычке Эдик Сыркин, наш бывший конферансье.

Все мы — бывшие артисты, — пятеро парней из музыкантского взвода и я, возвращаемся из длительной командировки, с фронтового смотра художественной самодеятельности, идем в деревню Осинновицы, куда неделю назад передислоцировался наш мостовой батальон Энской бригады железнодорожных войск.

Деревня Осинновицы находится в километрах в двадцати от Жлобина, а значит, и от Днепра. Наш батальон заготавливает сейчас элементы для днепровского моста. Как только город будет освобожден, в тот же день начнется восстановление разрушенного противником объекта. Многопролетный железнодорожный мост через Днепр еще цел. Металлические пролетные строения на каменных опорах и незыблемых береговых устоях могли бы простоять сто лет. Но когда немцы начнут отступать, то обязательно его взорвут. Они рвут за собой все большие и малые мосты...

Мне уже пришлось видеть Гомель. Когда разрушенный многострадальный город отбили у врага, железнодорожного узла не существовало. Ничего не было! Ни депо, ни водокачек, ни блок-постов, ни складов... Все, от пакгаузов до стрелочных будок, — немцы сровняли с землей. Путеразрушитель — машина, похожая на огромный плуг, проехала по рельсам, выкорчевывая, разламывая за собой шпалы... А рельсы, не жалея взрывчатки, немецкие минеры рвали на мелкие куски. Полевая жандармерия и эсэсовские части поджигали дома, прочесывали улицы, угоняли жителей с собой.

Погребов и окопчиков немцы боялись, и если замечали в них какое-то движение, намек на присутствие живой души, то, не окликая, не предупреждая, бросали туда гранаты.

Как бы оккупанты ни разрушали деревню или город, жители сразу же, следом за красноармейцами, возвращались на родное пепелище. Пускай сырая землянка, погреб, но на своей родной земле!

А мой родной дом цел и невредим, он далеко отсюда, на берегу Каспийского моря, в маленьком пыльном городке, где живут мать и бабушка. Другой мой дом в Москве, в узком переулке возле Каретного ряда. В коммунальной квартире на шестом этаже я жила у своего дяди Алеши, приехав к нему за год до войны. Мой отец и все дядья работали на железной дороге, я обязана была соблюсти традицию, как сказал Алеша и пошел вместе со мной относить заявление в Институт инженеров железнодорожного транспорта.

Алеша тоже прошел положенный коренному железнодорожнику путь — от смазчика до паровозного машиниста, но, отслужив в армии, поступил на рабфак юридического института в Москве, и через несколько лет Алексей Иванович Громов стал прокурором. Он родной брат моей родной матери Глаши. Я плохо ее помню, но все говорили мне, что была она скромной, доброй и очень красивой. Только мать моя Тося, при упоминании о Глашиной красоте, пожимала плечами.

О Тосе, что она неродная мне мать, я никому не говорю, а с ней никогда не говорю о Глаше. Ее большие фотографии на темном плотном картоне спрятаны в комоде. Изредка, когда приходила к нам в гости проведать меня бабушка Громиха, карточки эти вынимали, раскладывали на столе, и на них начинали капать бабушкины слезы. Глаша умерла от скоротечной чахотки двадцати трех лет, а мне тогда было четыре года. Смутно помню тревожную суету, белый халат доктора, запах лекарств. Чьи-то руки быстро схватили меня, внесли в полутемную комнату, приблизили к кровати. Глаша не поднялась, а еле-еле подняла навстречу мне руку и нарисовала что-то в воздухе.

Я похожа на отца и немножко на Тосю. Кто не знает, тот не догадается, что она мне мачеха. Бабушка Лебеденчиха говорила, что дочке в мать выбрал Петр вторую жену — смуглую, черноглазую, черноволосую. А у Глаши, как у всех Громовых, были голубые глаза и русые волосы. Вспоминать о ней любил Алеша. Я не называла его дядей. Он самый младший из всех детей Матрены Степановны. Их у нее было шестеро — трое сыновей и три дочери. Сын остался один—Алексей. Жив ли он? Майор юстиции А. И. Громов, служивший прокурором такой-то стрелковой дивизии, числится с августа сорок первого года пропавшим без вести...

...— Примадонна, вы что, уснули на ходу? — спрашивает Сыркин, а я не удостаиваю его ответом, думая о том, что, может быть, оттого я уцелела на войне, что умирающая мать меня благослови-

ла? И если жив еще где-то в северных лесах мой отец, арестованный в жестоком тридцать седьмом году, то и он мне желает счастья.

Вот и деревня. Виден свет в окнах. Пахнет печным дымом, подгорелой картошкой. Ребята поскидали автоматы, повесили их на колья плетня, с наслаждением закуривают. Я не курю. Бойцу Лебеденко вместо положенной пачки махорки выдают раз в неделю кулечек сахарного песку — сто граммов.

Хата, приютившая нас, была маленьким бревенчатым раем. Горела коптилка, сделанная из гильзы от снаряда, белела на столе старенькая домотканая скатерть.

— Какая же она у вас дробненькая, — жалеет меня хозяйка.

— Обман зрения, мамаша, — отвечает Гришка. — Не она дробненькая, а это мы все высокие и красивые.

— Ты вон, сынок, вымахал, притолку не сшиби, а глянь, какой тощий. Плохо вас кормят? — женщина вздыхает, берет пустое ведро и лезет в подпол за картошкой. И вот уже на припечке под чугуном пылает, потрескивая, яркий костерчик. Хозяйка приносит из сеней миску с капустой, я достаю из вещмешка банку тушенки, буханку хлеба — все, что осталось из нашего пайка. Лешка, слесарь из техроты, так и не отмывший за время артистической службы чумазых пальцев, вынимает из футляра аккордеон и тихо наигрывает. Женщина опускается на лавку и, часто заморгав, подносит к лицу передник, но, передумав плакать, раздвигает губы в улыбке, собирая веселые морщинки у светлых глаз, а глаза ее сами, без слез, плачут...

Ребята легли на соломе на полу. Мне хозяюшка постелила на печке. Ровный, натуженный гул проплывает в небе. Ухает и раскатывается где-то очень далеко. А может быть, на земле и в небе все тихо и война мне снится?

— Спи, спи, — различаю я во сне хозяйкин голос, слышу, как она слезает с печи. — Дров принесу. Светает. Затоплю, не пойдете ж вы голодные. Скрипят в сенях доски, тянет холодом, хозяйка возвращается с охапкой поленьев, а от них пахнет снегом и лесом. — Подморозило, — говорит она и осторожно опускает поклажу на пол, чтобы не разбудить ребят. — Легкая вам будет дорога с утра, а потом опять развезет. Так весна уж!

● В моем родном городе весна приходит с гор. Тает снег на ближней вершине, отчетливее видны сакли двух аулов: налево, повыше от крепости — Джалган, направо от нее — Сабнава. Город начинается на горе у цитадели. Две мощные крепостные стены, спускаясь к морю, перегораживали узкий, шириной меньше двух километров, проход между отрогами Кавказского хребта и Каспийским морем. Кровавые битвы на протяжении всей истории города бушевали у его стен. Все захватчики именовали его по-разному, но с одинаковым смыслом: Узел ворот — по-персидски, Ворота ворот — по-арабски. Монголо-татары называли Железные ворота. Я была счастлива, что родилась здесь, что родина моя — именно этот наипрекраснейший кусок мира, раскинувшийся от крепости на горе до песчаного, залитого солнцем, морского берега. Умытое, радостное солнце моего детства вставало из-за розово-голубой глади моря, совершало путь над дворами, пыльными улицами, тенистыми переулками, виноградниками и опускалось за второй крепостью, смутно видневшейся на гребне горы.

...Немцы планировали выйти к Баку тем самым древним путем вдоль Каспийского моря, каким когда-то надвигались монголо-татары. Однако фашисты смогли дойти лишь до Моздока, переправились через Терек, и здесь их остановили. Фронт стоял совсем близко от Владикавказа, но к побережью Каспия противник не пробился.

ОСИННОВИЦЫ

К деревне мы вышли в сумерках, когда уже кое-где в занавешенных окнах пробивались огонечки. Не зная еще, в каком доме буду жить, какой порог переступлю и попрошусь на квартиру, я уже испытывала облегчение. Вот сейчас приду, разденусь, разуюсь, положу мокрые портянки сушиться на печь, а сама лягу на лавку и буду лежать и слушать сползающую с меня усталость.

Утоптанная тропинка сворачивала с деревенской улицы во двор хаты, где разместился штаб батальона. Сени щелястые, темные, в них ветер и гололед, зато в комнате за высоким порогом тепло и светло. Печка топится, дверца ее распахнута, и оттуда торчит длинное полено, а на нем танцует пламя.

Часовой у развернутого знамени, охраняя честь и славу батальона, приветствует меня улыбкой. Это Сеня Кулешов, мой частый молчаливый собеседник. Он, стоя на посту, слушает то, что я ему говорю, но сам не имеет права ответить, произнести хотя бы слово. Секретная часть штаба отгорожена мешковиной, там слышны голоса: строго насмешливый начальника штаба майора Платонова и виновато-возмущенные сержантов Маркина и Зыкова, штабных писарей. Энша песочит своих молодцов.

Кулешов громко кашляет, желая привлечь ко мне внимание рядового Гершмульского, сидящего спиной к двери. Гершмульскому пошел пятый десяток, он вдвое старше меня, но мы с ним не только сослуживцы по техчасти, мы — лучшие друзья. Он щелкает на счетах: умножает человеко-часы на кубометры, составляет сводку работ за день.

— Валька! Вы вернулись?

Я киваю, сажусь на ближайший табурет, но тут же вскакиваю, потому что входит командир батальона подполковник Дорошевич, за ним майор Бабак, помощник комбата по технической части, мой самый старший начальник. Появляются из-за мешковины Платонов, Маркин и Зыков, все вытягиваются перед комбатом. Я его боюсь и стараюсь как можно реже попадаться ему на глаза. Неулыбчивый, немногословный, он всегда и всем недоволен. Высокий, сухощавый, туго застегнутый в шинель болотного цвета, какой больше нет ни у кого, Дорошевич стоит над всеми особняком. Даже высокое начальство из штаба бригады или еще выше — из Главного управления трепетало, как нам казалось, перед нашим батей. Комбат был кадровый офицер и кадровый мостовик.

Батя прошел, будто никого и ничего не замечая, и вдруг, ни к кому не обращаясь, бросил на ходу:

— Девица вернулась?

Девица — это я. Мне обожгло щеки жаром, а все с улыбкой посмотрели на меня.

— Когда прибыли? А почему не доложили? — произнес скороговоркой майор Бабак. А инженер-капитан Калашнин, войдя вслед за ним, поздоровался на свой манер:

— Выставили вас из актрис? Ну и поделом. Не лезьте в легкую жизнь.

— Разогнали всю труппу, Валерий Геннадиевич! — выкрикнул Маркин, а его дружок Зыков дополнил:

— Из-за нашей Лебеденки прогорел театр. — Это были лишь цветочки из того пышного букета, каким штабные злословы готовились осыпать меня.

Старший инженер батальона Калашнин — мостовик до мозга костей. Он может сколько угодно говорить о мостах, восторгаться ими, а мне однажды вместо похвалы сказал, что после войны возьмет с собой на строительство капитального моста.

— Чертова перечница! — произносит Калашнин непременный свой комплимент, относящийся только ко мне. — Идите, отдыхайте, а с утра сразу же за работу.

Где мне отдыхать, Калашнина не интересовало, он отдал приказание и ушел. Я и не беспокоюсь о ночлеге, была бы деревня.

— Актриса прибыла, а где восторженная встреча и бурные аплодисменты? — начал Юрка Зыков, подавая реплику Маркину. Тот спросил, недоумевая:

— Почему же талант перестал привлекать поклонников?

— Звезда, может быть, закатилась? — предположил его приятель. — У талантов часто бывает так.

Начальство удалилось, и вот штабные острословы принялись за меня. Отношения у меня с ними сложные. Иногда, правда очень редко, я думаю, что Маркин и Зыков относятся ко мне хорошо. Но иной раз — пропади они оба пропадом, и я тоже не остаюсь в долгу. Гершмульский в таких случаях уговаривает:

— Не обращайте на них внимание, Валька, они же безобидные брехуны.

Зыкову Юрке двадцать четыре года, а Маркину тридцать, и его величают Кузьмичом. Называть друг друга по батюшке — обыкновение в нашем штабе, но, разумеется, не для всех. Комбата не называли, не смели, и еще неизвестно, как бы он на эту вольность посмотрел. Меня тоже часто окликают Валентиной Петровной, подчеркивая этим обращением мою принадлежность к суетливому и злословному штабному семейству, в котором я единственная дочь. Но мне хочется, чтобы меня принимали всерьез и не изводили насмешками. Выплакиваюсь изредка и без свидетелей. Маркин и Зыков говорят, что я, тихая девка, отбрешусь и от двадцати кобелей, и считают мое присутствие в штабе исключительно важным для их упражнений в зубоскальстве. Оба они по образованию техники и кадровые служаки, призванные в железнодорожные войска в тридцать девятом году и не успевшие демобилизоваться в сорок первом. Таких в батальоне больше половины.

Гершмульский старается убедить меня (и порой достигает цели), что Маркин и Зыков очень хорошие люди, но из скромности и мужской застенчивости маскируют свои дружеские чувства ко

мне. Тщательность, с какой их маскировал Маркин, вгоняла меня в краску. Но сейчас в штабе, в своем закутке, находится майор Платонов, и поэтому мне не грозит опасность потерять испеченные от стыда уши.

Я ушла бы уже искать жилье, но нужно доложить о своем прибытии начальнику штаба майору Платонову. Это человек, которому не безразлична моя судьба: как живу сейчас, как стану жить дальше. Все свои поступки я примеряю к мысли «а что скажет Платонов?».

— Вы гадкий утенок, — сказал он мне, когда больше никто не слышал. — Не забыли мудрую сказку? Будьте сильнее обстоятельств. Не верьте, что в армейских условиях девушка должна быть грубой. Слушайтесь меня, я ваш духовный отец, хотя вы и не назначали меня на эту должность. Можете не записывать моих нравоучений, но запоминать их старайтесь.

Мой духовный папа вышел наконец из-за мешковины, и я доложила ему о своем прибытии.

● Калитка распахнута, дверь в сени тоже. Я постучала, и несколько голосов разом ответили:

— Входите!

Две девушки и мальчик лет тринадцати едят дымящуюся картошку, насыпанную аппетитной горкой прямо на столе. Горит керосиновая лампа. Невысокая худая женщина наливает из глиняного кувшина в стаканы молоко.

— Вы кого-нибудь ищете из своих? — спросила она, поставив кувшин.

— Нет, я к вам. Если примете, — несмело произнесла я и прислонилась к косяку, готовая терпеливо ждать ответа.

— Примем, примем! — отозвался первым мальчик и вопросительно глянул на мать.

— Сын мой! Не встревай поперед матери, — сказала она и распорядилась: — Снимайте шинелку, вешайте вон на тот гвоздик и садитесь с нами есть бульбу, пока не остыла.

— Где у вас можно руки помыть? — спросила я, полезла в вещмешок за мылом и увидела, что нечего мне положить на гостеприимный стол.

— В хате мойте, а то в сенях темно. Вы там без привычки и рукомойника не найдете, — сказала старшая девушка, вылезая из-за стола. — Я сейчас полью вам над цыбаркой.

— Клава, ты горяченькой разбавь из чугуна, — сказала мать. — Зазябли, небось, пальцы без рукавичек.

— Вот мои варежки, — показываю я большие байковые солдатские рукавицы с отделением для указательного пальца.

— Такие страшенные.

— Да что вы, мама, — не согласился сын. — Они очень хорошие дрова колоть.

— Ну, то добре.

Я вынимаю полкуска серого хозяйственного мыла. Клава, рослая, пригожая, с золотистыми веснушками на носу, подходит к печи, отодвигает заслонку и зачерпывает из чугуна. Горячая вода ощутимым благом льется мне в ладони. Набираю полную пригоршню, мою лицо.

— Постойте, — говорит Клава. — Я вам личное дам. — Привстав на цыпочки, достает сверху, с печи, желтый кусочек мыла. — Вот, умывайтесь душистым.

И вот уже с наскоро приглаженными волосами сижу за столом между Клавой и Дусей, ем необыкновенно вкусную, сверкающую горячим инеем бульбу. Картофелины, крупные, мягкие, рассыпчатые, запиваю молоком, крохотными глоточками, чтобы надольше хватило.

О, будь благословенна во веки веков добрая и щедрая страна Белоруссия, вскармливающая меня бульбой, вспаивающая молоком в трудные, несытые военные годы. Я в неоплатном долгу у тебя, многострадальная Беларусь, сумею ли расплатиться?

Вошел высокий бородатый мужчина в треухе, в теплой куртке, валенках. Поздоровался, и по его улыбке сразу стало видно, что все дети, все трое, больше похожи на него, чем на мать.

— Да у нас гости, — добродушно заметил он.

— То не гости, отец, — возразила хозяйка. — То нам бог послал третью дочку.

Я с полным ртом закивала: согласна в дочки.

— А как же зовут нашу третью дочку? — спросил отец.

Все посмотрели на меня, потом друг на друга с вопросительным смущением. Может быть, гостья сказала, как ее зовут, а они не расслышали или забыли? А я, чувствуя себя виноватой (уселась есть и по имени не назвалась), торопилась проглотить, чтобы ответить. И чуть не подавилась от смеха, потому что мальчик произнес:

— Вы, папа, сегодня дюже любопытный.

Девчата уткнулись в стаканы, захихикали, затрясли плечами. Отец не рассердился. Было похоже, что он подумал: «А кто его знает, может, и правда неловко спрашивать?»

Большой, с кудрявой бородой, с красиво посеребренными волосами, хозяин стоял посреди хаты, как ее опора. Вот почему, оказывается, они все в этом доме такие веселые. У них есть отец! Вся семья дома, все живы — это же редкое, это великое счастье!

Отужинали. Варвара Васильевна прибрала со стола, вымыла стаканы. Дочки переоделись за занавеской в углу, причесались перед зеркальцем, висевшим в простенке. Нарядные, румяные, девчата натянули пальтишки, намотали платки и убежали на танцы. Звали и меня, но мне хорошо было лежать босиком на байковом одеяле, постланном на широкую лавку. Сапоги, вымытые и вытертые, сушились на печке.

— Сын мой! — обратилась я к Геньке, мне понравилось, как торжественно называла его Варвара Васильевна. — Что же ты, молодой кавалер, не идешь на гулянье?

— Мать моя! — ответил паршивец мне в тон. — Вы ведь тоже не старая, а улеглись возле печки.

— Иди, дочушка, — сказала хозяйка, — веселись, танцуй, пока молодая. Сколько же мы тут страху и горя пережили, не чаяли и живыми остаться, а вот дождались счастливой поры, смеемся да танцуем.

— Иди, иди, Валя, — подал голос хозяин, отмечающий делянки и кубометры в толстой конторской книге здешнего лесничества, где он работал лесником. — А то вот так будешь возле печи сидеть, да и засидишься.

Будто в родной семье, прожила я у Алексеенковых почти месяц...

● Каждый мой чертеж подписывает начальство техчасти: инженер-майор Бабак или инженер-капитан Калашнин, старший техник-лейтенант Шония или техник-лейтенант Силков, а в особо важных случаях сам комбат, подполковник Дорошевич. Но неизменно на чертеже присутствует моя подпись: «Чертил красноармеец Лебеденко». Подписывая, я часто вспоминаю отца. Когда я впервые увидела, как поднимают обрушенный взрывом кусок фермы, мне сразу же представился наш старый семейный альбом. Больше всего в нем было фотоснимков, запечатлевших унтер-офицера Петра Лебеденко и его товарищей, восстанавливающих железную дорогу. Разломанные взрывом металлические мостовые фермы, вздыбленные, погнутые рельсы, разрушенные станционные здания... и улыбающиеся, бравые солдаты с кирками, молотками, ломами. Отец, в лихо сдвинутой на бок фуражке, стоит в центре. В первую мировую войну он служил в железнодорожном батальоне. Они тоже восстанавливали железнодорожные объекты, разрушенные германской армией. Мог ли предполагать тогда унтер-офицер Лебеденко, что у него родится дочь и тоже будет служить в железнодорожных войсках?

Рисуя готовый мост для отчета, я раскрашиваю акварельными красками картинку, изображаю воду, небо, облака, берега, — все голубое, зеленое, синее. Сначала боялась, что мне влетит за самовольное украшательство серьезного документа, но непримиримый к малейшим вольностям Бабак сказал, чтобы я всегда вклеивала в отчет страницу с видом моста в перспективе и цвете.

● Ближе к вечеру того дня, как я приступила к продолжению исполнения своих прямых обязанностей, посыльный из второй роты похвалился, что они топят баню.

— Все помылись, вся рота? — так и встрепенулась я.

— Домываются.

Баня не частый праздник, а попробуй попади. Каждая рота строит себе баню не только для мытья личного состава, но и для стирки белья. «Прачки»—двое-трое солдат лет пятидесяти стирают белье на всю роту. Они, не теряя времени, приступают к делу, как только вымоются люди. Мне, прослышав, что в такой-то роте топят баню, не всегда удается в нее попасть. Это же мужская баня, и поэтому надо успеть захватить ее в тот короткий промежуток, когда вся рота уже вымылась, а «прачки» еще не заняли помещение.

Сумерки опустились на лесную дорогу, я бегу и думаю, что хорошо бы «прачкам» пойти сейчас на ужин, а я за это время успела бы искупаться. Отдаленный веселый гомон указал мне, где следует повернуть. Выкупанные бойцы толпились с пересмешечками возле новенького сруба, светившего крохотным оконцем и приоткрытой дверью. Баня! Зачем пожаловала девушка, никто не спросил, и без вопросов понятно. Сразу нашлись охотники потереть спинку, но, не отвечая на шутки, я заглядывала в блаженное теплое нутро. Нельзя же

самовольно войти, надо у кого-то спроситься.

— Явилась, Петровна? — говорит командир второй роты. — Значит, я — строить баню, а ты — в ней мыться?

— Не наоборот же, — отвечаю я и смело поднимаюсь на порог.

Несколько голосов хохотнули.

— Тихо! — скомандовал ротный и приказал: — Дневальный! Стать к двери и никого не пускать! — и, уже совершенно издеваясь надо мной, прибавил: — Никого, кроме меня. Ясно?

Захлопнув за собой разбухшую от пара дверь, я встала, как вкопанная. Крючка на двери нет. Знаю, что не бывает (от кого бы солдатам запираться), а вот не привыкну. Села на лавку и жду, когда затихнет гомон. Ушли. Стало тихо. Я огляделась. Ах, какая чудесная баня! Две лавки, печь, котел горячей воды, ковш, чтобы ее черпать. А на высоком оконце свеча, воткнутая в гильзу. Веревка уже протянута поперек, и на ней уже сохнет пара выстиранных подштанников. Кто-то даже оставил мочалку и кусочек мыла. Вот это баня! Я расплела косы, разделась, набрала в тазик горячей воды, подошла к железной бочке, где полагалось быть холодной. Вот те раз. Ни капли. Бочка пуста. Ни на донышке! Что же делать? Одеваться и уходить?

Казалось, что вот пока я так сижу и думаю, прошло ужасно много времени и дневальный, который, возможно, и вправду где-то здесь близко, возьмет да и зайдет узнать, что это с девкой случилось, отчего она не выходит.

Вдруг к двери приближаются шаги. Дверь поддается! Я вскочила и спряталась за висевшие на веревке подштанники. Дверь раскрылась настолько, чтобы в нее пролезло ведро с водой, и басовитый, наверное «прачкин», голос сказал:

— Кипятком моешься, дочка? Позабыл я, что ребята всю холодную выхлюпали. Задуй свечу, когда уходить будешь...

Уходила я благодарная, сказала громко в темноту:

— Спасибо за баню, вторая рота! — но никто не отозвался.

А через несколько дней силами штабных подразделений в Осинновицах на задворках отгрохали две бани, пользоваться ими приглашалось и местное население. Подбрось дровишек в топку, натаскай воды в котел — и наслаждайся.

...Деревня Осинновицы приткнулась к лесу, окошки глядят на улицу, огороды упираются в ручей. От него и начинается давший деревне название густой осинник, темнеющий голыми ветками. Солнце клонится к лесу. Я иду домой на обеденный перерыв. Собственно, перерыва нет, есть обед. Часов у меня никогда еще не было, время я измеряю, как все рядовые, — отрезками от завтрака до обеда и от обеда до ужина. Юрка Зыков выдал мне сухим пайком хлеб и пшено, и я стала на довольствие к Варваре Васильевне. Но добрая хозяйка приняла бы меня и без пшена.

Белый конь, привязанный к вербе у нашего дома, бьет копытом. Варвара Васильевна, вытягивая ухватом чугун с постными щами, представила меня гостю:

— Наша Валя на обед пришла.

Лейтенант медицинской службы звякнул шпорами, встал.

— Наша часть будет дислоцироваться в Осинновицах после отъезда вашего батальона. Я проверяю санитарное состояние района, — доложил он мне.

— Проверяйте, — разрешила я.

— То я их привел, — признался Генька. — Они спросили: стоят у вас военные в хате? Я говорю не-э, у нас военная девушка одна. Они спрашивают, хорошая девушка? Я говорю, а гляньте сами, небось уже обедать пришла.

Гость ни чуточки не смутился и смеялся вместе с нами. Его приглашали к столу, но он отказался, сидел у окна и вел степенный разговор о неожиданных встречах и прочной дружбе. Матвей Егорович поддерживал его. Кавалерист пошел со мной до штаба, ведя коня в поводу.

— Каков жеребец! — восхитился Маркин, когда я вошла.

— Породистый, белый в яблоках, — сказал Зыков. — И шпорами звенит. А сколько у него звездочек, Валентина?

— Да вы что, Юра? — изумился Гершмульский. — Звездочки у жеребца?

За ужином Матвей Егорович в простоте сердечной порадовался и за меня:

— Вот увидишь, Валя, и к тебе явится ни оттуль, ни отсюль твой суженый на белом коне.

— О чем вы такое говорите, папа? — недовольно заметил Генька. — Сперва нехай закончится война.

— Ох, сын мой, — сказала со вздохом Варвара Васильевна. — Сколько их, женихов, полегло в сырую землю, что и посвататься не успели? А тех, что живыми поостаются, не хватит на всех невест. Многим девкам придется в вековухах бедовать.

...Линия фронта, которую проводит Платонов на штабной карте красным карандашом, растянулась от Балтийского моря до Черного и все дальше выгибается, вытягивается на запад, — война стремительно уходит к Германии, — туда, откуда пришла. Зима нынче сиротская, с января начались частые оттепели, погода такая, какую в служебных донесениях называют крайне неблагоприятными метеорологическими условиями, однако слякоть на дорогах и внезапные снегопады не спасают немцев от разгромных и неожиданных ударов. Сводки Совинформбюро заставляют думать, что и на нашем 1-м Белорусском тоже скоро начнется большое наступление.

Сейчас, в марте, на фронте под Жлобином тихо. Батальонная техническая разведка окопалась в блиндаже у Днепра, а к нам в техчасть поступают донесения о состоянии нашего будущего объекта — жлобинского моста. Роты вяжут рамы для свайных опор, но все хотят надеяться на невероятное: может, немцы не успеют взорвать мост?

Прибыл на несколько дней из взвода техразведки Дон Овсянников. Лицо у Федора всегда веселое, дружелюбные синие глаза. Говорят, не одна красавица потеряла из-за них голову. Но я почему-то не верю, что Овсянников оправдывает свое давнее прозвище — Дон Жуан, в котором ради краткости оставлена лишь первая часть. Старший сержант Овсянников числится писарем в штабе, а находится постоянно в технической разведке. Нет в батальоне сержанта, который не просился бы в разведку, но посылают туда не всех. И нужно тут не только техническое образование, но и наличие качеств, необходимых разведчику: соображать, в каком узле искусственного сооружения противник может заложить взрывчатку, уметь пробираться по узенькой тропиночке, проложенной через минное поле, и на ходу определить технические данные этого поля — какие могут быть здесь мины, в каком количестве. Немцы обязательно минируют все подходы к мосту.

Дон рассказал нам, что ребята из боевого охранения нашли на берегу мальчишку, который прятался от немцев в заваленном блиндаже. Убежал пацан из Жлобина, потому что там немцы угоняют всех подряд. Заставляют выходить из домов, грузят в эшелоны и увозят. Немецкая комендатура объявила по радио, что население эвакуируется в глубокий тыл для спасения от наступающих частей Красной Армии. Берите, приказывает комендант, с собой вещи, грузите на телеги и являйтесь туда, куда укажут немецкие солдаты. Берите котелки и ложки, вам будут раздавать горячую пищу. Не пытайтесь скрываться и убегать, город оцеплен немецкими войсками, кто попытается, того застрелят. Парнишка говорит, что действительно стреляли в тех, кто прятался, и в тех, кто отставал или вовсе не мог передвигаться. В городе эпидемия тифа, много больных. Отделили на сборном пункте здоровых и погнали их грузить в эшелон и отправлять в Германию. А старых, малых и тифозных грузят в товарные вагоны на другой станции и увозят неизвестно куда. Мальчишка улизнул из толпы перед самой погрузкой.

Куда увозили немцы жителей Жлобина, стало скоро известно нам. Толпа изможденных женщин и детей пришла на ночлег в Осинновицы. Угнанные немцами во время отступления, они возвращались к родным пепелищам. Были среди них и жители Жлобина, им предстояло ждать, пока освободят их город. Измученные, одетые и обутые в грязное отрепье, эти люди уже не верили, что обретут крышу над головой. Местная власть — деловитый дядечка и Матвей Егорович, распределяли пришельцев на ночевку. Алексеенковы взяли семерых.

Уставшие от длинного пешего пути, но пуще того от бездомности, стесняясь своей грязноты и нищеты, беженцы расположились на полу. Варвара Васильевна наварила большой чугун бульбы, согрела молока для детей. Постояльцы стыдливо отказывались от угощения и доставали из мешков куски хлеба, которые им понадавали красноармейцы.

— Ой, несчастные, ой, горемычные, то же самое, что с вами, могло и с нами быть, — причитала добрая хозяйка, побледневшая и постаревшая вмиг.

Этих людей освободила из лагеря, находившегося возле местечка Озаричи, наступающая стрелковая часть. Лагерь — огороженный колючей проволокой загон на болоте. Каких-либо построек или навесов не было. Заключенные лежали на мокрой земле. Пищи не было, только та, что с собой взять успели, воды не было, только та, что текла в канаве. И тут же, в этой канаве, валялись трупы умерших от тифа. Эпидемия распространялась молниеносно. Никакой медицинской помощи немцы не оказывали. Кто поздоровей, те заботились о больных, но не смели развести костер и согреть воду: всякое нарушение влекло расстрел. Охрана из эсэсовцев стерегла питомник тифозной заразы: немцы намеревались заразить ею приближающиеся советские войска, для то-

го и устраивали эти лагеря. Всего их было три, и все возле передовой линии. Знали, что красноармеец, не раздумывая, кинется на помощь, возьмет на руки больного ребенка, поможет встать больной женщине, а потом уже спросит, чем они больны.

Услышав все, я почувствовала себя виноватой перед этими людьми, хотела хотя бы чем-нибудь помочь и позвала всех мыться. Подрывники в тот день топили баню и вечером отдали ее женщинам. Но беженки не пошли. Молодая женщина с мученическими глазами в глубоких впадинах попросила выкупать ее детей — трехлетнего мальчика и девочку лет шести. Клава повела девчушку, а я взяла на руки малыша. Он привалился ко мне на плечо и не спрашивал, куда и зачем я его несу. Малыш сперва испугался воды, заплакал, а потом сам протягивал ручонки, чтобы я их мылила.

— Ах, какой хороший мальчик. Смотрите, какой он стал чистенький и красивый.

Баня освещалась лишь огнем из топки, слабый свет от которой падал в предбанник.

— Дай-ка глянуть, что оно такое тут красивое, — засмеялась Клава и вдруг заметила: — Короста на нем. Не видишь разве? Это же чесотка. Кабы не пристала и тебе.

Беженцы переночевали, а утром тронулись дальше. На меня же на следующий день напал невыносимый зуд, сыпь выступила на руках и груди.

— Чего вы так переживаете, мать моя? — успокаивал меня Генька, стараясь рассмешить. — Подумаешь, великая хворь — чесотка, она у нас у всех по деревне была. Не брали бы вы в баню того мальчишку.

— Потерпи до ночи, вылечу я тебя, — пообещала Варвара Васильевна, но терпения моего не хватило, и я побежала в соседнюю деревню, в первую роту и Маше Мухиной, младшему лейтенанту медицинской службы.

— Вот этим мылом на ночь вымоешься, вот этой мазью после мытья намажешься, — дала она наставления вместе с лекарством, но, выполнив указания, мне пришлось спать лечь на пол, чтобы не портить хозяйской постели, а утром, чуть свет, стуча зубами от холода, смывала я с себя в сенях злосчастную мазь. Весь день работалось мне плохо, я еле дождалась вечера, когда можно было уйти.

— Ну, теперь моя очередь тебя лечить, — объявила хозяйка и выволокла на припечек ржавый старый чугун. — Заварила я нашего деревенского лекарства: табак-самосад, травка кое-какая лесная, а главное, нашептала я на воду, чтобы галки-вороны с чужой сторóны унесли твою болячку. Вымоешься ночью, а сейчас еще нельзя, а то не поможет, а коли ночью, то снимет, как рукой.

Мылась я в хлеву, луна светила в прореху на крыше, и лунный луч целебным добавком, как, впрочем, и наговоренные слова, плавал в черном чугуне...

ЯНОВ

Пригревало солнце, подсыхали бурые кочки и рыжие бугорки, зеленела трава на солнцепеке, голубело небо, опрокинутое вместе с облаком в ручей. Серые плашки снега еще виднелись меж деревьев и на огородах в прошлогоднем бурьяне. По-весеннему теплым утром. Осинновицы залило солдатским гомоном, руганью, смехом, гулом грузовиков. Стрелковая часть двигалась к Днепру. А мы уезжаем, остается лишь подразделение для охраны деревянных и железных конструкций будущего моста, заготовленного впрок. Нас перебрасывают на реку Припять, где восстановление многопролетного моста уже началось. Мы будем не «хозяева», а «приданный» батальон.

Печально мое расставание с Алексеенковыми. Оставляю я их всех больными. Генька вторые сутки не слезает с печи. Варвара Васильевна еле держится на ногах. Дуся жалуется на голову и норовит прилечь.

Я заболела в пути. Ломило все тело, раскалывалась от боли голова. Ехали мы то на машинах, то в эшелоне, и вся дорога и ночевки вспоминались потом как нескончаемая головная боль. Студебеккер застрял в сосняке на песчаной дороге, и, пока машину выталкивали, я побрела к низенькой елочке недалеко от обочины и прилегла... Приснилось мне это или было на самом деле? Неужели мне было так худо, что я растянулась на холодной земле?

Остановились в темноте. Фары высветили белый ряд хат. Дверь открыла мне злая старуха, не показала, где лечь. Я сама нашла ощупью лавку, села, сбросила сапоги. Язычок слабого пламени возник в сухих жилистых ладонях, приблизился. Бабка тронула меня за плечо и поставила на столе, на выщербленных досках, тарелку с драчениками, миску с кислым молоком, а я не хотела есть.

Старший сержант с санитарной сумкой утром измерил мне температуру. «Санинструктор из роты» — подумала я. Он посмотрел на градусник и сказал:

— Ого, сильная у вас лихорадка, — и отсыпал три таблетки акрихина. — Принимайте сегодня, завтра утром еще принесу.

Старуха глядела на меня жалостливо и подвигала по неровным доскам то кружку молока, то миску с горячей бульбой, а я отворачивалась, не могла видеть еды.

Потом опять ехали. Крытый брезентом кузов колыхался с боку на бок. Меня мутило от запаха бензина и сапог. Привалясь к кабине, я еле сдерживала себя, чтобы в нее не застучать.

На станции Янов все было разрушено. Цел лишь — и то наполовину — один жилой дом. Хозяйка с тремя детьми занимает узенькую комнатенку, в ней две койки одна против другой.

Связистка Ирка, прикомандированная в техроту, забежала проведать меня и сказала:

— Малярия — это ерунда. Вон из Осинновиц приехал сегодня утром наш Морозов, говорит, что там начался повальный сыпняк.

Болела я недолго и очень удивилась, когда наш санинструктор, встретив меня у моста, сообщил:

— По-видимому, Лебеденко, и у тебя был тиф. Несколько случаев в батальоне, несмотря на своевременную прививку.

...Техчасть чужого батальона, которому мы были приданы, находилась в роще за железнодорожным полотном в довольно светлой и просторной землянке. Старший техник-лейтенант Лавров давал мне работу. Как-то он протянул через стол логарифмическую линейку и приказал:

— Сосчитайте объем лесоматериалов для всех опор.

Линейку я взяла. Не хватило у меня духу сказать, что я не умею считать на линейке. Мои начальники подобными заданиями меня не загружали. Но этому, Лаврову, что я скажу? Я в ужасе двигала туда-сюда реечку, страстно желая немедленно выучиться, — другого выхода у меня нет! Я совместила две цифры 2 и 2 и к своей радости обнаружила ответ — 4! Затем и 3, умноженное на 3, дало и на линейке 9. Лавров забыл на часок о моём существовании, а я тем временем вычислила на бумажке объем каждого бревна. Потом, действуя линейкой, искала на шкале числа — и нашла!

Старший техник-лейтенант Лавров воспринимал сидящую напротив него «приданную» чертежницу как временную неизбежность, его равнодушный взгляд скользил по бумагам, не касаясь, а возможно, не замечая меня. Вряд ли он знал мою фамилию, не говоря уж об имени. Я была для него «девушкой из мостового», и если девушки нет на месте, значит, она ушла на обед к себе в батальон или понесла чертежи на мост.

Когда мост через Припять был почти готов, Лавров сообщил мне, что батальон перебрасывают на многопролетный мост через Днепр у станции Неданчичи.

Линия фронта сейчас проходит за Мозырем, а от Янова по прямой километров восемьдесят, значит, мы в глубоком тылу. Но в здешних лесах прячутся и зверствуют бандиты, бывшие немецкие прислужники и полицаи, их по-разному — то бандеровцами, то бульбовцами — называют в каждом селе и везде избегают вести о них речь. «Га-а?» — переспросит тетка и прикинется глухой, если спросить ее о бандеровцах. Они нападают на мелкие подразделения, чаще на одиночек. Поэтому два наших взвода, комендантский и из роты Сапегина, прочесали лес и пригнали на станцию шайку бандитов. Ночь их продержали в сарае, а утром увезли в город. А наш батальон, — не все, нельзя же всех людей снять с моста, — двигался строем под звуки похоронного марша к сельскому кладбищу в реденьком сосняке. Хоронили мы в тот день двоих ребят, убитых в перестрелке с бандитами.

НЕДАНЧИЧИ

Техчасть уместилась в маленьком, тесном и темном блиндаже. Небольшое квадратное отверстие между поверхностью земли и накатом бревен слабо освещало стол, сколоченный из неструганных досок. Работала я, открыв настежь дверь. Мои начальники, придя рано утром, видели меня уже на рабочем месте. Ни одна душа не подозревала, что в этой землянке, в ста мет-

рах от моста, я не только тружусь, но и сплю.

Немецкие бомбардировщики прорывались на наш мост ночами. Сначала надвигался гул, от которого ныло в животе. Вот уже различимы урчащие голоса машин, гудит, тяжело оседая в воде, неузнаваемое, враждебное небо. Луна светит прямо на мост, и он сверху, должно быть, виден, как на блюдечке.

— Воздух! В-о-оооооо, — раздается первый тревожный крик с зенитной батареи и нарастает, катится на все голоса по обоим берегам: — Во-о-о-о-з-д-у-х! Во-ооооооо...

Погашены костры, пропал стук копров, паровоз, проворно лязгая, тащит вагоны подальше от моста. Лучи прожекторов то сходятся, то расходятся, обшаривая небо. Выстрелы орудий сливаются в сплошной многоголосый треск. Зенитки колотят каждая в свой квадрат вертикальным шквалом. Разрыв снаряда чиркает в вышине огоньком и повисает белым барашком. Их вспыхивает все больше и больше, и вот уже кудрявые облачка устлали всю высь над мостом, укрыли его собой. И вдруг тонкий, острый, ни на что больше не похожий вой, стремительно нарастая, обрывается оглушительным ударом. Бомба! Опять!.. Опять!.. Еще бомба!

Майор Курячий, пробегая вместе со старшим сержантом Савушкиным вдоль наших землянок, заглянул случайно в раскрытую дверь техчасти и неожиданно обнаружил меня.

— Ты что здесь делаешь, Лебеденко? — изумился майор, забыв, вероятно, что техчасть — мое рабочее место. — Ночью одна?

— Живу, — пришлось признаться мне. Майор разбушевался:

— Сейчас же убирайся куда-нибудь в деревню! Савушкин, проследи, чтобы она немедленно ушла!

Сашка добросовестно проследовал за мной подальше от моста.

— Двигай дальше сама, — разрешил он. И я осталась одна на краю заболоченного луга, через который и днем-то дорогу не сразу найдешь...

Я выбралась кое-как к дороге и по ней дошла до какого-то хутора, белевшего несколькими хатами подле песчаного бугра с одинокой сосной, и постучала в первую хату.

— Безобразие! Чертова перечница! Кто вам разрешил поселяться здесь, на мосту? — кричал утром на меня Калашнин. Я оправдывалась, а Силков покатывался со смеху, его веселило, что я так ловко обдурила всех.

Мои начальники думали, что я живу в деревне, где разместился штаб, а я, такая-сякая лентяйка, предпочла устроиться втихаря у моста, чем топать по десять километров каждый день.

— Вам привет от Лаврова, — сообщил Калашнин совершенно спокойно, будто и не повышал голоса минуту назад.

Передавать приветы — обычай в железнодорожных войсках. Многопролетный, или просто большой, или средний мост восстанавливают сразу несколько частей — тут и обязательный мостовой батальон, и мостопоезд, и другие части. Вот мост сдали, пустили в эксплуатацию, а восстановительные части разъехались по другим объектам. Но хорошие отношения не забылись, поэтому кто-то кому-то при удобном случае передает привет.

На «чертову перечницу» я нисколько не обижаюсь. Кроме инженер-капитана Калашнина, никто меня так не зовет. А ему позволительно, ему я прощаю, потому что вполне возможно, никто и не ценит мою работу больше, чем он. И комбат.

Однажды командирский ординарец, немолодой, степенный солдат, шагнул в землянку техчасти, когда я сидела там одна, и объявил:

— До комбата срочно требуют вашего Лебеденку.

— Вы не знаете, зачем? — робко осведомилась я.

— То комбат знает, а тебе, дочка, знать не полагается. Сбегай, поищи Лебеденку и скажи, чтобы он пулей летел.

— Хорошо, иду. Это я Лебеденко.

— Тю-уу, — обескураженно протянул дядька. — Я же думал, что лейтенант какой, — и посмотрел с обиженным недоверием, точь-в-точь, как через пять минут взглянул на меня инженер-подполковник из Главного управления.

— Я просил позвать техника, который будет заниматься общим видом, — сказал он Дорошевичу.

— Она занимается, — ответил батя. — Объясняйте ей.

Калашнин подвинулся на скамье, давая мне место, и приказал:

— Возьмите, Лебеденко, карандаш и слушайте внимательно.

Все трое глядели в «синьку», разложенную на столе.

— Смотрите сюда, — сказал чужой инженер-подполковник и объяснял, какая опора в какую сторону подвинется, так обстоятельно и долго объяснял, будто я впервые заявилась на мост.

— Забирайте, — велел Калашнин, которому тоже надоело слушать. — Снимите две копии. Одну для нас, другую, — кивнул он на гостя, — для них. Все должно быть готово к завтрашнему утру.

Едва я принялась за работу, как получила новое приказание: перебираться на жительство на левый берег к штабникам, а за чертежами завтра придет ко мне с моста связной. Все равно же связные по нескольку раз на день ходят из штаба на мост. Узнала я и о том, что уехал майор Платонов, его перевели заместителем начальника штаба бригады.

Отъезд Платонова — полная неожиданность для меня. Мне досадно, что он не нашел времени со мной попрощаться. Разумеется, я сама не была для Платонова опорой и не занимала особого места в его жизни. Все внимание ко мне происходило просто от доброты его сердца. Но сердечная доброта вовсе не обязывала принимать меня саму близко к сердцу. А я вот принимала. Каждое замечание, обращенное ко мне, каждый его взгляд, брошенный в мою сторону, были для меня значительны, и я старалась не вызывать у Платонова недовольства.

Жилье для меня на левом берегу отыскалось не сразу. Деревня маленькая, и моими однополчанами заняты все хаты. В последнем доме два крылечка, значит, две хозяйки. Одна мне отказала. Стою и думаю, куда же идти? За двором, за огородом начинался перелесок. Сосенки узкой тропкой отмежевались от картофельных полос, закудрявившихся низенькой ботвою.

— Ко мне не побоитесь? — спросила с другого крыльца приветливая пожилая женщина в белой косынке, надвинутой низко на лоб. Тифом мы со стариком переболели.

Комната просторная, весь угол от двери до окна занят кроснами — ткацким станком, а в нем заправлена основа.

— Собираетесь ткать?

— Да. Обносились мы за войну. Вот сотку холстину, покрашу и сошью себе юбку, а старику брюки. Купить материалу негде.

Всю ночь я чертила. Моя хозяйка Матрена Никитовна, когда застучали зенитки и над хатой повис вражеский самолетный гул, завесила окна.

— Опять садят по мосту, — сказала скорбно она и перекрестилась, когда ухнуло подряд несколько раз, будто где-то не очень далеко толкнули землю. — А правда то, шо солдаты работают и по ночам! И бомбами их убивает?

— Правда.

— Боже ж мой! Як же ты там жила, на Днепре, возле такой страсти? Шла бы сразу сюда до меня.

Чертежи были готовы к рассвету. Я сняла с окна тряпку, загасила лампу. Матрена Никитовна поднялась с полатей, велела мне:

— Теперь поспи. Ложись на мое место, я нагрела, а мне пора затоплять печку.

Утром на столе исходила душистым парком картошка, поблескивал матово запотевший бок глиняного глечика с молоком.

— Ешь, ешь! — угощала хозяйка. — Отъедайся. Шейка у тебя дюже тоненькая, как у щегольчика, — и помечтала грустно: — Может, кто и моих сыночков накормит.

— На каком они фронте?

— Кто ж знает. Оба по одному только письму и прислали.

— Живы ваши сыновья, а письма не всегда доходят.

— Думаешь, придут?

— Обязательно придут, не плачьте. Ждите.

— Ах, дочка... Старик для сынов и скотину бережет. Чем же угостим их, когда вернутся? Оба мои хлопчика молоко любили.

ЖЛОБИН

Эшелон протащился вперед, сколько хватило целых рельсов, штаб выгрузился на разъезде. Рокочущий гром и прерывистый гул слышен с той стороны, куда убегает путь. Темный лес высится по обе стороны насыпи. Станционное здание и низенький домик накрыты густой тенью леса. Моросит дождь. Нераспакованные ящики, зачехленное знамя с часовым — вот и весь штаб. Жлобин еще не взяли, немцев отбросили за Днепр, и они еще держатся на береговой линии обороны.

Город освободили на следующий день, 26 июня, в полдень, но штабу нашему пришлось подождать, пока впереди восстановят путь. Лишь к вечеру мы погрузились. Посыльный, малый из нового пополнения, с восторгом рассказывал, что техническая разведка, рота капитана Сапегина и взвод мине-

ров вышли к мосту с боем, вместе с наступающими частями. Мост разрушен полностью...

Паровоз придет за нашим вагоном только утром, ждать сейчас уже нечего и надо устраиваться на ночь.

Я выпрыгнула из вагона, но прыжок не содержал риска. Насыпь была мягкая, ночь теплая, а штабной вагон одиноко и незыблемо стоял на рельсах. Тихое полнозвездное небо, без лучей прожекторов, без зарниц, высилось над лесом. Упавшей красной звездой догорал под насыпью костерчик. Движущимся монументом в его пурпурном свете маячила фигура часового, охраняющего имущество, укрытое брезентом.

— Возьми, дочка, там в золе, должно быть, картошка испеклась, — сказал часовой, пожилой солдат.

Я пошуровала палкой, выкатила картофелину, покидала ее в ладонях, подула, разломила. К благоуханию летней ночи прибавился теплый запах печки. Довольная неожиданным ужином, решила, что лучшего ночлега не найти, потянула край брезента, легла на него и накрылась шинелью.

— Разбудите, пожалуйста, когда придет паровоз, — попросила я солдата.

— Разбужу, спи. Да и сама услышишь, он, чай, железный.

...Маневровый паровозишка утаскивал штабной вагон в Жлобин. Я открыла глаза и поднялась, когда не то что добежать, а докричаться до вагона было невозможно. Часовой, не вчерашний, а сменивший его, сочувствовал:

— Эх, дела... Ну што? Забыл я про тебя, девка. Топай теперича по шпалам.

Умылась я у колодца, вытянув воды, сколько ее зачерпнулось дырявой бадьей, и пошла вперед. А солнце покатило по рельсам передо мной свои веселые блики. И ни души не видно вокруг, все ушли отгонять войну дальше, на запад, а здесь некошеная трава уже укрыла линию окопов, и в них наперебой стрекочут кузнечики. Ясно и зелено кругом, и лишь кое-где из высокой травы торчат фанерные фрицы, и накрепко застрял среди зеленых волн немецкий танк, тоже сделанный из фанеры.

Я шла по шпалам, а внизу по дороге, не замечая меня, шагали трое пехотинцев. Один из них, обводя широко руками вокруг, что-то объяснял, а двое других вертели головами. Солнце поднялось выше и печет сильней, пехотинцы поснимали гимнастерки.

— Девушка, нам с вами не по пути? — окликнул вдруг сзади кто-то, но я не обернулась. — Как вас зовут? Давайте познакомимся и пойдем вместе.

— Идите своей дорогой! — отвергла я, не оборачиваясь, неизвестного кавалера, но он не отставал:

— Вы не боитесь одна? Я вас провожу. А куда вы так торопитесь, товарищ боец? Жлобин вчера взяли.

— Неужели? — удивляюсь я, подыгрывая незнакомому шутнику, оглядываюсь и удивляюсь в самом деле. Это старший пропагандист батальона капитан Мельников. Удивительным было то, что он шутил и улыбался, хотя во взгляде его была все та же виноватая тоска, которую он застенчиво прятал от всех и не умел спрятать. Словно по его собственной вине вся его семья погибла. Капитан поехал проведать родных, когда освободили их город, а вернулся оттуда поседевший, молчаливый и бесконечно, до конца своих дней виноватый.

— Вот нашел немецкое письмо возле будки стрелочника, — говорит он. — Вы читаете по-немецки? Я разобрал кое-как, что отец пишет своим детям. А отправить письмо он не успел. Осиротели его ребятишки, как видно. — Мельников перехватил мой внимательный взгляд и сказал: — При чем же дети? Всех детей жалко, и русских и немецких. Согласны?

Я кивнула и чуть было не спросила, узнал ли он что-либо о своих детях. Мельников работал до войны в райкоме партии, и за это немцы расстреляли его жену и старика отца, а двоих детей — двух девочек увезли в приют, но куда и в какой, выяснить пока не удалось.

● После Любочкиного письма о том, что Алешу в последний раз видели раненным в ногу, я подхожу ко всем, кто возвращается из госпиталя: к солдатам и офицерам, которые опираются на палку или костыль или держат руку на перевязи. Я спрашиваю, не встречал ли этот человек случаем где-нибудь на эвакопункте, или в санитарном поезде, или в медсанбате, или госпитале майора юстиции Громова Алексея Ивановича. «Он из Москвы, высокий, глаза голубые, волосы каштановые, любит посмеяться...» — сообщаю я подробные Алешины приметы, и раненые, к кому я обращалась, терпеливо выслушивали меня и обязательно называли какого-то майора, знакомого по палате, но фамилия оказывалась другая и звали его не Алексеем, и был он не из Москвы... «Кто он тебе, сестренка? Муж, отец?» — и утешали: — «Не горюй, отыщется. Я вот своим полгода не писал».

— Ходил я вчера в Жлобин вместе с ротой Сапегина, — говорит Мельников. — Город ведь не чужой мне. Гостил я здесь часто у тетушки. Приезжал на каникулы, когда учился в семилетке, а потом в педагогическом техникуме. А вчера вот иду и не узнаю ничего. Город весь разрушен, улицы пустые, бугры кирпичного и каменного щебня стоят вместо зданий. Как же, думаю, уцелеть здесь людям? Вышла к нам женщина с маленьким мальчиком, грязные оба, оборванные, голодные. Прятались они в подвале больше месяца. Спрашиваю, где же все жители? Тоже прячутся? «А кто где, — отвечает. — Кого немцы поувозили в Германию, кто поумирал, кто поутикал в лес или в деревню».

— Нашли вы свою тетушку?

— Нашел! Пряталась она с соседями в щели, выкопанной на огороде. Не надеялся я, что найду. Уж так рад, так рад, хоть одна родная мне душа отыскалась. Я ведь круглым сиротой остался совсем.

Знакомое, всесильное «Раз-два — взяли!» послышалось впереди. Неистово и шумно под палящим солнцем трудилась на свеженасыпанном полотне вся восстановительная военная механизация, в которой самым безотказным рычагом были мускулы, обтянутые гимнастеркой, пропотевшей до дырок. А еще километра через полтора мы увидели и наш эшелон.

К мосту я добралась не скоро. Полуторка то буксовала в колдобинах, то застревала в пробках. А пробки — тягач на тягаче, грузовики впритирку кузов к кузову. Я пошла пешком.

Глубокое русло у моста представляло собой полузатонувшее кладбище металлолома. Покореженные, разорванные фермы торчали из воды, а по воде уже кружились свежие стружки. Саперы успели навести рядом со взорванным железнодорожным мостом пешеходный новый, и невероятно, как он, низенький, деревянный, выдерживал огромную нагрузку.

Наша техчасть, как объяснил мне Силков, должна находиться на правом берегу возле подхода к мосту. Двое молоденьких часовых с синими погонами, выбрав из толпы пешеходов почему-то одну меня, потребовали мои документы.

— Ты лучше мне свои покажи, — заявила я мальцу и кивнула на разрушенный мост: — Это объект нашего батальона. Мы восстанавливаем этот мост. Понял?

— Пропусти ее, не связывайся, — сказал второй. — Она, наверное, майорша.

— Какой догадливый! — восхитилась я. — Отчего сам-то, с такой умной головой, все еще в рядовых ходишь?

— Валька, вы нашлись? — громко возрадовался Гершмульский, показываясь из блиндажа. — Где вы пропадали? Калашнин все утро ругал вас перечницей и сердился.

Помещение техчасти — бывший немецкий, притом офицерский, блиндаж — было достаточно благоустроенным. Калашнин свирепо сверкнул глазами, но не успел напуститься на меня, так как вместе с ним вошел незнакомый мне старший лейтенант, который сразу сказал:

— Девушка, говорят, у вас четкий почерк. Мне срочно нужно отослать донесение в Главное управление в Москву. Я продиктую, а вы запишите. Ну, номер я сам проставлю. Пишите. О технической разведке железнодорожных направлений на 27 июня 1944 года. Железнодорожный узел Жлобин. На всех путях рельсы и скрепления эвакуированы. Шпалы эвакуированы или разрушены путеразрушителем и сожжены. Все стрелочные переводы эвакуированы. Металлический мост длиной 265 метров через реку Днепр на линии Гомель — Жлобин полностью разрушен. Пролетные строения подорваны и обрушены в русло реки. Разрушены полностью все служебные здания. Семафоры эвакуированы. Телеграфные столбы спилены и подорваны. Здание насосной станции полностью разрушено, оборудование эвакуировано. Депо на 18 стойл полностью разрушено. Здание электростанции разрушено, оборудование эвакуировано...

— Неужели никаких трофеев нет? — интересуется Гершмульский.

— Есть трофеи. Так и напишите, Валя. Трофеи: один поломанный путеразрушитель. Обезврежено 12 штук противотанковых мин. Обнаружено 85 штук зарядов, подготовленных для подрывания рельсов.

Все донесение о разрушениях на Жлобинском узле уместилось на трех неполных страницах. Но оно могло быть гораздо короче, если просто написать, что Жлобинского железнодорожного узла больше не существует.

Продолжение следует

Одна из лучших обмотчиц завода «Элпром» в Ловече (НРБ) Виолетта Гашевская обучает молодую работницу Геновеву Ненкову.

СОВРЕМЕННЫЙ ПРОЦЕСС урбанизации и повышенной миграции сельского населения в промышленные центры способствует преодолению основных различий между рабочими и крестьянами, стиранию социально-классовых различий — прежде всего в сфере быта. Но если материально-бытовые ус-

Надя ВЕЛЧЕВА,
кандидат исторических наук

НА РАБОТЕ И ДОМА

Тысячи болгарских женщин принимают активное участие в общественной жизни. Лучшие из них избраны в Народное собрание НРБ. На снимке — одна из его депутатов агроном Тодорка Китева среди членов своей бригады в трудовом кооперативно - земледельческом хозяйстве села Горски Извор.

Фото БТА — ТАСС.

ловия городской жизни усваиваются вчерашними крестьянами быстро, то для духовного мира этого пополнения рабочего класса все еще характерно сохранение целого ряда традиционно сельских особенностей и черт. Не последнее место среди них занимают и религиозные пережитки, препятствующие социальной, культурной и психологической адаптации сельских тружеников в новых для них условиях.

Характерно также, что эти пережитки у рабочих сельского происхождения проявляются прежде всего в семейном кругу. Эти особенности делают быт таких семей консервативным по своему духу. Так, в бывшей частнособственнической крестьянской среде семья была патриархальной, муж смотрел на жену как на свою собственность, как на человека, лишенного средств производства и живущего на его иждивении.

Разрыв патриархальных традиций в семье начался с появлением пролетариата. Рабочая семья, лишенная средств производства, в силу суровой необходимости открыла для женщины возможность включиться в социально-экономическую систему. Перемены в семейном укладе, начавшиеся в среде пролетариата, постепенно распространялись и на другие социальные слои капиталистического общества. Однако становление равноправных семейных отношений — сложный, продолжительный и противоречивый процесс, характерный главным образом для социалистического общества, в корне изменившего сущность внутрисемейного уклада. Новые социалистические производственные и общественно-экономические отношения открыли широкий простор для обновления семьи, подорвали самую основу патриархального брака.

Вместе с тем современная семья продолжает сохранять свою роль своеобразной эстафеты поколений, способствуя передаче ряда культурных ценностей прошлого из поколения в поколение. Например, такие нравственно-этические добродетели, как любовь к родине, трудолюбие, гостеприимство, ду-

Сокращенный перевод статьи, опубликованной в болгарском журнале «Атеистична трибуна», 1978, № 5.

щевная доброта и т. д., свойственные болгарскому национальному характеру, благодаря семье унаследованы нашими трудящимися. Так семья поддерживает жизненно-этические устои современной социалистической культуры.

Наряду с этими положительными тенденциями в усвоении культурного наследия прошлого, в семейных отношениях сохраняются и некоторые негативные элементы традиционной народной культуры, имеющие иногда религиозную направленность. Например, религиозные предрассудки, еще бытующие во многих сельских семьях, которые пополняют ряды рабочего класса, препятствуют социальному проявлению личности членов этих семей и их адаптации в новой среде.

На базе этносоциологического исследования, проведенного среди рабочих сельского происхождения химического завода в г. Враца, были изучены две группы семей: еще живущие в селе и уже прочно осевшие в городе.

Что касается первой из них, то деревенская среда оказывает на них влияние, поддерживая традиционные обычаи и сохраняя религиозные предрассудки в сознании членов этих семей. С другой стороны, те из них, кто работает в городе, становятся для села носителями новой, городской культуры, связанной с быстрыми переменами в жизни промышленных центров. Однако преодоление старых обычаев и нравов, религиозных пережитков в таких семьях и их превращение в современные рабочие — процесс весьма длительный, тем более что в домашней среде старые обычаи и традиции сохраняются гораздо дольше.

Изменения, наступающие во внутрисемейных отношениях рабочих, уже прочно осевших в городе, более динамичны. Оказавшись в иных социальных условиях, они сначала негативно реагируют на новую обстановку, цепляются за старые, традиционные взаимоотношения. Сохраняя связь с селом, такие труженики продолжают довольно долго придерживаться нравов и обычаев, типичных для деревенской семьи. И все же длительное пребывание в городе, сопровождаемое, как правило, установлением целого ряда новых связей по территориально-производственному признаку, рано или поздно создает предпосылки для быстрейшего изживания сельской патриархальности, а также религиозных предрассудков в семейных взаимоотношениях.

В частности, для выходцев из села, прочно осевших в городе, становится все более характерным нарастающее уважение, с которым большинство молодых людей относятся к своим женам. Брак в таких семьях все чаще строится на любви и взаимопонимании, постепенно изживается веками культивировавшийся религией взгляд на женщину как на существо низшего порядка.

Кстати говоря, создание благоприятного микроклимата в семьях новых рабочих — выходцев из села — не в последнюю очередь обусловлено еще и тем, что супруги происходят из одной социальной группы и имеют приблизительно одинаковый уровень образования. Сказывается при этом и то обстоятельство, что включение женщины в систему социально-экономических отношений способствует ее освобождению от некоторых домашних обязанностей и создает условия для повышения ее социальной роли в обществе. Однако реальное равенство мужчины и женщины пока что все еще полностью не достигнуто, причем не только на селе, но и в городе. В частности, отставание бытового обслуживания заставляет женщину брать на себя ряд дополнительных и обременительных домашних обязанностей, которые отнимают бо́льшую часть ее свободного времени. Если в промышленном производстве рабочее время одинаково для мужчины и женщины, то дома трудовая нагрузка у них разная. По традиции, бытовые заботы ложатся на плечи женщины, хотя современная техника и облегчает значительную часть домашних функций.

И тем не менее под влиянием новой социальной среды и контактов с городскими рабочими семьями эмансипация работницы, продолжающей жить в деревне, повышение ее роли на производстве — хоть и медленный, но необратимый процесс. Так, примерно в 15 процентах семей новых рабочих, еще не переселившихся в город, домашним хозяйством занимаются не только женщины, но и мужчины, к тому же супруги приучают к нему и своих детей. Показательно, что более 17 процентов опрошенных рабочих, живущих в деревне, считают, что домашние дела нельзя делить на «мужские» и «женские».

К сожалению, переход к новым формам быта характерен далеко не для всех рабочих семей. Около 15 процентов опрошенных мужей этой категории, например, продолжают считать, что домашние заботы — дело женское. Как правило, и их жены еще мыслят и действуют традиционно. Этот тип сельских женщин очень слабо проявляет себя как в семье, так и вне ее — их общественная и социальная роль весьма ограничена.

Зато для семей сельского происхождения, прочно осевших в городе, характерны существенные изменения в положении женщины-работницы. В 39 процентах таких семей оба супруга принимают равное участие в домашнем труде, а еще в 29 процентах — муж помогает жене по дому. Рациональное распределение бытовых обязанностей среди членов семьи обеспечивает полноценное развитие женщины-работницы, вышедшей из крестьян, повышает ее социальную роль. Но и у таких супружеских пар, несмотря на эти положительные тенденции, все еще наблюдаются устарелые черты быта, характерные для традиционной сельской семьи. Из рабочих сельского происхождения, живущих в городе, только немногим более 15 процентов не считают домашнее хозяйство сугубо женским делом.

Традиционные для сельского быта поведение и образ мышления у работниц — вчерашних крестьянок — мешают росту их самосознания и их социальному уравнению с мужчинами, поэтому они, как правило, пока еще редко стремятся сами изменить свое неравноправное положение в семье. Для них характерны сравнительно низкий уровень образования (41 процент — неполное среднее, 28 процентов — начальное) и низкая квалификация, которую они, кстати, почти не стремятся повышать. Это не относится к тем женщинам — уроженкам деревни, которые приходят на производство, так сказать, со школьной скамьи, или к тем, кто уже работал на других промышленных предприятиях. У них и более высокий образовательный уровень (32 процента — среднее образование, 44 процента — среднее спе-

циальное и 3 процента — незаконченное высшее), и определенное стремление к его повышению.

И тем не менее в целом пережитки того идиотизма деревенской жизни, о котором писал К. Маркс, все еще продолжают обусловливать неравенство женщины с мужчиной в семье. Например, многие работницы сельского происхождения сами берут на себя бóльшую часть домашних обязанностей. В тех же семьях, где хозяйственные заботы распределены более равномерно, женщина получает возможность использовать часть свободного времени для отдыха или духовного развития. Чаще всего это выражается в регулярном просмотре ежедневной прессы, чтении журналов и т. д.

Приобщению начинающих работниц сельского происхождения к новым для них индустриально-городским условиям во многом способствует их участие в кружках, лекториях, викторинах, женских собраниях и других подобных мероприятиях, проводимых как на производстве, так и по месту жительства. К числу наиболее удачных из них, в частности, относятся современные женские «посиделки», использующие старинные элементы сельского быта. Они организуются по кварталам, в клубах и домах культуры, но чаще всего на дому. Каждая участница такой вечеринки стремится показать свое кулинарное мастерство, угощает других приготовленными ею яствами и сладостями. При этом женщины советуются, как лучше обставить жилище, сделать его уютнее, демонстрируют свои рукоделия.

Так по мере повышения культурного уровня семьи и улучшения ее быта, равно как и культурно-бытового обслуживания населения, создаются предпосылки для более активного включения работницы, вышедшей из крестьянской среды, в общественную жизнь и для постепенного установления реального равенства между мужем и женой в формирующейся рабочей семье.

Важную роль во взаимоотношениях супругов играют совместные заботы о воспитании детей. В этом плане, кстати, любопытно наблюдать, как даже в рабочих семьях сельского происхождения церковный обряд крещения все чаще приобретает формальный характер, вытесняется практически гражданским ритуалом «приглашения на каравай». На эту церемонию приглашаются только женщины. При разламывании каравая высказываются добрые пожелания ребенку, лишенные какого-либо религиозного содержания. Правда, символические действия, которыми сопровождается этот ритуал, хотя уже и утратили свой культовый характер, однако пока еще сохраняют религиозную форму. Рождение ребенка отмечается «приглашением на каравай» преимущественно в больших рабочих семьях сельского происхождения, где сильно влияние старших родственников.

В прошлом женщина, наряду со всеми домашними работами, растила и воспитывала детей. Время, которое она уделяла этому, было сравнительно небольшим, а культура воспитания в традиционных сельских семьях сравнительно низкой. Приобщение вчерашней крестьянки к промышленному производству поставило на повестку дня вопрос о помощи ей со стороны общества в воспитании ребенка. Для этой цели создана сеть детских дошкольных учреждений. Практика показывает: самые лучшие результаты в воспитании детей как в духовном, так и в физическом отношении получаются при органическом сочетании семейного воспитания с общественным.

Однако все еще существующие традиционные формы воспитания детей мешают восприятию современных общественных форм, которые создают более благоприятные условия для этого процесса. Большинство рабочих — выходцев из деревни, например, под влиянием традиций, установившихся в сельской семье, весьма неохотно отдают детей в ясли и сады. Отход от патриархальных традиций в воспитании детей гораздо более заметен в семьях сельского происхождения, прочно обосновавшихся в городе, которые куда охотнее пользуются услугами детских учреждений, чем рабочие, все еще живущие в пригородных селах. Тут безусловно сказывается материальное и духовное влияние индустриальной среды. Этому способствует и то обстоятельство, что в городе больше, чем на селе, детских учреждений, да и уход за детьми в них, как правило, лучше.

Для рабочих семей, которые продолжают жить в деревне, все еще характерна традиционная структура: супруги, дети и пожилые родители. Впрочем, подобный тип семьи уже начинает изживать себя и в деревне, где родители с детьми все чаще стараюся жить отдельно от бабушек и дедушек. Пока же большинство рабочих, проживающих в сельской местности, испытывают заметное влияние со стороны старших родственников, в том числе и религиозное. Этому способствует и совместное ведение домашнего хозяйства.

А если взять семьи новых рабочих в целом (те, которые уже переселились в город, и те, что еще остаются в деревне), то на данном этапе для этой категории трудящихся, пожалуй, наиболее характерна так называемая нуклеарная семья, как правило состоящая только из супругов. Некоторые из них сами растят своих детей, но большинство оставляют их на попечении сельских бабушек и дедушек, что, конечно, позволяет тем воспитывать внучат в традиционном, в частности в религиозном, духе.

Разумеется, под влиянием новых условий в индустриальных центрах нуклеарные рабочие семьи сельского происхождения постепенно преобразуются в нормальные городские. Сейчас же такие семьи чаще встречаются у деревенских выходцев, прочно обосновавшихся в городе (87 процентов всех рабочих этой категории). Они представляют собой конечное звено превращения сельской семьи в рабочую. Именно на этом этапе совершается перелом в сознании и образе мыслей супругов, в их внутрисемейной жизни.

Процесс этот не всегда протекает гладко, так как противоречия между нарождающимся и отживающим в быту и культуре формирующейся рабочей семьи возникают прежде всего под влиянием, с одной стороны, новой среды, а с другой — некоторых консервативных черт в укладе жизни старших родственников, остающихся в деревне. Это иногда приводит к конфликтным ситуациям. Например, в 5 процентах таких семей взаимоотношения между супругами и их родителями плохие. Иногда вмешательство старших родственников в жизнь молодых приводит к негативным результатам и задер-

живает переустройство семьи в современную, рабочую. Однако в целом подобные конфликты — довольно редкое явление. Благодаря гуманным народным традициям, передающимся из поколения в поколение, взаимоотношения с родителями зиждутся на нравственной основе: те помогают в хозяйстве молодым, растят их детей, а супруги в свою очередь заботятся о стариках.

Совместное проживание молодых рабочих со старшими родственниками на селе иногда имеет и некоторые другие негативные стороны. Например, в ряде таких семей продолжают бытовать элементы традиционного религиозного послушания молодых старшим при выборе спутника жизни. Однако постепенно этот традиционный обычай приобретает новое содержание, выражая взаимное уважение и взаимосвязь поколений. Консервативные сельские традиции зачастую довлеют над отношениями свекрови и невестки в таких семьях. И тем не менее возрастающая общественная и социальная роль работницы и экономическая независимость новой рабочей семьи медленно, но верно подрывают формы внутрисемейных отношений, характерные для старого села.

Несмотря на эти тенденции во взаимоотношениях формирующейся рабочей семьи с пожилыми родителями, влияние последних продолжает сказываться в участии молодых супругов — выходцев из села — в многочисленных религиозных праздниках и обрядах, отмечаемых их родителями, живущими в деревне. Так, даже рабочие сельского происхождения, прочно осевшие в городе, едут к ним в дни таких праздников, которые отмечаются старшими. Для новых рабочих, однако, они уже, по существу, утрачивают свой первоначальный, религиозный смысл, а скорее служат поводом для встречи с родителями, своеобразным знаком внимания к их семейным традициям. К тому же молодых рабочих сельского происхождения привлекают в православных праздниках та национальная самобытность и колорит, которые они веками заимствовали у народа и которых, к сожалению, так часто еще недостает современным гражданским праздникам и ритуалам. Нельзя забывать также, что на селе в прошлом, да отчасти еще и теперь, совместные трапезы по случаю венчаний, крестин или поминок представляют собой важную форму общения между людьми.

В городе же родственные и соседские отношения, столь привычные для сельского жителя, заменяются связями по производственно-территориальному признаку, что приводит на первых порах к отчуждению и изоляции некоторых молодых семей, перебравшихся туда из деревни.

В целом пережитки религиозной патриархальности в быту и образе мыслей рабочих сельского происхождения постепенно отступают — не в последнюю очередь под воздействием новых общественно-экономических и культурных перемен в самой сельской среде. Первостепенную роль в этом процессе играет новый, социалистический образ жизни, прочно утвердившийся за годы народной власти в индустриальных центрах, равно как и культурно-просветительная, в том числе атеистическая, работа, которая проводится с семьями рабочих сельского происхождения.

г. София

За рубежом

ВОКРУГ ЖЕНСКОГО ВОПРОСА

Т. БЛАГОВА

Всеохватывающий и многообразный революционный процесс втягивает в орбиту прогрессивных движений — классовых, национально-освободительных, общедемократических, антивоенных — все новые слои верующих, облекающих свое стремление к прогрессу в религиозные формы. Определенную причастность к этому процессу имеет и женское христианское движение, которое в капиталистических странах носит массовый характер.

Современное женское движение выделилось в последнее время в самосто-

Манифестация активисток женского движения в Париже под лозунгами: «Не может быть революции без женщин!», «Мы — не куклы!»

Оба фото взяты из книги «Освобождение женщины» (Лозанна, 1975).

Демонстрация американских женщин, добивающихся удовлетворения требований, выдвинутых феминистским движением еще в конце XIX в.

ятельную ветвь освободительной борьбы со своими специфическими целями и задачами. Движение за эмансипацию приобрело характер массового протеста, то есть охватило женщин тех социальных слоев, которые ранее не участвовали в экономической и политической борьбе. Поэтому сотрудничество с феминистскими и христианскими женскими организациями рассматривается коммунистическими и рабочими партиями как необходимое условие ее успеха.

В ноябре 1974 года в Риме состоялась Конференция коммунистических партий капиталистических стран Европы, посвященная проблемам положения женщин. В принятой ею декларации «О положении женщин в капиталистическом обществе», в частности, говорилось: «В борьбу за эмансипацию женщины вовлечены и могут быть вовлечены еще более широкие слои женщин различных идеологических и религиозных убеждений, различных мировоззрений. Может начаться диалог о положении женщины между демократическими силами, социалистическими партиями, силами и движениями, представляющими христианские народные массы, народные и общественные женские организации» [1].

Коммунисты считают, что диалог с позиций науки и партийности дает возможность публично изложить свои взгляды и выявить мировоззренческие принципы по актуальным вопросам.

Целью марксистского гуманизма является духовный прогресс личности, то есть возможности ее духовного совершенствования и освобождения от всяких форм порабощения. Что касается отношений между мужчиной и женщиной, то они также могут служить мерилом свободы личности. «В отношении к женщине, как к добыче и служанке общественного сладострастия, выражена та бесконечная деградация, в которой человек оказывается по отношению к самому себе... — писал К. Маркс. — Из характера этого отношения видно, в какой мере человек стал для себя родовым существом... в нем обнаруживается, в какой мере естественное поведение человека стало человеческим...» [2].

Таким образом, отношения между мужчиной и женщиной и ее положение в обществе основоположники научного коммунизма рассматривали как критерий социального и нравственного прогресса, как «мерило общей культуры человека». Впервые в истории философской мысли они дали подлинно научную постановку вопроса о соотношении биологического и социального в жизнедеятельности отдельного человека и общества в целом, показав ее социальную опосредованность.

С другой стороны, половая принадлежность в значительной мере определяет специфические особенности развития личности и различные социальные роли, которые она выполняет. Именно так, в органической связи естественных отношений с общественными условиями, рассматривали женский вопрос Ф. Энгельс и А. Бебель. Кстати сказать, марксизм никогда не сводил этот вопрос только к экономической проблеме, а подчеркивал, что решение его нравственно-этических аспектов немыслимо без революционных перемен.

Современные марксисты считают, что актуальность дальнейшей разработки теории личности по демографическому признаку диктуется как научными, так и практическими задачами. Если в социалистических странах — это задачи формирования всесторонне развитой личности, то в буржуазных — необходимость решения женского вопроса уже сейчас, не дожидаясь изменения общественного строя.

Научная разработка философско-социологических основ женского вопроса опирается на последние достижения антропологии, этнографии, психологии и других общественных наук. Они позволяют уточнить и конкретизировать марксистский вывод о том, что зависимое, униженное положение женщины в эксплуататорском обществе — неизбежный результат естественного разделения труда в семье. При капитализме ограничение социальных функций женщины ролью хозяйки дома сопряжено с ее отстранением от ключевых позиций в производстве и распределении материальных благ. Дальнейшее разделение труда, обособление духовной деятельности от материальной ведут к тому, что буржуазные идеологи и теологи абсолютизируют значение умственного труда, а всякая иная общественно полезная работа, в том числе материнство, воспитание детей, домашнее хозяйство и т. п., исключается из необходимых предпосылок исторического развития.

На эти исходные положения марксистской теории женского вопроса ныне опираются в мировоззренческом диалоге с представителями других идеологий коммунисты в буржуазных странах.

С другой стороны, их оппоненты в этом диалоге — радикально настроенные теологи и церковные деятели в своих монографиях, статьях, выступлениях во время недель марксистской мысли связывают вопросы женской эмансипации с общим процессом гуманизации и возрождения религиозного духа. Продвижение женщин в обществе и церкви они толкуют как «верность Евангелию и возрождение равенства, провозглашенного Христом» (французский теолог Луш). Преодоление социальной отчужденности, возрастание ответственности за судьбы цивилизации, активное вовлечение женщин в общественно полезную деятельность и т. д. — все это, по словам христианских участников диалога, воплощение в жизнь истинных религиозно-этических ценностей. «Если мы не в первых рядах борьбы с несправедливостью, то, стало быть, мы еще не до конца христиане», — заявила, например, президент Христианской лиги женщин-работниц, участница недели марксистской мысли в Брюсселе на тему «Женщина: жизнь, работа, любовь» Ж. Лоран.

Многие деятели церкви открыто признают, что материнская функция слишком долго служила для обоснования мнимой неполноценности женщины и лишения ее элементарных гражданских прав. Перефразируя знаменитое высказывание Шарля Фурье, профессор теологического факультета Лионского университета Р. Жолиф сказал: «Нельзя говорить о свободе человека, если не свободна женщина». Однако в рамках религиозного мировоззрения понятия свободы и достоинства личности связываются прежде всего с идеей рехристианизации общества. С этой точки зрения представители левоцерковных кругов считают активное участие женщины в экономической жизни нужным, но не главным условием прогрессивного преобразования семьи и общества.

Издатель католического журнала «Ви католик» Жорж Юрден в своем докладе на неделе марксистской мысли в Париже в 1975 году, например, утверждал, будто «представление о женщине не связано с социальными изменениями. Установившиеся взаимоотношения между мужчинами и женщинами — не только продукт капитализма... Борьба за свободу и равенство будет продолжаться и после обобществления средств производства». При этом Ж. Юрден, как, впрочем, и другие клерикалы, ссылается на якобы «нерешенность» женского вопроса в социалистических странах, приводя при этом в качестве «доказательств» отдельные случаи использования женского труда на низкооплачиваемых должностях, отставание в оплате и профессиональном росте, загруженность домашним хозяйством и т. д., то есть как раз те самые факты, которые выявляют и подвергают нелицеприятной суровой критике в нашем содружестве и печать и общественность. И из таких вот случайных примеров делается вывод, будто если что и нуждается в изменениях, то прежде всего не производственные отношения, а система воспитания, средства массовой информации, школа, церковь. А уж тогда, мол, сами собой изменятся

[1] «L'Unita», Roma, 22. XI. 1974.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т.42, стр. 115.

и межличностные отношения и само представление о женщине.

Ясно, что такие взгляды легко использовать для оправдания массовых увольнений женщин при кризисах и безработице. Ныне, когда процент безработных среди женщин во многих странах вдвое выше, чем среди мужчин, клерикальные круги поддерживают утверждение буржуазной пропаганды, будто женский труд — ненормальное, так сказать, временное явление.

Коммунисты последовательно критикуют эти реакционные идеи. Выражая мнение своей партии, член Политбюро ФКП Мари-Терез Гутман, например, писала: «Даже несмотря на то, что приобщение к труду — не добровольный, а вынужденный выбор, он все же открывает перед женщинами более широкие горизонты, чем их домашний круг, незнакомые для них до сих пор общественные отношения, понимание солидарности и борьбы трудящихся» («Кайе дю Коммюнисм», 1975, № 2).

Полемизируя с религиозными деятелями и идеологами, коммунисты подчеркивают, что только построение социализма создает возможности и перспективы для глобальных демократических преобразований, для полноценного участия женщин в управлении экономикой и политикой. Опыт СССР и других социалистических стран доказывает, что только социализм и целенаправленная политика коммунистических и рабочих партий могут существенно улучшить положение женщины.

Революционная эпоха, быстро разрушающая основы старой нравственности, породила такие «новые» социальные явления, как, например, «общество вседозволенности», «сексуальная революция» и некоторые другие, имеющие прямое отношение к этико-моральным аспектам формирования личности женщины. Подключение крупных интеллектуальных сил Запада к обсуждению и оценке этих явлений в свете буржуазной идеологии делает необходимым и для марксистов разъяснить свои позиции по этим вопросам.

Марксизм с самого начала своего идеологического и организационного оформления выступал, с одной стороны, как непримиримый враг филистерской морали, ханжества и ложной стыдливости[3], а с другой — против бесконтрольных анархических отношений между мужчиной и женщиной, подчеркивая тесную связь между формированием самосознания новой личности и становлением новой системы идейных и нравственных ценностей в эпоху общей революционизации общества .

Коммунисты в буржуазных странах прилагают большие усилия для развенчания реакционных теорий женского вопроса, распространяемых правой и клерикальной прессой. Директор Центра марксистских исследований в США Г. Аптекер, член ЦК Компартии США А. Дэвис, член Политбюро ФКП М. Венсан, деятельница демократического женского движения в Италии, член ИКП А. Тисо и многие другие в своих монографиях и статьях освещают марксистскую позицию в женском вопросе, разоблачают идею мужского превосходства, обывательские и реакционные взгляды на роль женщины в семье и обществе, двойную буржуазную мораль. Разные исходные мировоззренческие позиции коммунистов и верующих не мешают им совместно выступать против дегуманизирующих личность условий в капиталистическом обществе, против коммерсализации любви, экстремистских теорий «войны полов», «унисекса», порнографии.

Что касается христианских публицистов, то они критикуют эти тенденции с экзистенциалистских позиций беспомощности человека и якобы невозможности решить кардинальные проблемы его существования собственными силами, без помощи религии. При таком подходе эмансипация личности отождествляется с обретением внутренней духовной свободы путем морального самоусовершенствования.

Марксисты же в ходе этого диалога рассматривают те же самые тенденции (обесценивание любви, превращение ее в товар и т. д.), руководствуясь критерием практики, повседневной действительности, определяющие факторы которой — «классовый раскол... охота за сверхприбылью, превращение в товары всех продуктов труда и рабочей силы, даже способностей, эмоций, любви человека»[5].

Диалог в широком смысле слова дает возможность компартиям опровергнуть приписываемое им мнение, будто в женском вопросе их не интересует его специфика, а лишь проблема классовой борьбы. Безработица, постоянный рост цен, недоступно высокая стоимость жилья и другие острые проблемы отражаются на семейно-брачных отношениях, нередко разрушая или калеча их. Поэтому коммунисты в своей теоретической и практической деятельности рассматривают вопросы любви и семейного счастья как важный фактор, от которого зависит успех борьбы за создание условий, обеспечивающих подлинную охрану материнства и младенчества.

Тот факт, что Конференция коммунистических партий капиталистических стран Европы, состоявшаяся в канун Международного года женщины (1975 г.), авторитетно заявила о своей принципиальной позиции по всем вопросам, касающимся их положения в буржуазном обществе, и направила свои материалы и резолюции в ООН, во многом способствовал повышению общезначимости проблемы и привлечению внимания общественно-политических сил континента к женскому движению.

Мировоззренческие различия, в том числе и в подходе к женскому вопросу, не должны служить препятствием для сотрудничества коммунистов с христианскими демократами, христианскими профсоюзами, молодежными и женскими организациями в совместной борьбе за проведение реформ, направленных на установление юридического равноправия женщин в семье и на производстве, на охрану здоровья матери и ребенка, на расширение сети детских учреждений, медицинских консультаций, предприятий бытового обслуживания.

Единство, продемонстрированное участниками Всемирного конгресса, посвященного Международному году женщины (Берлин, октябрь 1975 г.), показало возможность широкого сотрудничества между женщинами различных убеждений. В работе конгресса приняли участие 88 международных и региональных организаций, в том числе 12 христианских (Международная организация католических женщин, Всемирная федерация девушек-христианок, Всемирная федерация католической молодежи, Международный союз молодых христиан-демократов, Всемирный совет церквей, Христианская мирная конференция и др.). Все они подписали основные документы конгресса, касающиеся таких важных вопросов, как ликвидация барьеров, мешающих женщине пользоваться равными правами в политической жизни, в труде и в семье.

Объявленное Организацией Объединенных Наций десятилетие в поддержку женщин (1975—1985 гг.) позволит придать еще более динамичный характер движению за их окончательное раскрепощение и эмансипацию, немыслимые без прочного мира, национальной независимости, ликвидации колониализма. В этом году проводится Всемирная конференция, которая подведет итоги первых пяти лет этого десятилетия. Реализация его программ укрепит и расширит сотрудничество женских организаций различных религиозных и политических направлений с общедемократическим женским движением.

---

[3] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 6.

[4] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 51—52, 54—57.

[5] Р. Штайгервальд. Марксизм, религия, современность. М., 1976, стр. 135.

Веслав МЫСЛЭК,
доктор философских наук

ГОД ПЕРВЫЙ

ЗАВЕРШИЛСЯ первый год понтификата Иоанна-Павла II. Год назад многих волновал вопрос: каким будет этот понтификат, продолжит ли новый папа дело своих предшественников, или погубит его, кто кем будет управлять — папа курией или курия папой, какие последствия для ватиканской политики сулит разрыв цепи правления сорока пяти папитальянцев.

За минувший год Иоанн-Павел II в значительной мере облегчил поиски ответов на все эти и многие другие вопросы, касающиеся нынешнего положения внутри католической церкви и ее роли в современном мире. Казалось, он специально искал повода открыто и как можно широковещательнее заявить о своей позиции по разным вопросам как церковной жизни, так и положения в современном мире. Более того, многое свидетельствует о том, что папа явно стремился завершить первый год своего правления таким образом, чтобы избежать каких бы то ни было неясностей в отношении того курса, который он принял. Это касается как церковных, так и мирских дел.

В ТРЕХ СТРАНСТВИЯХ

Получилось так, что маршрут первой заграничной поездки нового папы пролег в Мексику. Официально он прибыл туда для участия в III конференции латиноамериканского епископата (СЕЛАМ).

И это действительно было важным поводом, но не единственным. Дополнительные обстоятельства первой поездки выясняются в сопоставлении ее с двумя последующими. Путешествия папы в Мексику, в Польшу, в Ирландию и США — это визиты в три главных региона мира. Во время поездки в Мексику было определено отношение папы к проблемам Латинской Америки, а говоря шире — к развивающимся странам в целом. Посещение Польши было не только приездом на родину, но и вообще первым визитом главы католической церкви в социалистическую страну. Наконец, путешествие в США выразило отношение папы к ведущей державе капиталистического мира. Не с помощью посланий, рассылаемых из апостольской столицы, а живым словом, обращенным непосредственно к слушающим его людям, Иоанн-Павел II обрисовал контуры своего отношения к социализму, капитализму, развивающимся странам. В практике римских пап — это новый метод. Предшественники Иоанна-Павла II свои взгляды на современный мир выражали главным образом в официальных энцикликах. Новый папа действует иначе — выступает, выступает, выступает. Причем его речи часто отходят от подготовленного заранее текста, корректируются в ходе выступления, изменяются под влиянием непосредственной конфронтации с аудиторией — порой радикально (как это было в Мексике), что производит впечатление стихийности, будто папой-оратором движет скорее эмоциональная впечатлительность, чем мудрая рассудительность.

Несмотря на это мы находим также мысли и тезисы, которые повторяются в его выступлениях во время всех трех поездок, — и это позволяет видеть в них некие существенные элементы политической программы католической церкви в эпоху понтификата Иоанна-Павла II.

МИР

Мысль о необходимости защищать мир звучит практически в каждом выступлении папы — начиная от интронизации до речи в ООН. Главное в его пацифистской доктрине — продолжение курса двух последних предшественников, внесших, как известно, существенную лепту в закладку фундамента прочного мира. Это касается, прежде всего, практических действий в борьбе за мир и предотвращение возможности ядерной войны. С другой стороны, нынешний папа теснее, чем его предшественники, связывает проблему мира с идеологической наступательностью, характерной для курса «Аджорнаменто». У Иоанна XXIII и Павла VI в этом курсе доминировала поддержка тех политических действий, которые способствовали разоружению и предотвращению военной угрозы. Иоанн-Павел II тоже поддерживает такие инициативы, но настоятельно подчеркивает, что успех усилий, направленных на поддержание мира, зависит прежде всего от воплощения в жизнь христианских принципов, требований религиозной морали. Здесь можно говорить об определенном повороте, хотя в несколько иной форме, к известной доктрине «христианского» мира.

При этом свой протест против войны папа облекает в исключительно эмоциональную форму; особую драматичность этому протесту придает обращение к предостерегающему примеру Освенцима.

ПОЛИТИКА

Рассмотрение политической доктрины папства следует, по-видимому, начинать с ответа на такие два вопроса: должно ли оно и католическая церковь в целом заниматься политикой, а если да — то какой. Активность Ватикана именно на международной арене дает достаточно очевидный ответ на первый из этих вопросов. Новое здесь, пожалуй, — это столь активное личное участие папы в политике и международных делах, что оно практически отодвинуло на задний план всю ватиканскую дипломатию, сделав ее как бы анонимной. Иоанн-Павел II затмил здесь даже такую сильную личность, как государственный секретарь Агостино Казароли, хотя сам же и возвел его в кардинальский сан и на этот второй в Ватикане пост.

При всей разнородности откликов и позиций мировая пресса единодушно подчеркивает повышение политической активности как самого папы, так и национальных епископатов. Всюду католическая церковь заметнее, чем прежде, стала вторгаться в политическую жизнь. И активность эта облекается в религиозную форму: например, поездки папы в разные районы мира хотя и имели ясно выраженные политические цели, но именовались «паломничествами».

Так что политикой папский престол занимается. Но что это за политика?

К любой политике приложимы критерии классовых оценок, и политика Ватикана не составляет здесь исключения. В делах общечеловеческих она, как уже говорилось, совпадает со стремлением найти путь мирного развития. Что же касается классовых противоречий современного мира, то тут курс папы совпадает с интересами господствующих, эксплуататорских классов. Он недвусмысленно высказывается против участия духовенства в политике — но не в политике вообще, а только в политике левой, радикальной.

Именно такую позицию Иоанн-Павел II занял в Мексике. В частности, он предостерегал латиноамериканское духовенство, среди которого сильны радикальные настроения, от участия в политической жизни, призывал его ограничиться кругом церковных дел, критиковал популярную в Новом Свете «теологию освобождения». В то же время папа ни разу не высказался против политической поддержки, какую клерикалы оказывают буржуазии, правым или центристским движениям: не осудил, например, участия католических священнослужителей в деятельности христианско-демократических партий в Италии, ФРГ и других капиталистических странах. Так что речь идет не о сдерживании политической активности духовенства в о о б щ е, а только той активности, которая может служить интересам угнетенных, эксплуатируемых классов. Таким образом, и новый понтификат продолжает здесь традиционную, классовую линию папства.

Как известно, Ватикан не одобряет участия католиков в левых движениях. Несколько месяцев назад его представитель по делам печати о. Панчиролли был уполномочен папой ответить на вопрос, как следует относиться к католикам, участвующим в левых движениях. Он сказал, что к ним следует относиться как к единоверцам до тех пор, пока они сами считают себя таковыми, но их политический выбор одобрить нельзя.

Иоанн-Павел II недвусмысленно выразил свое неодобрение по отношению к экстремистским, прежде всего террористическим методам политической борьбы. Однако он слишком общо судит о социальных, экономических и политических предпосылках этого явления, а путь к его устранению видит исключительно в доброй воле тех, кто хотел бы ее проявить. Но это иллюзорный подход к решению реальной проблемы — идет ли речь о Ближнем Востоке, об Ирландии или о терроризме в странах Западной Европы.

Перевод статьи главного редактора польского еженедельника «Аргументы» (1979, № 42). Некоторые сокращения и изменения сделаны автором специально для «Науки и религии».

СОЦИАЛИЗМ

Визит Иоанна-Павла II в Польшу был прежде всего посещением родной земли, но этим значение данной поездки не исчерпывается. Она дает нам возможность, в частности, сделать и некоторые выводы об отношении папы к социализму и к социалистическому миру.

Судя по выступлениям в Польше, Иоанн-Павел II поддерживает линию II Ватиканского собора, признавшего возможность сосуществования разных общественных систем и необходимость церкви действовать в любой из них. Можно предположить, что нынешний папа согласен с Иоанном XXIII, который призывал видеть различия между социалистической идеологией, материалистическим мировоззрением, с одной стороны, и социалистической практикой — с другой. Отвергая, разумеется, материалистическое учение, но считая, что практика социализма может преследовать добрые цели и тогда верующие должны участвовать в этом творении добра, общего и для католиков и для атеистов, — Иоанн XXIII тем самым дал своего рода идеологическое обоснование диалогу и сотрудничеству католиков и марксистов, сотрудничеству церкви с социалистическим государством.

Иоанн-Павел II во время пребывания в Польше развил эти идеи Иоанна XXIII и, в частности, в проповедях в Ченстохове дал весьма интересную трактовку «теологии труда» — труда, созидающего как материальные ценности, так и самого человека. Эта трактовка, по сути, не выступает против того, что относится к базису социалистической формации, а что касается ее надстройки, то отношение к ней папы сложнее. Конечно, он приемлет сам факт существования социалистического государства, но критически относится к научному социализму, к научному мировоззрению как к теоретической основе нашего строя и государственной политики. В идеологической области у Иоанна-Павла II преобладает тенденция к конфронтации с социализмом, к наступлению на него (облеченному в призывы к «евангелизации»), к критике теории марксизма и идеологической ситуации в социалистических странах. Словом, папа трактует религиозную доктрину как альтернативу не только по отношению к материалистической философии, но и — к социалистической идеологии.

Подобные идеологические притязания папства чреваты опасностью, ибо стремление к конфронтации может возобладать в них над стремлением к диалогу; причем процессы нормализации отойдут на второй план, а на первый выступят попытки «рехристианизации» нерелигиозных слоев населения.

Кстати говоря, претензии такого рода характерны для нынешнего понтификата не только в отношении к социалистическим странам. В январе 1979 года в Италии, например, бурю протестов вызвали высказывания папы относительно разводов и абортов. Но, разумеется, одно дело — морально-религиозное обоснование того или иного взгляда на эти проблемы, а совсем другое — попытки навязать обществу практические решения, вытекающие из таких обоснований. Это уж, попросту говоря, поворот к традиционному клерикализму. Последний же никогда не был и не может быть альтернативой социализму.

КАПИТАЛИЗМ

Однако во многих своих выступлениях Иоанн-Павел II подвергал острой критике также и капитализм, в частности такие его внешние контрасты, как богатство и нищета, роскошь и страдания, привилегии и обездоленность. Встречается подобная критика и в его первой энциклике «Редемптор гоминис»*, в его выступлениях в США. Некоторые комментаторы даже трактуют это как проявление «надполитичности» папы, как его отход от поддержки капитализма.

Здесь стоит вспомнить, что еще не было папы, который бы не критиковал капитализм в таком плане. Подобную критику можно найти и в «Рерум новарум» Льва XIII (1891 г.), и в «Квадрагезимо анно» Пия XI (1931 г.). Но, с другой стороны, спрашивается: кто же активнее, чем они, утверждал принципы буржуазного строя?

Что касается Иоанна-Павла II, то он не ставит под сомнение принципы капиталистических общественных отношений, не критикует причины отмечаемых им негативных явлений, не обращается к истокам социальных противоречий буржуазного общества. Его критика последнего хотя и приобретает порой острую словесную форму, но по сути своей ограничивается сетованиями на внешние последствия капиталистического способа производства, корни же его вопиющих контрастов и социальных конфликтов она обходит. Более того, их действительные причины, давно выясненные политической экономией, в трактовке Иоанна-Павла II заслоняются причинами мнимыми, которые в его представлении ограничиваются сферой нравственных ценностей. Вот и получается, будто корень зла не в самом капитализме, а в людях, в их нравственных принципах, в искажении и порочности системы их духовных ценностей. Стоит, мол, человеку стать нравственно совершеннее — как сразу улучшатся отношения между людьми.

Подобные высказывания Иоанна-Павла II представляют собой шаг назад даже по сравнению с его предшественниками, которые хотя и подчеркивали необходимость действий нравственно-воспитательных, но вместе с тем уповали и на социальные перемены, пусть реформаторского характера, призванные, по их мнению, «улучшить» капитализм. У Иоанна-Павла II даже и таких мыслей мы не встречаем. Он решительно делает упор на морализирование, необходимость изменения негодной социальной системы подменяет призывом к реформе человека и его нравственности. Реальные же социальные проблемы в устах нынешнего папы, по сути, заслоняются второстепенными — нравственно-воспитательными. А из этого выводится возрастающая роль церкви как воспитательного фактора и этим же оправдывается невнимание к реальным социальным проблемам. Не удивительно, что такая позиция с восторгом воспринята капиталистическим миром и его пропагандой: ведь она освобождает его правителей от ответственности за социальную несправедливость, перекладывая ее на анонимную «дурную природу человека».

При такой общей постановке вопроса можно себе позволить даже жесты в пользу социальной справедливости. Традиционная социальная доктрина церкви допускала, что в интересах «более справедливых общественных отношений» имущие могут делиться с неимущими своими «излишками». Разумеется, определять, что к ним относится, должен сам капиталист, и потому на филантропию идут лишь жалкие огрызки их прибылей. Иоанн-Павел II отошел от этой традиции. Выступая в Нью-Йорке, он призвал богатых «делиться с бедными тем, что у вас есть, а не отдавать им только то, что вам негоже». Но разве меняет это уточнение хоть что-нибудь в самом капиталистическом строе?

В то же время не вызывает сомнений, что из всех возможных «моделей» буржуазного общества Иоанну-Павлу II ближе всего «модель» североамериканская. Это недвусмысленно прозвучало во многих его выступлениях в США; это подчеркивал и президент Картер, сообщая, о чем он беседовал с папой. Здесь явно чувствуется влияние неотомистской философии Ж. Маритэна, который считал формально секуляризованное американское общество идеальным образцом современной «христианской цивилизации». Эта апология Соединенных Штатов находит свое продолжение и в идейно близкой ей ориентации Иоанна-Павла II.

Визит папы в США опроверг, как кажется, те оценки, которые усмотрели комментаторы в его выступлениях в Мексике, — о повороте Ватикана к идеологической концепции так называемого третьего пути — с виду нейтрального, якобы противостоящего как социализму, так и капитализму и, так сказать, противопоставляющего им «христианскую» социальную «модель». Теперь уже можно более определенно судить о социальных, политических и идеологических симпатиях папы: они на стороне США — гегемона капиталистического мира.

РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ

Хотя поездку Иоанна-Павла II в Мексику теперь уже заслонили последующие события, однако она все еще сохраняет свою актуальность при оценке отношения Ватикана к проблемам развивающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки.

Провозглашая себя продолжателем дела своих предшественников, нынешний папа попадает в исключительно трудное положение в своих отношениях с миром развивающихся стран с его сплетенными в единый клубок социальными и национальными проблемами. Как известно, непосредственное внимание им уделил еще Павел VI в энциклике «Популорум прогрессио» (1967 г.). В частности, в ней признавалась даже возможность радикальных перемен в этой части земного шара путем применения насилия — в случае «длительной тирании». И хотя, через восемь лет (в послании «Евангелии нунцианди») папа и отмежевался от этого тезиса, заявив, что христианин ни в коем случае не должен прибегать к насилию, однако эта энциклика все еще сохраняет свой директивный характер.

* Более подробно о ней см. в статье И. Вамоша в январском номере «Науки и религии» за 1980 г.

Нынешний преемник Павла VI не только не внес в эту его доктрину ничего радикального, а, напротив, стал еще более жестко относиться к социально-освободительным движениям, чем это имело место в конце понтификата Павла VI. У Иоанна-Павла II и в этой сфере главный упор делается на моральные рецепты, на директивы вести воспитательную деятельность, призванную изменить внутренний мир людей, а тем самым и — социальные отношения в развивающихся странах. Что же до идеи освобождения в реальной, земной жизни, то она осуждена нынешним папой как фальшивая, противоречащая единственно правильной с христианской точки зрения идее избавления на том свете. Что же касается преодоления отставания стран этой части мира от общего развития цивилизации, то и тут Иоанн-Павел II предпочел ограничиться платоническим упованием на щедрость «богатых» стран.

ПАПА И ЦЕРКОВЬ

Небывалая активность нового папы заметно выделяет его на фоне предшественников. Мобильность Иоанна-Павла II, стремящегося присутствовать всюду и лично решать все важные вопросы церковной политики, его активность в итальянских и международных делах — все это усиливает интерес к личности первого за последние несколько веков папы-неитальянца.

К этому следует добавить образ жизни папы — естественный, не обремененный традиционным церемониалом. Воздержимся здесь от оценок: в конце концов, образ жизни — личное дело человека, кем бы он ни был, хоть папой римским; отметим лишь, что именно этот образ жизни стал предметом оживленного обсуждения. Получилось так, что образ жизни папы в глазах многих заслонил суть его жизни. Подчас больше внимания уделяется тому, как он поступает, а не тому, что он делает.

Однако, ведя столь отличный от традиционного образ жизни, Иоанн-Павел II тем не менее неуклонно поддерживает сложившийся церковный курс в тех вопросах, которые вызывают в последнее время самые острые споры: будь то о целибате (безбрачии) духовенства или о разводах, о регулировании рождаемости либо о допущении женщин к «таинству» священства и т. д. и т. п.

Между прочим, не все в церкви поддерживают такой курс, слышны и протестующие голоса. Но пока они имеют, так сказать, камерное звучание. Когда в Мексике, например, папа выступил с осуждением тех священнослужителей, которые принимают участие в политике, его слова были встречены свистом. В Вашингтоне же монахини устроили молчаливую демонстрацию во время утреннего богослужения с участием папы; некоторые из них даже надели на рукав голубые повязки, которые в США носят на улице глухонемые.

Иоанн-Павел II пытается преодолеть кризис церкви, поддерживая, с одной стороны, традиции, а с другой — те реформы, которые одобрил II Ватиканский собор. Последний для него — конечный пункт, тогда как для многих католиков, священнослужителей и даже иерархов собор этот — всего лишь начало пути.

Что касается кадровой политики, то здесь папа решительнее, чем ожидалось, подчеркнул намерение продолжать политическую традицию своих предшественников. Особенно наглядный тому пример — назначение на пост государственного секретаря ватиканского архиепископа Агостино Казароли и посвящение его в кардинальский сан. Казароли считается творцом нынешней ватиканской дипломатии, в том числе и так называемой «восточной политики», и его новое назначение, как ожидается, может означать ее осуществление в более широком плане.

ЭКУМЕНИЗМ

О том, как новый папа относится к проблеме экуменизма, комментаторы широко заговорили в связи с его визитом в США. Здесь Иоанн-Павел II просто не мог не быть экуменистом: ведь католики в этой стране составляют меньшинство. Экуменический курс папы скорее прагматический, чем принципиальный. Например, во время его визита в Польшу тамошним протестантам и православным выразительно дали понять, что они составляют меньшинство, с которым католицизм не намерен считаться. В США же, наоборот, католицизм нуждается в признании со стороны последователей других религий.

Так что на основании этих примеров трудно судить об отношении папы к экуменизму вообще. Существенное значение имеют здесь иные критерии. Например, стремление идеологически и догматически дисциплинировать саму католическую церковь, прежде всего совладав с «дикими» теологиями и либеральными модернистскими течениями, расплодившимися в последние годы. К тому же реальный экуменизм, сближение с другими религиями требует определенных доктринальных уступок, а такого Иоанн-Павел II не может себе позволить: это усилило бы центробежные процессы внутри церкви. Так что в этом вопросе пока дело сводится к политике эффектных жестов, любезностей, формальных поклонов — без каких бы то ни было конкретных шагов в сторону реализации идей «единства христиан», о чем мечтал Иоанн XXIII.

ЧТО ДАЛЬШЕ!

Первый год понтификата Иоанна-Павла II, как видим, дает основания для оценки как его политического, так и внутрицерковного курса. При этом мы не коснулись здесь еще многих важных аспектов его деятельности и взглядов — таких, например, как несколько иные, чем у Иоанна XXIII, — более пессимистические представления о технической цивилизации; как дальнейшее развитие Иоанном-Павлом II концепции евангелизации в качестве идеологической предпосылки «панхристианского» европейского сообщества, и ряда других вопросов. Но и уже проанализированные особенности его политики позволяют сделать вывод, что новый папа в первый год правления проявляет себя как человек во всех отношениях современный в выборе средств и методов своей деятельности и в то же время как консерватор в отношении ее направленности, за исключением, пожалуй, той позиции, какую он занял в борьбе за мир.

Каждый шаг Иоанна-Павла II — а таких шагов немало — привлекает к себе интерес мировой общественности. Но волны этого интереса, поначалу весьма высокие, постепенно начинают спадать, и это понятно: сенсация, их вызвавшая, быстро улетучивается, в отличие от некоторых событий, происшедших во время понтификатов предшественников нынешнего папы. Пока что он не вписал себя в историю документом такого ранга, как, скажем, энциклика «Пацем ин террис» Иоанна XXIII или «Популорум прогрессио» Павла VI. Не поднялась до их уровня и его первая энциклика «Редемптор гоминис», которая хоть и претендует на программность вплоть до 2000 года, но слишком расплывчата, чтобы определять внутреннюю жизнь церкви и ее отношения с внешним миром.

Что же дальше? С уверенностью можно сказать, что все еще нерешенной остается проблема поисков пути преодоления внутрицерковного кризиса. Не вызывает сомнений и то, что Ватикан и в дальнейшем будет стремиться играть значительную роль в политике, в частности в роли посредника при конфликтных ситуациях, а также будет подчеркивать особую роль церкви в борьбе за мир. Но прежде всего заметно стремление извлечь выгоды из соборной реформы, из процесса приспособления церкви к современному миру — с тем чтобы вернуть утраченные позиции и перейти к широкому религиозному и мировоззренческому наступлению с применением всех доступных средств — как традиционных, так и современных.

г. Варшава

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

■ Два ксендза обсуждают вопрос о том, скоро ли папа отменит безбрачие служителей церкви.

— Поверь, в один прекрасный день он примет такое решение, и, быть может, мы этого дождемся...

— Мы вряд ли, зато уж наши дети — обязательно...

■ У гадалки:

— Будьте осторожны. Кто-то стоит на вашем пути.

— Лучше предупредите его: я — водитель...

■ — Вам выпадает счастье! — говорит гадалка клиенту. — Вероятно, вы женитесь...

— Но я женат!

— Чудесно! В таком случае разведетесь...

■ — Почему бог создал Адама, а затем Еву?

— Чтобы Адам мог хоть немного побыть один...

■ — Мне кажется, первой на свет появилась Ева, а не Адам.

— Почему ты так считаешь?

— Потому что «вначале было слово»...

■ Из разговора двух безработных:

— Джон, ты веришь в бога?

— Уже нет.

— Почему?

— Потому что он безработный, как и мы!..

Быт и нравы народов

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛЬ МАДАГАСКАРА

Сергей КУЛИК

ЕСТЬ НА КРАЙНЕМ ЮГЕ Мадагаскара плато Андруй, что означает «заросли кустарников». Населяющие его племена скотоводов так сроднились с этими колючими зарослями, что начали называть себя антандруй — «люди-живущие-в-кустах». Всего их более 420 тысяч, они выделяются темным цветом кожи и отсутствием пристрастия к ношению одежды, а также слывут дружелюбными, умеющими и любящими работать. На протяжении веков антандруи настолько хорошо приспособили свою традиционную экономику к суровым условиям мадагаскарской саванны и полупустыни, что никогда не знали нужды. Об этом писал еще в XVIII веке француз Э. Флакур, приводивший антандруев в качестве примера народа, сумевшего «в условиях примитивного хозяйствования, основывающегося на скотоводстве, обеспечить себя всем необходимым».

Основой основ скотоводства антандруев и, следовательно, их благосостояния было удивительное растение мадагаскарского юга — кактус райкета (по латыни — опунция). Его мясистые ветви и кожистые листья, богатые влагой, служили отличным кормом скоту, а горьковатые плоды — «берберские фиги» — шли в пищу и людям. Устраивая загоны для скота, а также предохраняя свои хижины от набегов соседей, антандруи разводили опунцию вокруг селений и стойбищ. Со временем эти заборы из колючей райкеты сделались настолько густыми, что превратили деревни антандруев в неприступные крепости. Именно благодаря этим зарослям антандруи остались единственным крупным народом «великого острова», не подпавшим под власть его правителей.

Когда Мадагаскар был захвачен французами, кактусы вновь долгое время оберегали свободу южан, развернувших в зарослях партизанскую борьбу. В 1912 году их разгромили, но уже через 10 лет в одном из рапортов, отправленных властями в Париж, признавалось: «Заросли опунции делают их деревни недосягаемыми, помогают населению скрываться, мешают сбору налогов».

И тогда, отчаявшись победить свободолюбивых антандруев, колониальные власти объявили войну... кактусам. Из Мексики через остров Реюньон в провинцию Тулеар был завезен злейший враг опунции червец-кошениль. Продвигаясь по югу Мадагаскара со скоростью 100 километров в год, он принялся пожирать райкету.

Так Мадагаскар стал первым в истории земли районом, где империалисты прибегли к одной из разновидностей биологической войны — экоциду. За пять лет кошениль уничтожил растительность на одной седьмой части «великого острова». Вслед за нею исчезли неповторимые насекомые и птицы. От бескормицы ежегодно погибали около 300 зебу. Начался страшный голод. Попытки вновь развести райкету оказались безуспешными. Оголенная земля изнывала от засухи, разрушалась от эрозии, и в 1943 году новая вспышка голода потрясла Андруй. Так крохотный кошениль унес жизни двух третей обитателей этого некогда густонаселенного района. А несколько французских плантаторов сумели сказочно разбогатеть, заставив голодных мальгашских детей собирать с опунций крошечных червецов, из которых предприимчивые колонизаторы добывали знаменитый краситель — кармин.

Предвестники новой жизни на Мадагаскаре — рисоводческие кооперативы. Тот, который мы видим на снимке, создан неподалеку от столицы Антананариву.

Самое крупное животное на Мадагаскаре — длиннорогая корова-зебу, завезенная туда из Океании. В отличие от африканцев, не знающих колеса, мальгаши, подобно многим народам Азии, используют повозки в своем натуральном хозяйстве.

Живя в каменистой, почти лишенной растительности полупустыне, антандруи умудряются держать крупные стада скота.

Фото автора.

Андруй до сих пор еще не оправился от кошениля и продолжает оставаться самым отсталым районом Мадагаскара. И не удивительно поэтому, что именно здесь, на обескровленном юге провинции Тулеар, развернулись события, возвестившие начало конца неоколониалистского режима Цирананы. В первую апрельскую ночь 1971 года крестьяне антандруи и их соседи махафали, вооружившись топорами и копьями, начали нападать на жандармские участки, жечь плантации французов и фермы местных кулаков.

Сейчас райкета уже кое-где набирает силы, помогая скотоводам стать на ноги. В «столице антандруев» Амбувумбе мне рассказывали, что усилия нынешнего правительства Мадагаскара в Андруе направлены на то, чтобы восстановить заросли опунции, а в окрестностях города даже показывали деревни, вновь спрятавшиеся за колючей изгородью. По всей территории антандруев проводится «операция ангади»: скотоводам бесплатно раздают лопаты-ангади и на государственном транспорте доставляют в места, где посадки опунции необходимо восстановить в первую очередь. К сожалению, однако, это не всегда удается.

Давным-давно, когда скотоводство у антандруев процветало, а поражаемое систематическими засухами земледелие часто подводило людей, во многих кланах этого племени возникло фади (табу), запрещающее мужчинам сажать растения. «Тот, кто выращивает овощи, фруктовые деревья или любую зелень, уподобляет свою жизнь короткой жизни растений»,— говорят жители Андруя. Механизм возникновения подобного табу ясен. Крестьянин бросил в землю семена, надеясь на хороший урожай, но всходы погубила засуха и его семья, оставшаяся ни с чем, умерла от голода. Кто же в глазах суеверных антандруев (для которых уход за скотом — дело почти что святое, а земледелие — отступничество от заповедей разана) повинен в гибели этой семьи? Конечно же, не засуха, которая была и будет, но ко-

Продолжение. Начало см. в № 1 и 2.

торая нипочем для зебу, жующих сочную райкету. Всему виною эти зловредные зеленые росточки, которые пробились из земли, посулив доверчивому крестьянину сытую жизнь, отвлекли его от скота, а затем засохли, забрав людей вместе с собой на тот свет.

Женщинам традиция все же разрешает кое-что выращивать, например просо, кассаву, капские бобы. Что же касается мужчин, то они — дабы не умереть вместе с посаженными ими же растениями, поставив тем самым под удар и свою семью, и свои стада,— даже сегодня предпочитают не связываться с «зелеными бестиями».

Надо учесть еще, что земледелием антандруев вынудили заниматься условия, в которые они попали именно в последние 40—50 лет, после нашествия червя-вредителя. За это время старики, которые помнили, как любовно и заботливо их отцы и деды сеяли и рассаживали райкету, умерли. Появилось новое поколение, которое выросло почти на голой земле и само было свидетелем многочисленных неудач, постигших тех, кто ее обрабатывал. А тут приходят и говорят: сажайте зеленую райкету... А не распространяется ли на нее фади, завещанное отцами? Не обманет ли этот кактус, в который многие так верят, не нашлет ли он новых бед антандруям?..

И ползут по Андрую слухи и небылицы, рождаются другие фади, мешающие людям оправиться от былых невзгод.

Одним из таких «новейших» суеверий стало «испытание райкеты». Мужчины вспахивают целину, сажают кактусы, ставят хижины и покидают их на два, три, четыре года... Если райкета за это время налилась соком — значит злой дух рантутру, который сидит во всем зеленом, не вселился в растения и смирился с тем, что люди будут жить среди них. Тогда мужчины-антандруи заплетают свои волосы в косички и под умопомрачительные ритмы барабанов ведут «на поклон райкете» своих женщин, а затем празднуют новоселье. Если же опунции не прижились, старейшины рода обращаются к «сыновьям молнии» — прошедшим специальную подготовку у колдунов-антаймуро подросткам, которых просят навлечь на усохшие заросли «небесный огонь», тем самым уничтожив логово злого демона.

Многие, кто пишет о Мадагаскаре, утверждают, что организация скотоводства у антандруев во многом напоминает Восточную Африку, и видят в этом одно из доказательств теории переселения предков нынешних племен мадагаскарского юга с континента. Однако, прожив в Восточной Африке более девяти лет и проведя большую часть своего свободного времени среди тамошних кочевых племен, я бы сказал, что сходство это чисто внешнее.

Конечно, и на континенте и на острове народности, все благополучие которых зависит от домашних животных, фетишизируют скот, считая коров чуть ли не священными животными. В районах же, где земледелие почти невозможно, любая семья может объявить себя собственником более или менее значительного надела. Но даже если на нем работать всей семьей, он ее не прокормит. Поэтому землю здесь не накапливают, ибо обладание ею в условиях пастушеского общества ничего не дает.

В то же время скот, даже если ему уделять минимум внимания, кормит человека, размножается и не вымирает. Поэтому он имеет ценность, является главным, если не единственным, богатством скотоводов и, с определенными оговорками, играет в их примитивном хозяйстве ту же роль, что капитал в экономических системах Запада.

Если в любом ином обществе, основанном на частной собственности, царит культ «золотого тельца», то в пастушеских обществах Африки его заменяет «культ скота», а применительно к условиям мадагаскарского юга — «культ зебу». Скот здесь существует не для того, чтобы за него получали деньги. Напротив, все деньги вкладываются в скот.

Однако на этом общее между скотоводческими обществами континента и «великого острова», на мой взгляд, кончается. Если в Африке вся жизнь скотоводов подчинена служению скоту, то для Мадагаскара характерно пассивное отношение к стаду. Поэтому если традиционное скотоводство африканских кочевых племен экономисты обычно характеризуют как «экстенсивное», то скотоводство антандруев и бара они называют «созерцательным». Как удачно заметил французский экономист М. Болдон, взгляд мальгаша на свое стадо — это взгляд коллекционера, для которого главное — масть животного, форма его рогов... Даже упитанность зебу рассматривается лишь как элемент красоты.

На континенте у кочующего по побережью озера Рудольф племени самбуру существует обычай: пастуха, который посмеет хоть на час-другой оставить доверенное ему стадо, изгоняют из родной деревни. У племен мадагаскарского юга вообще неизвестна профессия пастуха: целый день животные предоставлены самим себе. У них есть лишь ночной сторож, который охраняет зебу в загонах от воров.

Разумеется, дело тут не только в традициях: в Кении пастухи стерегут стада от хищников, а на Мадагаскаре им ничего не угрожает. Но, с другой стороны, в таких перенаселенных восточноафриканских странах, как, например, Бурунди и Руанда, где львов давным-давно перебили, скотоводы-тутси, проводя целый день на пастбище, лелеют и пестуют своих длиннорогих коров-иньямбо. Их ежедневно моют веником из ароматических трав, окуривают смолами, отгоняющими мух. А вот на Мадагаскаре к зебу, разгуливающим по плато Махафали и Андруй, люди не приближаются месяцами.

Повсюду в Восточной Африке кочевые племена, порой даже стоящие на более низких ступенях социально-экономического развития, чем мальгаши юга острова, с наступлением сухого сезона перегоняют стада в горы. Пастухи туркана, например, ежегодно передвигаются с ними на 120—150 километров, сооружая по дороге колодцы. Угандийским карамоджа настолько хорошо известен ритм смены растительности на сезонных пастбищах, что, обитая в одном из самых жарких районов Африки, они практически никогда не оставляют свой скот без травы. Наоборот, на Мадагаскаре перегон зебу в горы не практикуется, а строительство колодцев и плотин началось лишь в последние годы.

Допустимо ли, что в скотоводческих районах невозможно купить молочные продукты? Проезжая как-то по землям племени ангони на границе Мозамбика и Родезии, я был удивлен обилием местных видов простокваши, творогов и сыров, продававшихся на рынке. На Мадагаскаре же за пять дней, что мы провели на землях антандруев, молока нам так и не удалось попробовать. В ресторанчиках нас кормили горными голубями и яичницей с французской консервированной ветчиной. «Бара и антандруи потребляют молоко сами,—объяснил нам владелец одного из придорожных заведений.— За пределами крупных городов оно вообще не является предметом систематической торговли». На рынок поступает не более пяти процентов забиваемого на юге скота.

Нетрудно понять вывод, который делают ученые: скотоводство на Мадагаскаре до сих пор еще не стало отраслью хозяйства в полном смысле этого слова. «Скот,— пишет французский исследователь Ш. Робекэн,— это в большей степени существенный элемент эмоциональной, социальной и религиозной жизни, нежели основа экономики». Хотя в скотоводстве и занята треть населения острова, оно дает лишь три процента национального дохода. Вот почему «великий остров», половина территории которого занята пастбищами, где пасется около 10 миллионов зебу, все еще вынужден импортировать мясо.

И со всей очевидностью встает сложность задач, с которыми сталкиваются сегодня скотоводческие племена Мадагаскара: им еще предстоит изменить психологию и превратить освященных традицией зебу в объект хозяйствования, а «созерцательное» скотоводство — в современную отрасль.

Вот почему такое большое значение придают сейчас на Мадагаскаре развитию традиционной мальгашской общины — фукунулуны, преобразуемой в кооперативы. «В новой фукунулуне земледелец и скотовод почувствуют ответственность за развитие своей округи, осознают себя борцом за социальный прогресс, — говорил в беседе со мной премьер-министр ДРМ Р. Рацимандрава, сраженный в 1975 году пулей реакционеров, тесно связанных с местными католическими кругами.— А осознав это, крестьяне, составляющие 95 процентов населения «великого острова», начнут думать не о разана, а о своих детях, не о прошлом, а о будущем».

Окончание следует

■

Новинки **Л**итературы

Н. С. Гордненко. ПРАВОСЛАВНЫЕ СВЯТЫЕ: КТО ОНИ? Лениздат. 1979. 270 стр., 50 000 экз., 60 коп.

Книга написана на большом фактическом материале и адресована не только атеистам, но и верующим, которым автор предлагает взглянуть на православных святых с позиций гражданина социалистического общества. Читатель найдет в ней аргументированные ответы на вопросы: кого и за что возводила в святые русская православная церковь? Кому служил культ святых в прошлом? Как используется этот культ в современном русском православии?

Г. С. Лялина. НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИДЕОЛОГИИ БАПТИЗМА. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 10). 1979. 64 стр., 48 120 экз., 11 коп.

В брошюре рассматриваются особенности функционирования церкви евангельских христиан-баптистов, критически анализируются основные направления в идеологии баптизма, на конкретном материале показывается деятельность сторонников социально-религиозного реформизма и консервативно настроенных представителей церкви в поисках преодоления кризиса.

Г. Г. Майоров. ФОРМИРОВАНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФИЛОСОФИИ (латинская патристика). М., Политиздат. 1979. 431 стр., 25 000 экз., 1 руб. 80 коп.

Книга представляет собой первое в советской литературе исследование философии эпохи возникновения и утверждения христианства в Западной Европе (I—VI вв.). Привлекая богатый, по большей части не освещенный в нашей литературе материал, автор на широком культурно-историческом фоне анализирует философские, эстетические и социально-политические концепции этого периода, прослеживает их влияние на философскую мысль зрелого средневековья.

К. И. Никонов. КРИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ АНТРОПОЛОГИИ. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 9), 1979, 64 стр., 48 070 экз., 11 коп.

В брошюре идет речь о модернизации христианского учения о человеке, подвергается критике богословское понимание деятельности и смысла жизни человека. Автор показывает несостоятельность попыток использовать антропологию для обоснования религии.

М. А. Попова и Ю. Я. Бондаренко. КРИТИКА ЛИБЕРАЛЬНО-ГУМАНИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ РЕЛИГИИ. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 11), 1979, 64 стр., 48 030 экз., 11 коп.

Брошюра посвящена анализу либерально-гуманистических концепций религии, показывается их место в системе буржуазной общественной мысли, раскрывается роль религии в современной идеологической борьбе. Особое внимание уделяется критике попыток сконструировать «новую», «гуманистическую» религию как средство духовного возрождения личности и общества.

Б. Фонтенель. РАССУЖДЕНИЯ О РЕЛИГИИ, ПРИРОДЕ И РАЗУМЕ. М., «Мысль», 1979, 300 стр., 40 000 экз., 1 руб. 20 коп.

В книгу вошел ряд впервые переведенных на русский язык сочинений французского писателя, зачинателя движения французских просветителей XVIII века Бернара Фонтенеля. С материалистических позиций он опровергал учение о врожденных идеях и божественном вмешательстве в законы природы; критикуя язычество, он одновременно ставил под сомнение догматы христианской религии.

А. А. Бологов. ПСКОВ. Путеводитель. Лениздат. 1979, 240 стр. с илл., 50 000 экз., 1 руб. 30 коп.

«БУХАРСКИЙ ВАКФ XIII в.». М., «Наука», 1979, 134 стр. с илл., 2 000 экз., 1 руб. 60 коп.

Г. А. Муквич. УТВЕРЖДЕНИЕ АТЕИЗМА. Киев. Политиздат Украины, 1979, 143 стр. 25 000 экз., 25 коп.

С. И. Никишов, А. Г. Маслова. О СВОБОДЕ СОВЕСТИ. М., Общество «Знание» РСФСР, 1979, 47 стр., 10 000 экз. 8 коп.

В. А. Подоляк. МОДЕРНИЗАЦИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ИДЕОЛОГИИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КРИЗИСА РЕЛИГИИ. Киев. «Вища школа», 1979, 144 стр., 2 000 экз., 1 руб. 40 коп.

В. И. Прокофьев. МОРАЛЬ И ДОГМАТЫ РЕЛИГИИ. «Московский рабочий», 1979, 112 стр., 50 000 экз., 15 коп.

А. С. Русяева. ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ КУЛЬТЫ В ОЛЬВИИ ДОГЕТСКОГО ВРЕМЕНИ. Киев, «Наукова думка», 1979, 172 стр., 1 200 экз., 2 руб. 20 коп.

П. П. Черкашин. В. И. ЛЕНИН О ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАХ НАУЧНОГО АТЕИЗМА. М., Общество «Знание» РСФСР. 1979, 40 стр., 10 000 экз., 7 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

С. Абаев. На пути к массовому атеизму. «Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР». Нукус, 1979, № 1, стр. 53—57.

Я. Н. Безносиков. Рецензия на кн.: Ю. В. Гагарин. История религии и атеизма народа Коми. «Советская этнография». 1979, № 2, стр. 175—177.

Г. М. Билялов. Из истории ликвидации религиозных школ в Хорезме. «Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР». Нукус, 1979, № 1, стр. 40—46.

Э. Блюмфельд. Католицизм без прикрас. «Коммунист Советской Латвии». Рига, 1979, № 3, стр. 101—104.

А. Вафа, С. Соболева. Религия и идейно-политическая борьба в развивающихся странах. «Азия и Африка сегодня», 1979, № 11, стр. 35—36.

Л. П. Гербер. Критика религиозно-идеалистического понимания французскими персоналистами путей преобразования общества. В кн.: «Нравственные аспекты духовно-практической деятельности». М., 1979, стр. 79—87.

Л. Гребенникова. Добровольное рабство (обзор книг по атеизму). «Семья и школа». 1979, № 11, стр. 45—46.

«Древние мифы и новая история». В кн.: **Е. Наумов.** О спорном и бесспорном. Л., 1979, стр. 298—349.

М. А. Михабров. Рецензия на кн.: Л. Д. Ходорковский. Католицизм и рабочий класс Германии. 1871—1933. «Новая и новейшая история», 1979, № 3, стр. 191—194.

«Проблемы типологии в этнографии». М., 1979. Из содержания: **Л. А. Тульцева, В. Н. Шамшуров.** Социально-поселенческая среда как типологический фактор при изучении религиозности сельского населения, стр. 129—140; **И. А. Крывелев.** К вопросу о типологии религиозных верований, стр. 203—223.

«Сборник научных трудов. Ташкентский пед. институт». Ташкент, 1979, т. 237. Из содержания: **Я. Р. Раджабов.** Особенности идейно-воспитательной и атеистической работы в Хорезме в первые годы Советской власти, стр. 5—12; **А. А. Сабиров.** Хорезмская Коммунистическая партия в авангарде атеистического движения, стр. 12—20; **К. Абдуллаев.** Создание Хорезмского комсомола и его роль в развертывании атеистического работы среди трудящихся, стр. 20—30; **Х. С. Сапаев, А. Хаитбаев.** Утверждение социалистических производственных отношений и их влияние на формирование атеистического сознания масс, стр. 30—39; **А. С. Сабиров.** Становление социалистической культуры и ее роль в борьбе с влиянием религии, стр. 39—60. **Р. Атаджанов.** Роль органов народного образования и педагогических кадров в атеистическом воспитании трудящихся, стр. 60—66.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ГРЕХ, В КОТОРОМ ПОВИННЫ БОГИ, — ГРЕХ НЕБЫТИЯ.

КОГДА БОГИ БЫЛИ КАМНЯМИ, РУЧЬЯМИ И ДЕРЕВЬЯМИ, ЧЕЛОВЕК УЖЕ БЫЛ ЧЕЛОВЕКОМ.

НАМЕСТНИК БОГА НА ЗЕМЛЕ... А ЧЬЕ МЕСТО ЗАЙМЕТ ОН НА НЕБЕ?

НЕ ИМЕЯ РОГОВ, ПОНЕВОЛЕ ПРИХОДИТСЯ БЫТЬ АНГЕЛОМ.

ВЕРУЮЩИЙ ПОДОБЕН МАЯТНИКУ: ВСЮ ЖИЗНЬ КОЛЕБЛЕТСЯ МЕЖДУ АДОМ И РАЕМ НА НИТОЧКЕ БЫТИЯ.

КОГДА СОЗРЕВАЮТ ЯБЛОКИ, НЕ НАНИМАЙТЕ АДАМА СТОРОЖИТЬ САД.

Леонид НЕФЕДЬЕВ.

г. Киев

МОЛИТВА ПОМОГАЕТ ДАЖЕ ОТ ПОЛНОТЫ — ЕСЛИ МОЛИТЬСЯ ВМЕСТО ЕДЫ.

Сергей ПУГАЧЕВ

Ленинград

ЧЕМ МЕНЬШЕ ЗА ДУШОЙ, ТЕМ ДОРОЖЕ ПЫТАЮТСЯ ПРОДАТЬ ЕЕ ДЬЯВОЛУ.

ГРЕШНИКУ ЛЕГЧЕ ПРОЛЕЗТЬ В ИГОЛЬНОЕ УШКО, ЧЕМ ДОКАЗАТЬ, ЧТО ОН НЕ ВЕРБЛЮД.

ЧТО НЕУДОБНО ВОЗГЛАШАТЬ ПРОПОВЕДНИКУ, ТО ПОРУЧАЮТ ЮРОДИВОМУ.

Данил РУДЫЙ

г. Одесса

Сдано в набор 17. 12. 79. Подписано к печати 28. 01. 80. А 02309. Формат издания 60×90/8 Глубокая печать.

Условных печатных листов — 8 Учетно-издательских листов 12,15. Тираж 440 000 экз. Зак. 06187.

Адрес редакции: 109004. Москва, Ж-4, Ульяновская, 43, корп. 4.

Телефоны: 297-02-51, 297-10-89.

Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна» г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

Семейный портрет. И. Исламова, 13 лет.

Портрет сестренки. О. Матяш, 13 лет.

Сокровища. Э. Джамалбаев. 12 лет.

Танец. Г. Бакирова, 14 лет. Фото Н. Шарипова.

Сельские музыканты. С. Анапов, 14 лет.

Весна пришла. И. Исламова, 13 лет.

33-13

Цена 30 коп.
70602

В следующем номере

110 лет СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

Статьи и очерки о ленинских принципах атеистической работы.

ТАК РЕШИЛИ АКСАКАЛЫ

Старейшие пользуются в Средней Азии особым уважением. Слово и дело аксакалов — сильное средство воспитания. Об этом очерк В. ХАРАЗОВА.

ОБРЯД — КАКИМ ЕМУ БЫТЬ?

О том, в каком направлении идет развитие и совершенствование новых праздников и обрядов, рассказывает в беседе с нашим корреспондентом заместитель министра культуры СССР Т. В. ГОЛУБЦОВА.

ОСНОВАТЕЛЬ КОСМОНАВТИКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

— тема очерка журналиста В. ГУБАРЕВА.

КАК ШАРИАТ ОТНОСИТСЯ К ИСКУССТВУ?

На этот вопрос отвечает кандидат исторических наук Г. КЕРИМОВ.

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЕМ

Письма в редакцию о религии и атеизме — «Про то, как мы жили», «В те далекие годы», ответ на вопрос о «счастливой» звезде — «Магическое созвездие».

ОПИРАЯСЬ НА БОГАТЫЕ ТРАДИЦИИ,

рассказывает в своем интервью венгерский академик Д. АДАМ, пропагандисты ВНР активно формируют материалистическое мировоззрение у трудящихся.

«НИСПРОВЕРГАТЕЛИ»

Кандидат исторических наук В. КМЕЛЯУСКАС раскрывает в своей статье попытки католических теологов подорвать коммунистическую идеологию.